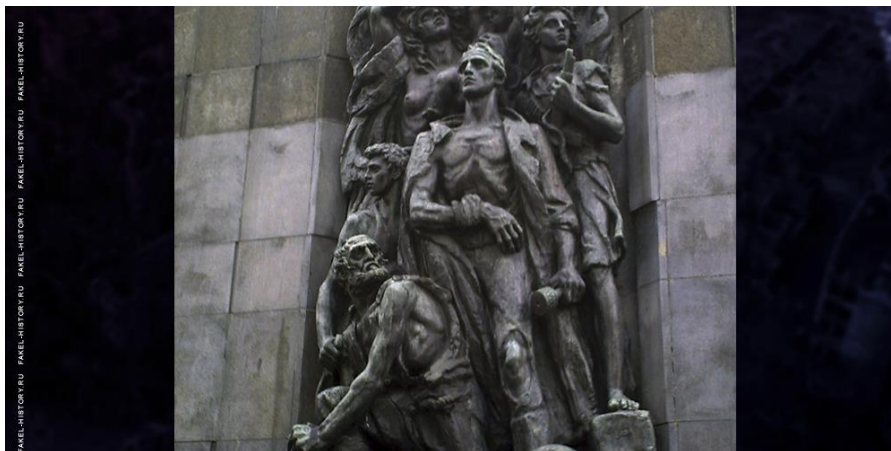

**О чем не принято говорить.
(Варшавское гетто, восстание, факты)**

«Я обращаюсь к вам, евреи Польши, <...> Я продолжаю вас предупреждать, что надвигается несчастье. Мое сердце обливается кровью, потому что вы не замечаете вулкана, извержение которого неизбежно, и лава которого все разрушит. Я знаю, что вы этого не видите по причине занятости повседневными заботами. Но сегодня я прошу, чтобы вы мне поверили... Именем Бога - спасайтесь, пока не поздно, ибо времени осталось мало».

Зеев Жаботинский, 1938 г. Варшавская идишская газета «Ди вельт»

«Это был первый случай вооруженного сопротивления городского населения в оккупированной Европе. Но восстание не имело шансов на успех. Из почти полумиллиона жителей гетто к апрелю 1943 года оставалось не более 70 тысяч человек. Решение приступить к военным действиям – символ безнадежной борьбы горстки еврейских активистов против всемогущих сил нацистской Германии.»

Павел Сьпевак - профессор социологии Варшавского университета и директор Еврейского исторического института в Варшаве.

«Кто не знает о восстании в варшавском гетто? О нём пишут книги, слагают песни. Но книги лживы. И правду об этом восстании большинство людей не знает. Правду знают лишь немногие. Этих немногих – десятки тысяч. Но что такое десятки тысяч по сравнению с миллионами? Миллионы, не просто не знают правду – они знают ложь! Но при этом они твёрдо уверены, что знают правду».

Александр Свищев. «Правда о восстании в Варшавском гетто»

«Почти во всех публикациях только одна организация сопротивления изображена со славой и точностью – (Z.O.B.). Тот, кто знает огромное количество литературы, не понимает, что в Варшавском гетто существовала знает огромное количество литературы, не понимает, что в Варшавском гетто существовала другая боевая организация - (Z.Z.W.). До сегодняшнего дня мало кто из историков рассматривал это в своих исследованиях. Также в Израиле почти все

институты и архивы, которые занимаются Холокостом и сопротивлением, игнорируют это. Причина этого пробела в учебниках истории носит идеологический характер».

Немецко-еврейский историк Арно Люстижер

«Евреи потрясли меня и моих подчиненных своей волей к борьбе. Мы, участники Первой мировой войны и эсэсовцы знали, знаем, что такое воля к победе. В нас вырабатывали эту волю, закалку, настойчивость, твердость. А проявилась она у варшавских евреев, застав их врасплох. Вот почему бои в гетто так затянулись».

Юрген Штрооп генерал-лейтенант СС - палач Варшавского гетто

Предисловие.

Мой интерес к истории восстания в варшавском гетто возник совершенно случайно. Как-то утром в апреле этого года, слушая новости, я услышал в одном из сообщений имя Симхи Ротема.

Симху Ротема, легендарного человека, бойца Еврейской боевой организации, которого все знали по его псевдониму Казик, я хорошо знал. Он - герой восстания в Варшавском гетто, ушел в мир иной год тому назад.

Передача на радио была посвящена 75 годовщине восстания Варшавского гетто. К сожалению, я застал только конец передачи. Возникло желание освежить память об этом восстании, хотя бы потому, что многое из того, что мне рассказывал Казик во время нашей совместной поездки в Берлин на мероприятия по случаю 65 годовщины освобождения Освенцима, забылось. Я начал поиски в интернете. В одной из найденных в интернете статей, опубликованной в «Еврейском политологическом обозрении» номер 18 за 2006 год, я обратил внимание на следующую фразу:

«Восстание в Варшавском гетто остается одной из самых известных глав Шоа, и героизм повстанцев продолжает вдохновлять. Тем ни менее, научное отношение к Зидовскому Зятеку Войскову или Еврейскому военному союзу Z.Z.W, который был основан в гетто элементами сионистского ревизионистского движения, все еще не завершено. Ревизионистские круги особенно давно утверждают, что идеологические конкуренты Z.Z.W. сознательно предотвратили его закрепление в национальном пантеоне. Хотя в этом обвинении есть смысл, реальность является более сложной и нюансированной. Установление законного места Z.Z.W. в историческом повествовании потребует тщательной деконструкции существующей историографии и, в частности, темных польских источников, которые так заметно фигурировали в его эволюции».

В другой статье д-р Лоуренс Вайнбаут – главный редактор Израильского журнала иностранных дел в 1966 году писал:

«Преодоление этого недостатка - задача, которая ждет тех, кто пытается вести хронику истории Z.Z.W. и ее эволюции. В конечном счете, только тщательная деконструкция существующей документации по Z.Z.W. проложит путь для нового и однозначного повествования, которое определит место группы в истории - и, в конечном итоге, в коллективной памяти».

Эти высказывания порождали вопросы:

- какие организации сопротивления реально участвовали в восстании в Варшавском гетто;
- почему эти организации не были объединены в единое Движение сопротивления;
- почему история восстания в существующей документации не отражает реальную расстановку сил сопротивления в Гетто;
- почему «во всех публикациях только одна организация сопротивления изображена со славой и точностью – (З.О.В.)» а роль еще одной организации сопротивления Z.Z.W. «требует деконструкции». Во мне проснулся азарт исследователя, и я решил, что, если, как писал автор приведенной мной фразы, научное отношение к Еврейскому военному союзу еще не завершено, то почему бы мне не попытаться внести свой посильный вклад в выяснении истины. Если не для печати, то хотя бы для самого себя.

Меня подогревало еще то, что в рассказах Казика о восстании он по какой-то причине избегал тем, связанных с деятельностью существовавших в гетто политических организаций и движений сопротивления нацистам. Он больше говорил о себе, о Мареке Эдельмане, об Анелевиче и о других бойцах группы, которых он хорошо знал, рассказывал об эпизодах восстания, к которым был причастен. Но в его рассказах ни разу не прозвучали имена Апфельбаума и Френкеля.

Более того, несколько лет тому назад при посещении Варшавы местный экскурсовод, знакомя нас с тем, что осталось от варшавского гетто, подробно рассказывал о героизме бойцов сопротивления, о руководителе восстания Анелевиче. При этом экскурсовод лишь мельком заметил, что в гетто были и другие группы сопротивления. Говоря о них, он назвал группу уголовников, но ни словом не обмолвился об Еврейском военном союзе. К сожалению, я тогда ничего не знал о том, что наряду с Анелевичем в восстании участвовали Павел Френкель и Давид Апфельбаум – руководители Еврейского военного союза. Сейчас я задаю себе вопрос, почему же ни Казик, ни варшавский экскурсовод не упоминали о Еврейском военном союзе?

В Еврейской энциклопедии, хотя и есть упоминание о Z.Z.W., однако не упоминаются имена руководителей этой организации, и руководителем восстания в Варшавском гетто назван лишь Анелевич.

Почему?

В бывшем СССР тема восстания в Варшавском гетто и варшавского восстания в 1944 году всегда освещалась негативно. Да и сейчас в научных исторических кругах эта тема не стала предметом серьезных исследований. В статьях по поводу освобождения Польши эта тема освещалась поверхностно и в самом общем виде.

Складывается впечатление, что об этом в России не принято говорить.

....По мере изучения воспоминаний бывших участников восстания усиливалось недоумение по поводу того, что роль одной из таких организаций в восстании сознательно преувеличивалась, другой - замалчивалась. Появилось понимание того, что в Польше, в Израиле и в России историки и политические деятели просто-напросто пересматривают историю в выгодном для них свете.

Стало понятно, что и в истории Варшавского восстания существуют факты, о которых **не принято говорить**.

Я прочел книгу оставшегося в живого видного деятеля Z.O.Ва Марека Эдельмана и воспоминания связной Z.O.В. Владки Мид. Ни в одной из этих книг я не нашел упоминания о Z.Z.W.

Мне показалось это странным. Я продолжил поиски в интернете. Восстановление реальной картины событий в оккупированной Варшаве, ради исторической справедливости, оказалось не легкой задачей.

Помимо изучения общедоступной информации и книг воспоминаний участников восстания, я проработал опубликованные в Польше, Германии, России и в Израиле архивные материалы, научные и публицистические статьи о восстании в Варшавском гетто.

Это позволило мне составить не только более-ни менее полную картину того, что происходило с евреями в оккупированной нацистами Варшаве, не только объективно разобраться в истории и хронологии восстания Варшавского гетто, но и изложить свою оценку роли еврейских молодежных групп сопротивления нацистам в подготовке и осуществлении восстания.

Я не единственный человек, изучавший историю восстания в Варшавском гетто. Есть исследователи, которые это делали до меня. С заключениями некоторых я согласен. Но сегодня стали известны новые документы, свидетельствующие о том, что происходило в стенах гетто и за его пределами.

Я полагаю, что представленные мной результаты исследования носят объективный характер, поскольку опираются не на домыслы, а на факты, изложенные в многочисленных материалах, выдержки из которых я привожу.

Я понимаю, что частое цитирование выдержек утяжеляет восприятие материала исследования, но не вижу иного способа подтверждения моих выводов.

Я полагаю, что без освещения картины того, что происходило с еврейской общиной Варшавы в предвоенный период и после ее оккупации нацистами, без понимания причин разобщенности политических сил узников Варшавского гетто, без понимания истоков враждебности польского населения Варшавы к евреям, ответы на поставленные мною вопросы будут не полными.

Глава 1. Довоенная Варшава. Истоки антисемитизма.

Небольшой экскурс в историю Польши.

Появление первых небольших еврейских общин датируется тринадцатым веком. Численность евреев существенно возросло после изгнания евреев из других стран Европы: из Испании в 1492 г, Португалии в 1497 г., Германии в 1346 г., Австрии в 1420 г., Франции в 1394 г. Король Казимир третий принял в отношении евреев очень важные решения, обеспечившие безопасность и интересы евреев. С этой целью он вывел их из-под юрисдикции немецкого права и создал условия для эмиграции евреев в Польшу. В семнадцатом веке Польша стала единственной европейской страной, обеспечившей динамичное развитие еврейской общины, пристанищем евреев, изгоняемых из Европы. Не случайно тогдашнюю Польшу называли «Еврейским раем». Краковский раввин 16 века Моисей Иссерлес говорил, что, если бы Б-г не дал евреям Польши как убежища, судьба израильского народа была бы, по-видимому, уничтожение. По мере ослабления Польши, как государства, ухудшилось и положение польских евреев. В 1795 году, населявшие Польшу евреи, также как и остальное население, стали подданными Российской империи, Австро-Венгрии и королевства Пруссии. В Пруссии, начиная с 1812 года и в России с 1822 года, евреям были даны гражданские и политические права.

В 1860 г. в Польше проживало 4 840 466 человек. Из них поляков было 3 200 000, Самым крупным меньшинством в Польше были евреи. Они составляли 12,6% населения. В тот период времени в Польше не наблюдался воинствующий антисемитизм.

Рост антисемитизма в Польше проявился после подавления царизмом национально-освободительного восстания в 1863-1864 года, завершившегося 30 тысячами убитых поляков. Жестокое подавление восстания царским правительством, вынесение 400 смертных приговоров, высылка в Сибирь многих тысяч польских революционеров, ухудшившее положение польской экономики, увольнение большинства поляков с государственных служб, вызвало ожесточение польского населения, которое обрушило свой гнев, ... конечно же, на евреев. Этому способствовали и еврейские погромы в ряде стран Европы. К тому же стала осуществляться дискриминационная политика царизма в отношении евреев, которых не принимали на работу в государственные учреждения, в полицию, а в армии на офицерские должности. Была введена процентная норма для приема евреев в средние и высшие учебные заведения.

Однако, в начале 30-х годов положение польских евреев начало изменяться к лучшему. В ряде источников сообщается, что до Второй мировой войны **Варшава**, насчитывавшая более 350 тысяч евреев или 30% от общей численности города, была центром еврейской жизни и культуры Польши. Рост еврейского населения Варшавы, как и в других городах и местечках Польши, был обусловлен принятием в марте 1921 конституции Польши, предоставившей евреям те же юридические права, что и другим гражданам. Евреям была гарантирована свобода вероисповеданий и религиозная терпимость. В статьях 109 и 110 конституции говорилось, что каждый польский гражданин имеет право на сохранение своей национальной принадлежности. В конституции отмечалось, что национальности непольского происхождения имеют право на свои школы, социальные и экономические учреждения. Конституция гарантировала использование без ограничений национального языка и религии. Это сделало Польшу весьма привлекательной страной для эмиграции евреев из Советской России. Начался бурный рост еврейского населения Польши. С 1816 по 1921 год, численность еврейского населения в Польше выросло в семь раз, с примерно 213 000 до 1 500 000 человек. В статьях 109 и 110 конституции говорилось, что каждый польский гражданин

имеет право на сохранение своей национальной принадлежности. В конституции отмечалось, что национальности польского происхождения имеют право на свои школы, социальные и экономические учреждения. Конституция гарантировала использование без ограничений национального языка и религии.

Этот факт сделал Польшу весьма привлекательной страной для эмиграции евреев из Советской России. Начался бурный рост еврейского населения Польши. С 1816 по 1921 год, численность еврейского населения в Польше выросло в семь раз, с примерно 213 000 до 1 500 000 человек.

Согласно польской национальной переписи населения 1921 года, в Польше проживало 2 845 364 еврея; но к концу 1938 года — это число возросло.

В довоенный период в Варшаве функционировали многие еврейские общинные организации и объединения, издавались многочисленные периодические издания на польском языке, идиш и на иврите. Работали еврейские театры и большая сеть еврейских учебных заведений с преподаванием на иврите и идиш. Однако, большинство еврейских семей предпочитало, чтобы их дети обучались в общих государственных школах, в которых преподавание велось на польском языке. В таких школах обучалось 250 тысяч детей. Многие евреи принимали участие во внутривойсковой жизни Польши, а также в различных сионистских партиях, таких, как «Ционим клалиим», «Поалей-Цион». Функционировали также партия «Бунд» и религиозные партии «Мизрахи» и «Агудат Исраэль». Еврейскую общину Варшавы возглавляли представители партий «Ционим клалиим» и «Агудат Исраэль». Представители еврейских партий участвовали в выборах Варшавского муниципалитета. В 1936 году в муниципалитет Варшавы и в совет еврейской общины были избраны представители «Бунда», однако, польское правительство отменило результаты выборов в совет еврейской общины и назначило в совет другой состав. Этот состав действовал вплоть до вторжения нацистов в Польшу. Это было началом разнузданной антисемитской компании и ухудшением отношения польских властей к евреям.

Польша во все времена очень ревниво относилась к своей идентичности, особенно в период отсутствия своей государственности. Она никогда не ассоциировала себя как многонациональное государство. Поэтому проживание в Польше таких групп населения, как русские, украинцы, немцы венгры и евреи рассматривалось польским населением, как некий анахронизм. И если к славянским жителям Польши можно было применить требование ассимиляции, то в отношении евреев, веками сохранявших свою идентичность, у них не было другого решения, кроме как изгнание их из Польши.

Созданием в 1934 году такой организации, как «Лагерь национально-радикальной фаланги» (Oboz Narodom-Radikalnoej Falanga), разделившейся в 1935 году на две организации: «Национально-радикальный лагерь. Фаланга» и «Национально-радикальный лагерь. «Польский Фашизм», было положено начало воинствующему антисемитизму. Эти организации, перешедшие на нелегальное положение, потребовали изгнания евреев из страны и ассимиляции славянских меньшинств в Польше. Члены этих организаций начали осуществлять теракты в отношении евреев. Антисемитизм в эти годы проник во все сферы польского общества. Особенно сильно это ощущалось в небольших городах, в школах и университетах по всей стране. Появились такие понятия, как «скамеечное гетто». В 1937-1938 году автономные Управления некоторых университетов официально признали существовавшие в нацистской Германии арийские «скамьи гетто». Евреи-студенты должны были сидеть отдельно от остальных студентов на задних скамейках с левой стороны аудитории. В студенческих билетах евреев-студентов была проставлена специальная печать. Это вызвало протестные акции со стороны евреев-студентов.

В ответ на введение «отдельных скамей» для евреев в университетах, партия «Бунд» организовала 19-го октября 1938 года внушительный массовый протест, показавший готовность еврейских масс бороться за свои права.

«Черное кровавое Вербное воскресенье»

Вчера, в Вербное воскресенье, местное еврейство организовало оргию против Германии и всего немецкого. После сходки в кинотеатре около 500 поляков, подкупленных евреями, вооружились палками и шестами и бросились громить редакцию «Lodzer Zeitung» ... Они были остановлены полицией. Тогда руководивший ими еврей скомандовал двигаться к редакции «Freie Presse»...

Так внешнеполитическое ведомство Национал-социалистической немецкой рабочей партии оценивало причины немецко-еврейского противостояния, случившегося в Лодзи 9 апреля 1933 года.

Тем ни менее, начиная с 1935 года, в польскую конституцию были внесены антидемократические изменения, позволявшие правительству диктовать избирателям, кого следует избирать в Сейм и Сенат. В результате в этих органах почти полностью исчезла еврейская оппозиция. В новой редакции конституции понятия национальных меньшинств уже не было. Сейм и Сенат без стеснения санкционировали методы экономического антисемитизма. Появились призывы игнорировать еврейские торговые заведения. К антисемитской кампании подключилась и католическая церковь. Появились многочисленные публикации, в которых церковь призывала свою паству к мобилизации сил и средств для защиты от «еврейской опасности». Антисемитские акции в нацистской Германии нашли живой отклик в Польше. Евреев лишили социальных пособий; прошли антиеврейские акции.

Правительство Юзефа Пилсудского, провозгласившее «возрождение» общественной жизни в Польше и опиравшееся на так называемый «Беспартийный блок», довело страну до полного экономического и политического развала. Польша превратилась в государство массовой безработицы, которая оценивалась в несколько миллионов человек городского населения. Польша на две трети аграрная страна остро нуждалась в решении земельного вопроса. Миллионы безземельных крестьян требовали раздела земель, принадлежавших крупным латифундиям. От этого зависело нормальное развитие промышленности и торговли, а также нормализация социальных проблем, включая сокращение безработицы в городах и деревнях. Правительство Пилсудского не решалось на принятие радикальных мер. Это привело к тому, что в 1935 году, без работы было около 20% кормильцев семей. Особенно больно безработица ударил по молодежи. Накануне войны нехватка рабочих мест для молодежи составляла 300,000, что вызвало массовую эмиграцию, достигшую миллиона человек. Выпускники школ, училищ и университетов не могли найти работу в слабо развитой стране, не способной конкурировать с другими странами из-за отсутствия в стране капитала и инвестиций. Иностранный капитал избегал инвестировать в Польшу капитал из-за нестабильных и не регулируемых экономических и социальных отношений в стране. Экономист Людвик Ландау оценивал количество безработных в одной только Варшаве в 1935 году в сто тысяч человек.

Как это бывало всегда, и не только в Польше, во всех этих бедах были обвинены евреи. Правительство Польши и националистические партии, представленные в Сейме, утверждали, что страдающий от экономического кризиса польский народ находится под властью евреев, и что поэтому необходимо разбить эту «инородную» власть и захватить ее. Польские массы имеют

полное право любыми средствами изгнать «инородцев» из экономики страны переселением их в другие страны. Что касается украинцев и других славянских меньшинств, проживавших в Польше, было решено всячески поощрять их ассимиляцию. Поощрение бойкота и рост антисемитизма породили насилие по отношению к евреям. Прокатилась волна погромов и бесчинств, поощряемых властями. 9 марта 1936 года вспыхивает погром в Пштитых, в ходе которого 3 еврея были убиты и 60 ранено. В последующие дни погромы распространились на соседние города. В ходе этих погромов 80 евреев были убиты и 200 ранены. В течение 1936-1937 годов прошли погромы в Ченстохове, Люблине, Гродно и Белостоке.

Антиеврейские настроения в Польше достигли своего апогея в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. Между 1935 и 1937 годами в результате антиеврейских инцидентов семьдесят девять евреев были убиты и 500 ранены. Социальная политика правительства лишила евреев, работавших на дому и в небольших магазинах, возможности получения каких-либо пособий.

Сейм принял ряд законов, имевших своей целью изгнание евреев из экономической жизни страны. Был взят курс на создание исключительно польского государства. В предвоенной Польше численность населения составляла 35 млн. человек, в том числе 25 млн. поляков, 3 млн. евреев, 5 млн. украинцев, 1 млн. немцев и представители других национальностей. В 1925 году из признанных государством иудейских общин 558 находилось в городах и 509 – в деревнях. В этот период в Польше насчитывалось 2041 синагоги. В столице провинции Лук евреи составляли 48,5% разнообразного многонационального населения из 35 550 поляков, украинцев, белорусов и других. В Лук была самая большая еврейская община в воеводстве. В Бжещи в 1936 г. евреи составляли 41,3% от общей численности населения, и им принадлежало около 80,3% частных предприятий. 32% еврейских жителей Радома также пользовались значительной известностью, при этом 90% малых предприятий в городе принадлежали и управлялись евреями. В малом бизнесе евреи работали жестянщиками, слесарями, ювелирами, портными, изготовителями шляп, парикмахерами, плотниками, малярами и клейщиками обоев, сапожниками. Большая часть пекарей и мастеров по ремонту часов были евреями. В Любартове большая часть мелкого бизнеса также принадлежала евреям, составлявшим 53,6% населения города. В городе Любомле среди 4169 жителей проживало 3807 евреев, что составляло основу его социальной и политической жизни.

Война, объявленная евреям, лишила многих из них доходов, что вынудило еврейских производителей и бизнесменов покинуть Польшу.

Тем не менее, в Варшаве в канун вторжения нацистов в Польшу еще оставалось некоторое количество заводов и банков, владельцами которых были евреи. В Польше до войны евреи владели 20% собственности страны, которая обеспечивала в ряде отраслей до 30% объема производства. Все они в 1942-1943 году перешли во владение поляков и немцев. Сегодня США считают, что долг Варшавы евреям составляет примерно 400 млрд. долларов или 51% своего годового ВВП.

Ландау оценивал количество безработных в одной только Варшаве в 1935 году в сто тысяч человек.

Польский народ, говорили в Сейме, имеет полное право любыми средствами изгнать «инородцев» из экономики страны. Премьер-министр Польши Славой-Складовский заявил, что война с евреями – это нормально.

Наряду с экономическим антисемитизмом набрал силу и антисемитизм культурный. В высших учебных заведениях стали насаждаться расовые «культурные программы», вылившиеся в преследовании профессорско-преподавательского состава еврейского происхождения и в

установлении квот для еврейских студентов. Каждый учебный год сопровождался насилием и даже убийствами еврейских студентов. Стало нормой преподавание расовой теории.

Многие общественные организации, такие, например, как ассоциации инженеров, докторов, зубных врачей и другие ассоциации изгоняли из своих рядов людей, чье расовое происхождение не было доказано.

Антисемитская политика правительства была лишь частью общей национальной политики, основанной на преследовании украинцев и белорусов.

Антисемитизм особенно усилился, начиная с приходом нацистов в Германии к власти и принятия ими нюрнбергских расистских законов, получивших в Польше поддержку со стороны профсоюзов и представителей свободных профессий. Из профсоюзов были изгнаны евреи. Представители «Лагеря национального Объединения» внесли в Сейм проект закона о лишении польских евреев гражданства.

Известный британский политик Ллойд Джордж в своих воспоминаниях констатировал, что в предвоенной Польше *«установилась общая дискриминация еврейского меньшинства во всех без исключения сферах»*. Дело дошло до прямого заявления в Лиге Наций о том, что польское правительство намерено избавиться, по крайней мере, от 2,5 миллионов из общего числа евреев.

Генеральный штаб Польской армии издал приказ, запрещающий набирать евреев в авиацию, флот, танковые войска, подразделения связи и т.д. 74% еврейских солдат служили в пехоте, 14% - в артиллерии и совсем немного в кавалерии. Еврею почти невозможно было стать младшим командиром, а офицерами были буквально единицы. Среди поляков, особенно профессиональных военных, существовало убеждение, что евреи не пригодны ни к воинской службе, ни к бою. На бытовом уровне оскорбления, избиения, издевательства, убийства, изнасилования носили если не массовый, то вполне обыденный характер. После смерти Пилсудского в Польше многие евреи, видя, что антисемитизм в Польше и в Европе в целом набирает обороты, стали эмигрировать в Палестину. Всего в Палестину в 30 годах прибыло 62000 евреев, а в период между 1929-1939 в Палестину эмигрировало еще 12000 евреев. Всего же до начала второй мировой войны Польшу покинуло 200000 человек.

Из этого числа эмигрировавших из Польши евреев 74 000 переселились в Палестину, 34 000 — в Аргентину и 28 000 — в США.

В начале сороковых годов польские политики стали планировать переселение польских евреев на Мадагаскар или в Латинскую Америку.

Польское население в массе своей до начала Второй мировой войны солидаризовалось с Гитлером в его намерении «окончательно решить еврейский вопрос». Оно поддерживало правительство Польши в его намерении выселить всех польских евреев. Тогда в Польше был популярен лозунг «Евреев на Мадагаскар!» Этот лозунг употреблялся польскими политиками в противовес планам сионистки настроенных еврейских общественных организаций по репатриации евреев в Палестину и созданию там самостоятельного еврейского государства.

В декабре 1937 года вышло официальное правительственное сообщение в издании «Polska Informacja Polityczna», в котором говорилось, что вопрос еврейской эмиграции на Мадагаскар *«перешёл из области теоретических дискуссий на путь существующих возможностей»*.

Вольдемар Шмидт в своей статье «Антисемитский мадагаскарский план» в предвоенной Польше 1936-1939 годы» пишет, что инициатором столь «грандиозного плана» по отношению

к европейским евреям явился ученый востоковед и по убеждениям ярый антисемит - Пауль де Лагард (1827–1891), который сформулировал эту идею в статье «О первоочередных обязанностях немецкой политики», вышедшей в 1885 г., где предложил депортацию европейских евреев на Мадагаскар.

В поддержку идеи изгнания евреев из Европы на Мадагаскар после окончания Первой мировой войны высказались Англия, Франция, а затем и Польша. Первоначально польский план 1926 года предусматривал переселение **польского сельского населения** на остров, являвшийся колонией Франции. Французская сторона, однако, скептически отнеслась к предложению Польши. Представителю политических кругов Варшавы графу Хлоповскому было сказано, что этот проект практически невозможно осуществить по причине плохих климатических условий на острове, отчего там гибнет даже местное население. В результате польский план переселения польских крестьян на остров Мадагаскар был отклонен.

Польский план переселения евреев на Мадагаскар возник на основе острого социального кризиса, обусловленного не в последнюю очередь, ростом численности населения Польши.

В этот период польская правящая элита рассматривала принудительное переселение евреев как долгосрочную программу решения «еврейского вопроса». С 1934 по 1936 г. правительство интенсивно проводило работу по реализации этой долгосрочной программы. В первую очередь предпринимались меры, направленные на то, чтобы эта программа вызвала понимание и симпатии международной общественности. Идею переселения евреев на Мадагаскар поддержал польский министр Юзеф Бек, который в 1935 году создал рабочую группу под названием «Specjalna Komisja Studiów» по решению еврейского вопроса в Польше. В состав этой рабочей группы вошли: Виктор Томир Дриммер, возглавлявший V департамент консульского отдела Министерства иностранных дел Польши, управляющий отделом эмиграционной политики Януш Зарыхта и заместитель Януша Зарыхты Ян Вагнер. 23 декабря 1936 эта группа года вынесла на правительственное обсуждение меморандум под названием «Еврейская эмиграция и колониальные вопросы». В меморандуме, явно носившем антисемитский характер, говорилось, что имеет место еврейская перенаселённость Польши, превышение еврейской рождаемости над польской, преобладание евреев в промышленности. Особый упор в меморандуме делался на более высокое материальное положение евреев, чем у польского населения. Некоторые представители еврейской общины также поддерживали план переселения евреев на Мадагаскар. Депутат Сейма Исак Гринбаум выступил в августе 1936 года с обращением: *«Для широких еврейских масс настало время исхода. Эмиграция даст Польше огромную выгоду».*

Мечислав Лепецкий (в мундире) и справа от него — Януш Зарыхта

Правительство не волновало, что условия проживания на Мадагаскаре малоприспособлены даже для местного населения. Важно было изгнать евреев из страны, придав этому изгнанию легитимность и международную поддержку.

Власти современной Польши утверждают, что в 1937 году французский министр заморских территорий Мариус Муте предложил передать Польше французскую колонию Мадагаскар. 4 мая 1937 года в Париже состоялась встреча французского министра Мариуса Муте с польским послом Юлиушем Лукашевичем и с членами польской комиссии колонизации во главе с Мечиславом Лепецким. На этой встрече Мариус Муте высказался в поддержку польских властей в колонизации Мадагаскара.

В результате переговоров между министрами иностранных дел Польши и Франции была создана специальная комиссия по изучению условий проживания на острове и приспособленности острова для заселения его польскими евреями. Губернатор Мадагаскара обещал оказать помощь в работе комиссии. Члены комиссии перед вылетом на Мадагаскар были приняты в министерстве иностранных дел Польши. Им было сказано о заинтересованности Польши в переселении польских евреев на остров. Газета *Jüdische Rundschau* в эти дни публиковало статьи, в которых высказывалось негативное мнение о местном населении.

Комиссия в составе майора Мечислава Лепецкого, натуралиста Аркадия Фидлера, юриста Леона Альтера и инженера по сельскому хозяйству Соломона Дыка пробыла на Мадагаскаре 10 недель и составила отчет о пригодности северной части острова для проживания на нем евреев.

Внимание всех членов комиссии было сконцентрировано на области Анкаизана, расположенной на севере Мадагаскара. По мнению главы комиссии Лепецкого, на этой территории можно было заселить 5000–7000 семей, что составило 25 000–35 000 человек. Однако два других члена комиссии от еврейских организаций не разделяли оптимизма Лепецкого. По их мнению, на Мадагаскаре отсутствуют возможности для развития городских поселений, что исключает массовое переселение. К тому же существует опасность столкнуться с сопротивлением местного населения.

Один из членов комиссии, Соломон Дык, вообще ставил под вопрос возможность заселения области Анкаизана, так как она не имела достаточно связей с остальной частью острова. Леон Алтер считал, что климатические условия острова делают проживание евреев на нем невозможным.

Лидеры нацистской Германии выразили заинтересованность в планах Польши решить «еврейский вопрос» переселением евреев на Мадагаскар. Гитлер на встрече с польским послом Липским заверил его, что в будущем Германия также собирается решить «еврейскую проблему» совместно Польшей, Венгрией и Румынией путем эмиграции евреев в колонии. Заявление Гитлера о том, что он готов приступить к реализации этого плана, вызвало ответное ликование Липского, который и сообщил своему руководству в Варшаве, что готов за принудительное выселение евреев поставить фюреру «великолепный памятник» в столице своей страны.

24 октября 1938 года министр иностранных дел Германии Риббентроп вновь подтвердил готовность Германии сотрудничать с Польшей в решении «еврейского вопроса»

В начале июня 1940 года начальник еврейского отдела в Auswärtiges Amt Франц Радемахер представил план, согласно которому 25 000 французов покинут Мадагаскар, а Германия организует на нём военно-морскую и военно-воздушную базы. При этом на неоккупированную часть Мадагаскара завезут 4-5 миллионов евреев, которые будут заниматься сельскохозяйственным трудом под надзором СС.

Однако, в итоге, польский план переселения евреев на Мадагаскар остался не реализованным и иллюзорным.

Современный польский историк Эдвард Гигилевич пишет, что «необходимо также признать, что если бы «Проект Мадагаскар» удалось реализовать хотя бы в небольшой его части, то удалось бы спасти от гибели многих польских евреев».

Хотя в истории нет сослагательного наклонения, смею, как и Эдвард Гилевич, предположить, что будь Мадагаскарский план, несмотря на всю его ущербность, реализован, возможно, 3 млн. польских евреев не погибли бы в Варшаве, Треблинке и Освенциме.

Таким образом, уже к 1940 году в Польше сложились условия, которые обусловили положительную реакцию основной массы польского населения на депортацию евреев в концентрационные лагеря и на уничтожение Варшавского гетто.

Вместе с тем было бы неверно относить это ко всему польскому населению Варшавы.

Еще за несколько месяцев до начала войны ничто не предвещало изменение отношений поляков к еврейскому населению страны. Антисемитизм процветал как ни в чем не бывало, даже в армии. Среди кадровых офицеров отношение к евреям было таким же, как и среди остального образованного сословия. Еврей не мог получить офицерского звания, будь он хоть семи пядей во лбу. Еврей не мог подняться выше младшего лейтенанта. Евреев не принимали в профессиональную армию. Евреи не могли участвовать в снабжении армии. Незадолго до войны, однако, польское общество как бы образумилось и осознало, что антисемитизм – это орудие в руках Гитлера. Антисемитская пресса, видимо следуя указаниям, сменила тон и прекратила нападки на евреев. Еврейский вопрос, занимавший до того главное место в жизни страны, вдруг исчез с политической сцены. Антисемитизм исчез как по мановению волшебной палочки; даже самые ярые антисемиты сообразили, что сейчас у поляков и евреев общий враг, и что евреи надежные

союзники в борьбе против него. Везде ощущался спад напряжения: на улицах, в трамваях, в конторах царил дух взаимопомощи и согласия. Еврей, ощущавший себя еще недавно гражданином второго, а то и третьего сорта, вновь ощутил себя полноправным гражданином, к которому отчизна обращается за помощью. Во многих домах, где совместно проживали поляки и евреи, между ними установились добрые отношения. Царила атмосфера взаимопонимания и сотрудничества на благо армии и ради помощи жертвам войны, независимо от веры или национальности.

В дни осады Варшавы молодежь различных многоквартирных домов, среди них значительное количество евреев, без устали тушили бесконечно возникавшие пожары на чердаках пятиэтажных домов. Не было воды. Огонь засыпали песком и заливали водой, набранной в квартирах. Молодые поляки и евреи совершали чудеса храбрости, борясь с огнем, обезвреживая зажигательные бомбы – иногда десятками – и локализуя пожары и предотвращая их распространение на соседние здания.

В ночь с 6-го на 7-е сентября 1939 года – в ночь эвакуации правительства из Варшавы – еврейское население массово рыло траншеи в варшавском районе Воля. Вместе с остальными жителями евреи строили баррикады из опрокинутых трамваев, автомобилей, ящиков, сломанной мебели и т.д. Молодые евреи массово записывались в полк обороны Варшавы, сформированный по призыву мэра города майора Стажинского. В еврейских домах женские комитеты организовали «пункты отдыха», где солдаты, усталые и голодные после боя, могли найти горячую еду, чай, сигареты, чистое белье и т.д. Уже через несколько дней в больницах не хватало всего: бинтов, лекарств, коек и т.д. По приказу мэра Стажинского начался сбор всего необходимого больницам, в котором активно участвовали евреи.

Варшавские евреи были охвачены энтузиазмом, напомнившим 1861-й год. Это было время польско-еврейского братства, когда большое количество еврейской молодежи участвовало в патриотических демонстрациях религиозного толка, когда проводились общие патриотические богослужения в церквях и синагогах, а еврейки – даже из хасидских семей – следуя примеру полячек, носили траур по погибшим.

Во время осады столицы евреи замечательно принимали расквартированных в их домах солдат. Их повсюду приглашали к себе и осыпали гостеприимством. Солдаты отвечали всем, чем могли, делились солдатским хлебом, бывшим тогда в Варшаве роскошью. Когда армия готовилась оставить Варшаву, то открыли военные склады и населению раздавали еду. К евреям было абсолютно равное отношение. Солдатам раздали гражданскую одежду, чтобы их не схватили немцы. Эвакуация армии из столицы в соответствии с условиями капитуляции стала трагедией для еврейского населения. С уходящими частями прощались в слезах.

Если до войны правительство из всех сил старалось исключить евреев из совместных организаций путем введения так называемого «арийского параграфа». Теперь же официальные лица дали своё согласие на включение еврейских организаций помощи в структуру общего Комитета. «Координация» (К.К.), занимавшаяся районами, в которых большинство жителей были евреи.

Однако, по мере обострения положения Варшавы, еще до падения города вновь начал поднимать свою голову антисемитизм. В домах, где жили одни поляки, было обычным делом не пускать евреев в бомбоубежища даже во время бомбежек. Потом возникли конфликты между поляками и евреями, стоявшими в бесконечных очередях в булочные или в немногие еще открытые продовольственные магазины, где продавалось лишь небольшое количество продуктов. Антисемитизм проявлялся и в длинных очередях у Вислы, где жителям города раздавали воду. По требованию антисемитского хулиганья евреев и поляков разделили на две очереди. На каждые

пятьдесят поляков к воде допускались только пять евреев. Евреев, возвращавшихся домой с водой, валили с ног и избивали, а их воду выливали. Исполняющий обязанности мэра города Варшавы с 1934 года Стажинский остался на своём посту и после того, как бежало правительство. Он был главным инициатором и душой обороны города. 8-го сентября Стажинский был назначен на должность гражданского уполномоченного по защите Варшавы, передав временно обязанности мэра своему заместителю. После сдачи города он вернулся на пост мэра. 27 октября 1939 года был арестован Гестапо и не вернулся. Он погиб в Дахау 17 сентября 1943-

Глава 2. Трагическая страница в истории Польши. 1939 год.

Кто оккупировал Польшу?

Советская историография утверждает, что Польша во второй мировой войне была оккупирована фашистской Германией, скрывая факт **оккупации** восточной части Польши, Западной Украины, части Финляндии, стран Балтии и Бессарабии **Советским Союзом**. Европейские страны расценили захват части Карельского перешейка и стран Балтии как агрессию с последующей оккупацией.

Раздел Польши и ее оккупации были обусловлены подписанием 23 августа 1939 года Пакта о ненападении и секретных протоколов к этому пакту. Германия начала оккупацию Польши **1 сентября** 1939 года, Советский Союз напал на Польшу **17 сентября** 1939 г. Мало кто знает, что в октябре-ноябре 1940 года Советский Союз вел секретные переговоры **и о присоединении к договору «О дружбе и разграничении сфер влияния», заключенному между гитлеровской Германией, фашистской Италией и Японией**. Присоединение Советского Союза к этому договору давало бы ему право **претендовать на сферы влияния в Европе и Азии, т.е. на территории Британской империи**, которые планировалось захватить. Сделка не состоялась, поскольку Германия была готова уступить Советскому Союзу Иран и Индию, но требовала отказаться от претензий на Финляндию и Балканы. И хотя СССР не скрывал факт подписания с Германией «Пакта о ненападении», обе страны тщательно скрывали секретные протоколы к Пакту. Не афишировался и факт ведения переговоров о присоединении СССР к уже упомянутому договору о «дружбе и разграничении сфер влияния»,

Итак, в шесть часов утра 17 сентября 1939 года 4 тысячи советских танков и 600 тысяч советских солдат, без объявления войны вторглись на территорию Польши, не встретив серьезного сопротивления. По мнению некоторых польских историков, в частности Збигнева Возницкого, если бы не вторжение Советского Союза, часть Польши можно было сохранить.

Чем объяснялось вторжение Красной армии на территорию Польши. В ноте, переданной в три часа ночи 17 сентября польскому послу в Москве, было заявлено:

«Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство перестали существовать, тем самым прекратили свои действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам».

СССР - говорилось в ноте, - вынужден стать на защиту представителей украинского и белорусского народов, проживающих на территории Польши.

В действительности, как отмечают польские историки, на тот момент времени половина Польши еще не была захвачена Германией, а правительство Польши, польская армия и ее командование еще находилось в стране.

В польских учебниках истории действия Красной армии на территории Польши в 1939 году называются ничем и никем ни спровоцированной агрессией.

Послевоенная Германия признала свою историческую вину за преступления нацизма в Польше, а 7 декабря 1970 года ее тогдашний канцлер Вилли Брандт преклонил колени перед мемориалом жертвам нацизма в Варшавском гетто. Тем самым возможность примирения поляков и немцев была обеспечена. Это позволило установить прочные межгосударственные отношения между двумя соседними государствами Польшей и Германией.

Советский Союз и современная Российская Федерация этого не сделали.

Мало кто знает, что одновременно с Германией на Польшу напала Словакия, которая появилась как самостоятельное государство после распада Чехословакии 14 марта 1939 года, и чья армия «Бернолак» состояла всего из трех дивизий. В Словакии немцами был создан легион из украинских националистов под командованием Романа Сушко. Большого значения вступление в войну Словении не имело.

Имелись ли юридические предпосылки к нападению Советским Союзом на Польшу в 1939 году? Польша, как независимое государство, появилась в 1918 году после 123 летнего перерыва.

Сделаем небольшой экскурс в историю Польши. Двадцатые годы.

Возрожденное государство сразу стала захватывать чужие территории. Первой жертвой агрессии стала молодая советская республика, предоставившая Польше самостоятельность.

Пользуясь тем, что, Красная армия была занята борьбой с белогвардейцами, Польша перешла границу и заняла территорию, из которой по условиям Брестского мира ушли немецкие войска, и **которая до 1772 года являлась частью территории Речи Посполитой.** Тогда граница Речи Посполитой проходила чуть западнее Смоленска и дальше по Днепру. Не встретив сопротивления, польские войска перешли Днепр и в мае 1920 года заняли Киев. Маршал Пилсудский намеривался продолжить агрессивные действия на территории России. В его планы входил захват Москвы, о чем в частной беседе он говорил английскому дипломату Хэлфоррду Маккиндеру. Разгромив Деникина и Колчака, Красная армия начала успешное наступление на польские войска. В результате этого наступления в августе 1920 года возникла реальная угроза захвата Варшавы. Польша, получив огромную помощь от США, перешла в контрнаступление, и отбросила Красную армию за Вислу. **В результате подписанного в марте 1921 года мирного договора к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Подчеркиваю, - в результате подписанного мирного договора.**

Этот позорный исторический факт породил у руководства СССР устойчивую ненависть к Польше. В дальнейшем еще до второй мировой войны стараниями СССР и Коминтерна Польская компартия была распущена, Польская социалистическая партия была объявлена «социал-фашистской», а в 1937 году более 11 тысяч поляков, бежавших из Польши в СССР, были расстреляны.

Но и Польша, как впоследствии и фашистская Германия, открыто заявляла претензии на часть территории СССР и желание расширить «свое жизненное пространство».

В планы Польши входило даже создание поселений в странах Южной Америки. Как следствие Польшей в 1935 году было приобретено 27 тысяч гектаров земли в бразильской провинции Парана и основано поселение «Морская воля». В марте 1939 года в Польше родился так называемый «антарктический проект». Руководство предвоенной Польши мечтало присвоить ещё и «бесхозные» земли в Антарктиде ...

После Мюнхенского договора министр иностранных дел Польши Йозеф Бек решил, что и Варшава может заявить о своих претензиях на земли Чехословакии. Вскоре польские войска с молчаливого согласия Германии заняли часть территории Тешинской Силезии, Ораву и Спиш, где более 60% населения были чехи. Это стало единственным территориальным приобретением Польши в межвоенный период. Окрыленные этим успехом, Польша в ноябре 1938 года потребовала от

Чехословакии передачи ей Моравской Остравы и Виткович. Однако, Германии — это требование Польши показалось чрезмерным, и Гитлер «на всякий случай» поспешил захватить эти территории.

Несмотря на захватнические планы Польши, нападение Советского Союза на Польшу и захват им Западной Украины и Западной Белоруссии не имели под собой юридические основания, **в силу чего это факт следует рассматривать, как оккупацию.**

Но об этом в современной России **не принято говорить.**

Итак, следуя исторической справедливости, следует признать, что в 1939 году Польша была оккупирована **фашистской Германией, ее сателлитом Словакией и СССР.**

Реализуя подписанные Советским Союзом и фашистской Германией секретные протоколы к Пакту о ненападении, Германия 1 сентября 1939 года вторглась на территорию Польши. В нападении на Польшу Германия задействовала 57 дивизий (более 1,5тысяч войск), 2500 танков и 2 тысячи самолетов. Немецкие войска быстро преодолели оборону и устремились в глубинные районы Польши. К 7 сентября северная группа немецких войск (3-я армия) достигла города Корунь и вышла к реке Нарев, а южная группа (4-я армия) достигла окрестностей Варшавы.

Сразу же начались воздушные бомбардировки Варшавы. Противовоздушной обороной Варшавы были сбиты 43 самолета. Сухопутные бои начались 8 сентября. Первая атака нацистов была отражена польской армией, после чего началась осада города. 28 сентября польский гарнизон капитулировал. 140 тысяч защитников Варшавы покинули город и оказались в плену. По этому поводу В.Молотов послал Риббентропу приветственную телеграмму. В результате бомбардировок немецкой авиацией 10 процентов города было разрушено, 40 процентов домов получили серьезные повреждения. Жертвами бомбардировок стали 30 тысяч жителей города. 1 октября 1939 г. после двухнедельной осады Варшава пала.

Улицы Варшавы «украсились» нацистскими красными флагами с чёрной свастикой

Пленные польские солдаты.

Началась оккупация. Появилась новая администрация города и полиция. Одним из первых шагов немцев стало создание в Варшаве Юденрата — местного органа «самоуправления», главной целью которого являлось выполнение приказов немецких оккупационных властей. Главой этого совета был назначен инженер Адам Черняков — бывший сенатор, видный довоенный политический деятель. Этот орган под другим названием существовал и до войны, но имел совсем иные функции. Все распоряжения немецких властей отныне издавались от имени Юденрата. Делалось это для того, чтобы создать видимость неучастия самих немцев в последовательном процессе уничтожения

еврейского населения. Быть во главе Юденрата — незавидная судьба. С одной стороны, многие жители гетто ненавидели их и считали предателями, с другой стороны, жизнь и существование гетто зависели исключительно от отношений Юденрата с немецкой администрацией, и главам некоторых гетто в оккупированной Польше удавалось развить такую бурную деятельность, что немцы на время оттягивали уничтожение гетто. Так это было в Лодзи, где Хаиму Румковскому удалось отсрочить уничтожение гетто до августа 1944 года.

По городу были расклеены первые распоряжения администрации. Все жители города и евреи, прежде всего, должны были зарегистрироваться и сдать все наличные деньги. Разрешалось оставить у себя не более 2000 злотых. Жителей и пленных польских солдат привлекли к разборке завалов. Жителей города ознакомили с приказами, согласно которым евреи больше не могли работать в официальных организациях. Им запрещалось посещать театры, библиотеки, концертные залы и ездить в общественном транспорте, водить детей в обычные школы, вести торговлю и заниматься ремеслами. Крайним проявлением воинственного антисемитизма стал приказ нацистов, предписывающий всем евреям носить специальные опознавательные знаки, и такими же знаками надо было обозначить еврейские дома и магазины. Имущество еврейских семей могло быть конфисковано в любой момент безо всяких причин и оснований. В автобусах и трамвае нацисты расклеивали плакаты оскорбительного для евреев характера.

На принудительных работах с первых же дней оккупации немцы особенно грубо и жестоко обращались с евреями. Они хватали на улицах прохожих-евреев, заставляли их работать на очистке города от развалин и баррикад, перетаскивать тяжести, мыть автомашины, выполнять земляные работы. При облавах немцы старались задерживать в первую очередь хорошо одетых людей, а во время работ всячески издевались над ними, заставляя их снимать на морозе перчатки и рукавицы, работать голыми руками и хором кричать: «Мы виноваты в войне». Нередко их понуждали бегать наперегонки на четвереньках.

Из поэмы И.Каценельсона «Песнь об убиенном еврейском народе»:

«Низенький, старый, сгорбленный. Над ним — бича жгут.
Бежит раввин, спотыкается, падает... Встань скорей!..
Бич хлестнул по спине! Немцы до коллик ржут...
Рабби, ожги их взглядом своим... Нет, спрячь его от зверей.

Укрой свой облик святой! Будь светом священным горд,
Да не падет твой яркий свет на мерзость этих утробин,
Будь проклята небес синева, касающаяся этих морд.
Ты прекраснее солнца, наш рабби-праведник, не будь им подобен!

Остановись, рабби, стой! — Немец кричит: "Стоять!
Рот пошире раскрыть!" Шамесу: "Плюнь ему в рот!"
Раввин открывает рот. Шамес начинает рыдать:
"Как я могу, это же рабби!" "Плюй" — немец орет...

"Плюй!" — молится рабби, раскрывая пошире рот.
Шамес к ногам офицера падает: "Господин, будьте добрым,
Как я могу?!" Рабби кричит: "Плюй! Не то он тебя убьет!..
Шамес как будто плюет. Немец — ногой ему в ребра:

"Гляди и учись, грязный еврей, как плюют, учись, зараза!" —
Плюет офицер раввину в рот: "Глотай!" Раввин глотает, качается.
"Видишь?" — орет офицер шамесу. — Твой раввин выполняет приказы!"
Шамес молчит, голову стиснув руками в отчаянье.

Выстрелил: пуля — в ногу. "Убирайтесь немедленно вон!"
 Старого рабби шамес ведет, хромя — ведь в ногу ранен.
 Рав бегал вокруг алтаря — сейчас же с трудом ковыляет он,
 Шрамы на теле горят... Но еще не наполнилась чаша страдания.

Рабби вдруг обернулся: "Чувствуешь дым, гарь?"
 Господи, горит синагога! Языки пламени в окнах пляшут,
 Горит священная Тора, пылает огнем алтарь...
 Рав опирается на шамеса... Переполнилась страданий чаша».

Bundesarchiv, Bild 101-001-0251-38
 Foto: Schulze | 1939 September - Oktober

Разбор завалов

На земляных работах

Нацисты стали проводить в жизнь политику систематического уничтожения элиты польского общества. Немцы определили понятие лиц, вызывающих для них опасность. В докладной записке

Бюро расовой политики от 25 октября 1939 года по делу об отношении к населению Польши была написано:

«Понятие польской интеллигенции охватывает, главным образом, как польских священников, учителей (вместе с преподавателями высших учебных заведений), врачей, стоматологов, ветеринаров, офицеров, высших чиновников, больших купцов, больших земельных владельцев, писателей, редакторов, так и всех лиц, которые получили высшее или среднее образование»

По этим критериям началась акция «усмирения». Начались массовые аресты и расстрелы польской интеллигенции. По заранее составленным спискам было арестовано около 3500 поляков. Эту судьбу разделили врачи, ветеринары, священники, высшие чиновники, офицеры, писатели, журналисты и преподаватели ВУЗов. Это коснулось и значительного числа лиц, получивших среднее или высшее образование. Многие поляки были вывезены в концентрационные лагеря на территории Германии. Началось строительство большого концентрационного лагеря в округе Освенцим. Лагерь был назван «Auschwitz». Лагерь начал функционировать в середине 1940 г. Первоначально он был предназначен для польской интеллигенции и поляков, ведущих борьбу с немцами. Затем в него заключали евреев, советских военнопленных, борцов с фашизмом из европейских стран. 27 октября 1939 года был арестован героический президент Варшавы Стефан Стажински, который был заключен в тюрьму Моабит, а впоследствии перевезен в концлагерь Дахау. Первый эшелон с несколькими сотнями польских политических заключенных прибыл в «Auschwitz», 14 июня 1940 г. По данным историков в лагерь попало около 150 тысяч поляков.

В ноябре 1939 г. немцы, под предлогом эпидемии, закрыли в Варшаве все польские школы, в которых с опозданием начался учебный год. После перерыва они разрешили открыть лишь начальные школы и несколько профессиональных школ. В высших учебных заведениях, после вмешательства ректоров, немцы в порядке исключения разрешили сдавать последние экзамены выпускникам, которые окончили учебные заведения в 1939 г.

Специалисты Бюро расовой политики установили:

«Университеты и другие высшие учебные заведения, профессиональные и средние школы, являющиеся постоянно центрами шовинистического воспитания, должны быть закрыты.... Разрешенными будут только всеобщие школы, в которых будут вынуждены обучать только самым элементарным дисциплинам, таким, как арифметика, чтение и письмо. Обучение важных с национальной точки зрения предметов, как: история, география, литература, а также гимнастика, недопустимо...»

Оккупированная немцами территория Польши была разделена на две части: Познанское, Поморское, Силезское, Лодзинское воеводство, а также части Келецкого и Варшавского воеводств вошли непосредственно в Третий рейх, а остальные воеводства стали генерал-губернаторством. В августе 1941 года в состав генерал-губернаторства был включен Львов с прилегающими территориями под названием «дистрикт Галиция». Таким образом, западные украинцы были снова отделены от своих соотечественников. В Кракове также действовал Украинский национальный комитет, но 1 июля 1941 года немцы его разогнали, а 15 руководителей расстреляли. Согласно одной версии — из-за провозглашения Бандерой независимости Украины, а согласно другой — из-за финансовых злоупотреблений. Хотя Варшава и вошла в состав генерал-губернаторства, но его столицей был Краков. Денежной единицей был злотый с надписями на банкнотах только на польском, была собственная таможенная служба.

Генерал-губернаторство было важнейшим плацдармом для предстоящего нападения на СССР. В связи с этим до 31 марта 1941 года были восстановлены и построены 498 мостов, отремонтированы и модернизированы 2,6 тысячи километров дорог и построены 400 километров новых. Оборудовано 100 аэродромов и 50 посадочных площадок. Во всем этом принимали участие

немецкие специалисты и инженерные войска, но основная работа была сделана силами 47 тысяч польских работников.

Захваченная Польша стала и важным производителем вооружения для нацистской армии. Варшавский оптический завод производил приборы для танков, военных самолетов, кораблей и подводных лодок. Здесь же в довоенной столице на заводе «Авиа» ежедневно изготовлялось 10 двигателей для самолетов, уже в 1941 году было сделано 20 тысяч взрывателей для авиабомб. Фирма с интересным названием «Объединение польских механиков из Америки» всю войну выпускало авиационное оборудование для Люфтваффе. Металлургические предприятия в Стальевой Воле и Страховицах отливали детали для артиллерии крупного калибра и танков. Химический завод «Борута» выпускал 22,5 тонны продукции в неделю. На заводе Зеленовского в Сосновце ежедневно изготовляли 400 гранат, а предприятия в Бендзине — 90 морских торпед. На оружейных заводах Радома только пистолетов Viz 35 было изготовлено 315 тысяч штук. Если в январе 1941 года военные заказы получили 250 предприятий генерал-губернаторства, то в июне их было уже 300. В списке важнейших военных предприятий, составленном имперским министерством вооружений и боеприпасов 18 февраля 1941 года, также значатся 10 предприятий деревообделочной фирмы «Хобаг» в Черном Дунайце, Закопане, Горлице, Мушине, завод по производству взрывчатых веществ в Пенках, Островецкие металлургические и вагоностроительные заводы, авиационные заводы в Окенце, заводы фирмы «Филипс», авиазаводы Жешова и Мельца, текстильные фабрики Ченстоховы, заводы по производству боеприпасов в Скаржиско, радиотехнический, электротехнический и вагоностроительный заводы в Варшаве, Жирардовская мануфактура, Краковский кабельный завод. Кроме того, 2,8 миллиона поляков работало в Германии. Таким образом, укреплением вооруженных сил Третьего рейха, то есть пассивным сотрудничеством с оккупантами, были заняты миллионы поляков, не задававших себе вопроса: кого убивает оружие, которое они производят?

Уничтожение евреев поляками документально изучено в книге «Города смерти. Соседские еврейские погромы в 1941-42 годах» польского историка Мирослава Тирчика. Он отмечает, что руководителями погромов были не какие-то антисоциальные элементы, а местная элита: учителя (Райгруд, Щучин, Суховола), пограничники (Гонидз), полицейские (Райгруд, Гонидз), фармацевты и врачи (Радзилув, Суховола), почтальоны (Радзилув, Южис, Ющ), мэры и местные предприниматели (Едвабно, Ясоновка, Радзилув), католические священники (Радзилув, Осос, Гонидз, Ясоновка). Чтобы не беспокоить немцев, огнестрельное оружие применялось крайне редко. Только в Райгруде полицейский для экономии пуль построил десять еврейских детей в ряд и выстрелил последнему в затылок, но пуля до десятого ребенка не долетела, и его закопали живым. Для убийств в основном использовался самый разнообразный инструмент, даже пилы. Евреев сжигали живьем, топили в реках, озерах и дренажных каналах, закапывали в землю. Немцы фотографировали убитых евреев для нацистской пропаганды о том, что даже славяне-недочеловеки ненавидят евреев.

В современной Польше теперь утверждают, что убитые евреи были осведомителями НКВД и из-за их деятельности пострадали поляки, когда район Белостока входил в состав СССР в 1939-41 годах. Однако почему-то фамилии репрессированных нигде и никогда не называются, а самое главное то, что евреев убивали всех поголовно, и получается, что дети и младенцы тоже были агентами НКВД. Последние в Европе еврейские погромы произошли в 1946 году, когда уже и Третий рейх ушел в историю. Его борьбу с евреями продолжили в Польше. В городе Кельце в результате погрома погибли 47 человек, в том числе беременные женщины и дети. Был погром и в Кракове. В них снова принимали участие польские военнослужащие и полицейские.

Антисемитизм местного населения стал одной из причин того, что именно в Польше нацистами были созданы крупнейшие лагеря смерти — Аушвиц (польское название Освенцим), Трешлинка, Майданек, Собибор, Белжец. Поляки в них находились по обеим сторонам колючей проволоки: и

как заключенные, и как обслуживающий персонал. Именно польские надзиратели убили в 1942 году в Аушвице братьев Степана Бандеры — Александра и Василия. Бежавших из концлагерей местное население с удовольствием выдавало немцам.

Они сражались за Гитлера

После захвата Польши нацисты объявили гуралей и кашубов — этнические группы поляков — отдельными народами немецкого происхождения. После этого их численность увеличилась. Но настоящий «демографический взрыв» произошел среди фольксдойче — немцев, родившихся в Польше и не имевших гражданства Третьего рейха. Если до войны их было 90 тысяч, то уже к марту 1941 года — 180 тысяч. И это без учета тех, кого призвали в немецкую армию, и тех районов Польши, которые вошли непосредственно в состав рейха.

В 1941 году поляк получал по карточкам продукты на 700 килокалорий в день, еврей — на 400, а немец — на 2300. Было и еще множество благ для немцев во всех сферах жизни, и поляки в 1939-41 годах массово становились немцами. Но вскоре выяснилось, что быть немцем означает не только хорошее снабжение, но и служба фюреру в окопах Второй мировой войны. Хотя были поляки, которые добровольно пошли на службу в СС. Есть информация о поляках, служивших в 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», в 4-й полицейской гренадерской дивизии СС, в 31-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Богемия и Моравия» и в 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС «30 января».

По оценкам большинства польских историков, в вермахте и СС воевало 375 тысяч поляков, российские историки называют цифру до 450 тысяч. При попадании в плен новоиспеченные немцы сразу же вспоминали, что они на самом деле поляки. Так, в советском плену, по официальным данным НКВД СССР, побывало 60277 поляков. Только британской армией и только в северо-западной Европе было взято в плен 68693 поляков, при этом 56630 из них были зачислены на службу во 2-й Польский корпус — так теперь называлась сформированная в СССР армия Андерса. Десятки тысяч поляков начинали войну, защищая родину от немцев, затем служили в армии Гитлера, а заканчивали ее в составе войск Антигитлеровской коалиции.

«Святой крест» помогает свастике

Воевали на стороне нацистов и чисто польские подразделения. Самое крупное и известное из них — бригада «Святой крест». Интересно, что создана она была из бойцов Национальных вооруженных сил (НВС) — подпольной структуры, организованной для освобождения Польши от нацистской оккупации. Однако борьбу с немцами они не вели, так как «копили силы для решающей битвы». Большинство бойцов НВС были яростные антисемиты и антикоммунисты. Поэтому после сообщений о разгроме немецких войск в Сталинграде и на Курской дуге они пришли к выводу, что поражение нацистской Германии неизбежно, а, следовательно, главным врагом становится СССР. В связи с этим они решили уничтожить партизанские отряды Гвардии Людовой, которые получали военную помощь из нашей страны и в чьих рядах было много коммунистов. Используя фактор внезапности, бойцы НВС начали предательски их атаковать летом 1943 года. Было уничтожено три партизанских отряда.

Соседские погромы как польский вклад в Холокост

Немало поляков сотрудничали с нацистами активно. Так, уже в марте 1941 года в административных структурах генерал-губернаторства служило 130 тысяч поляков. Принимали поляки участие и в уничтожении евреев. В селе Едвабно 10 июля 1941 года местные жители согнали в овин всех проживающих в селе 1,6 тысячи евреев и сожгли их заживо, поделив после этого их имущество. Этим они сильно удивили немецкие оккупационные власти, которые еще только планировали отправку евреев в концлагерь. В 2002 году специальная комиссия польского правительства установила, что подобные случаи произошли еще в 23 местах в захваченной немцами Польше.

Создание Варшавского гетто

Приступая к изложению хронологии восстания в варшавском гетто, нельзя оставить без внимания жизнь евреев в гетто и их трагическую судьбу.

Здание Варшавского Юденрата после подавления восстания в гетто (улица Заменгофа, 19).

В начале ноября 1939 года для многих тысяч варшавян, и в первую очередь для евреев, наступили тяжелые дни. Оккупационными властями было принято решение о создании варшавского гетто. Членам Юденрата, вызванным руководителем службы безопасности штандартенфюрером Рудольфом Батцем, было вручено предписание о создании в трехдневный срок гетто и список улиц, на которых должно было разместиться еврейское население Варшавы. Почти 140 тысяч евреев и 113 тысяч поляков должны были освободить свои квартиры и переселиться. Доводы чиновников Юденрата о невозможности выполнения этого предписания, и об огромном ущербе экономике Варшавы, вызванном этим переселением, были отклонены Батцем. Он сослался на решение, принятое командующим варшавским гарнизоном генералом Нейман-Нейроде. В этот же день гестапо заключило в тюрьму группу заложников. Тогда руководители Юденрата отправились к самому Нейману-Нейроде. Тот обещал рассмотреть претензии, заявив, что о предписании, объявленном будто бы от его имени, он слышит в первый раз. Руководству Юденрата было велено ждать его дальнейших указаний.

Батц отправил в Берлин жалобу на Неймана-Нейроде. В Берлине решение о создании Варшавского гетто затянулось более чем на полгода. Только в начале августа 1940 года был опубликован официальный указ о разделении Варшавы на три квартала – польский, немецкий и еврейский и о создании на территории еврейского квартала гетто. Не трудно себе представить, как обострились отношения между евреями и поляками, которые и до этого не были простыми. Поляки, которым предстояло освободить свои квартиры в квартале, отведенном евреям, проклинали и немцев, и евреев, хотя, объективно говоря, поляки имели право забирать с собой все свое имущество. Евреи, которые не имели права забирать с собой ничего, тоже проклинали как немцев, так свою судьбу. Гетто было разделено на две части по улице Холодной. Район юго-востока от улицы Холодной был известен как «Малое Гетто», в то время как район к северу от него стал известен как «Большое Гетто». Между польской и еврейской общинами началась борьба за каждую улицу и за каждый дом. На территорию гетто попали фабрики, где работали тысячи поляков, школы, в которых учились польские дети, костел, где молились поляки. В кварталах, из которых выселяли евреев, находились принадлежащие им заводы, банки, школы и синагоги. Как пережить все это!

Гетто изолировало евреев от остального мира и оборвало существовавшие прежде деловые связи с поляками. Многие жители гетто не имели вообще никакой работы. Самой острой проблемой в гетто стал голод.

Эта территория была официально определена, как зараженная эпидемическими болезнями, и нацистским солдатам было запрещено туда входить, если у них не было специального разрешения, предоставляемого только тем, кто входил в гетто по официальному делу.

Юденрат создал многочисленные маклерские компании и обменные бюро. Богатые евреи взятками и подкупам становились владельцами лучших квартир на территории гетто. Оставшегося жилья на всех не хватало. Происходило уплотнение. Жилье распределялось таким образом, что в каждой комнате вынуждены были разместиться 6-7 человек. Не всегда эти 6-7 человек были членами одной семьи. Положение усугубилось после того, как немцы переселили в гетто евреев из окрестных местечек.

Если до 1939 года еврейский квартал Варшавы занимал пятую часть города, то территория гетто занимала лишь 2,4 процента площади города. На 73-х улицах из 1800 было сконцентрировано 30% населения Варшавы. Что же из себя представляло варшавское гетто. На территории гетто размещались 27,000 комнат, занимавших площадь 1.5 мили (2.4% от общей площади Варшавы). Высота внешней стены гетто составляла 10 метров, и она окаймляла его по периметру на протяжении 18 км. В самом начале в гетто находились 128,000 узников, позднее количество узников достигло 146,000 тысяч. В этот период времени число людей находившихся в каждой камере достигло 8 человек. Внешняя стена с гетто охранялась еврейскими, а внутренняя немецкими полициями. В 1942 году, 22 июля 270,000 евреев были отправлены из варшавского гетто в лагерь смерти Трешлинка. Для того чтобы понять масштабы трагедии, произошедшей в Трешлинке необходимо апеллировать к цифрам. Ежедневно в Трешлинке убивалось 100 человек на один квадратный метр в каждой из трех газовых камер. Несложный подсчет дает нам следующий результат – от 6,000 до 7,000 убитых в течении трех часов. Темп убийств с каждым днем все чаще и чаще возрастал. С трех часов, он перешел в стадию двух, а затем всего одного часа.

Один из жителей Варшавы, вспоминая начальный период гетто, написал:

«Жизнь все больше сгущалась». Речь шла не только о физическом уплотнении быта - шесть-семь человек в комнате, неимоверная толча на улицах. Уплотнилось все. Все реалии существования сблизились: смерть стала привычной, трупы лежали на тротуарах, люди выползали туда, чтобы умирать».

Рингельблюм записывает в дневнике:

“Дети играют во дворе с мертвым телом.

Жизнь больше, чем когда-либо, обнажила свою изначальную сущность: заботы о куске хлеба, о тепле, о безопасности вытесняли все иные помыслы. Весь день, с раннего утра до комендантского часа, который наступает в восемь, по главным улицам гетто льется человеческий поток. Он заливал улицы Лешно и Геншу, Новолипки и Заменгофа, в самих названиях своих несущие давнюю или не очень давнюю историю европейского города, где были некогда леса (Лешно), торговали гусями (Генша - Гусиная) и даже жил некий доктор Заменгоф, изобретатель эсперанто и общественный деятель»

Вот как описывает в своих мемуарах «Все пережить и все пройти...» первое время оккупации Варшавы герой фильма Романа Полонского «Пианист» Владислав Шпильман.

Улица Слизка, на которой жили Шпильманы, оказалась в центре гетто. В июле 1942 года родителей, брата и двух сестер Владислава отправили в лагерь смерти Треблинку, где все они погибли. Его самого спасла популярность: за несколько минут до отхода поезда полицейский узнал музыканта и вытолкнул из рядов обреченных.

Впрочем, самому Владиславу это освобождение казалось лишь временной отсрочкой от гибели: смерть ходила за ним по пятам. Когда депортация оставшихся евреев вновь ужесточилась, Шпильман в феврале 1943 сбежал из гетто и вплоть до Варшавского восстания 1944 года укрывался на разных квартирах у знакомых по Польскому Радио. После подавления Варшавского восстания он остался фактически одним из немногих варшавян в центре города. Он прятался от гестаповцев в расположенном по соседству госпитале и в других разрушенных домах. Питался тем, что находил в оставленных домах. Страдал от недоедания. Наконец в ноябре он укрывался в здании, где его нашёл немецкий офицер Вильгельм Хозенфельд. Так как в этом здании собирались расположить немецкий штаб обороны Варшавы, он укрыв Шпильмана на антресоли под крышей и вплоть до полного отступления немцев из Варшавы тайком носил ему еду. Несмотря на то, что Хозенфельд был членом НСДАП с 1935 года, в нём росло недоверие к партии и нацистской идеологии, особенно после того, как он своими глазами видел страдания поляков и евреев. Он и некоторые его жители оккупированной Польши, пытались помочь им товарищи офицеры вермахта сочувствовали по мере возможности, стыдясь того, что совершали некоторые их соотечественники.

Шпильман вспоминает, как 27 сентября 1939 года «по иерусалимской аллее въехали первые немецкие мотоциклисты, а через несколько дней по городу расклеили обращение немецкого командования к населению города, в котором евреям гарантировались все гражданские права, неприкосновенность их имущества и абсолютную безопасность. Еще через какое-то время евреям было предписано сдать деньги в банк и передать немецкому командованию недвижимость. Понимая, что это значит, и что это только начало, многие евреи Варшавы оставили свои дома и ушли за Вислу в Советский Союз. За этим последовал ночной грабёж еврейских квартир. Появился декрет, обязывающий всех евреев носить нарукавную белую повязку с голубой звездой Давида. Польские евреи не носили нашивки с желтой звездой. Не многим известно, что такие нарукавные повязки в первые месяцы оккупации охотно носили поляки. Некоторые из них пошли на это не из солидарности с евреями, а исключительно, чтобы избежать отправки на принудительную работу в Германию. Все знали, что в то время въезд в Германию, евреям был категорически запрещен. Это касалось и принудительных работ. Именно поэтому, дабы избежать участи «остарбайтеров», некоторые поляки шли на хитрость и носили нарукавные повязки со звездой Давида и даже заучивали наизусть отелные фразы на языке идиш.

Когда зимой 1940 года в Варшаву стали прибывать в товарных вагонах эшелоны с евреями из западных районов, и когда немцы стали перекрывать заслонами из колючей проволоки выходы из боковых улочек на центральную Маршалковскую улицу, среди евреев поползли слухи о создании гетто. Выходившие в Варшаве газеты стали разъяснять, что ни о каком гетто не может быть речи, что для евреев создают «особый квартал», где они смогут пользоваться всеми гражданскими правами, соблюдать расовые обычаи и следовать своим культурным традициям. То обстоятельство, что этот квартал обносится колючей проволокой, объяснялось необходимостью предотвратить распространение тифа и других «еврейских болезней» на другие кварталы Варшавы. Сначала были огорожены кварталы, в которых в течение очень многих лет ютилась еврейская беднота, затем огородили еще несколько центральных улиц города, из которых были выселены все неевреи. Эту часть города называли «малым» гетто. Территория «малого» гетто составляла около 2,6 кв. км. Вначале между «большим» и «малым» гетто не было сообщения. Со стороны квартала Воли она была

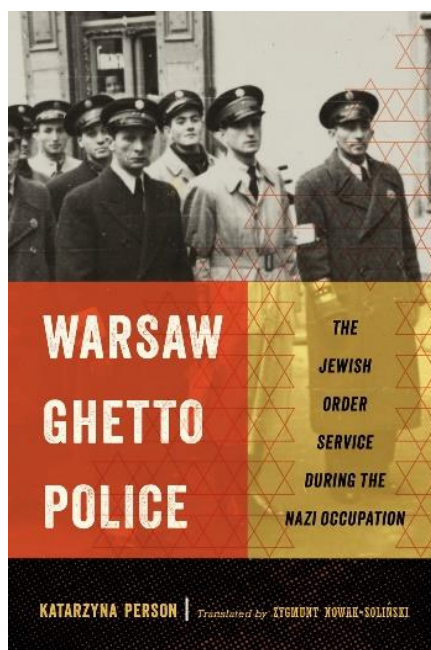
ограничена улицей Окоповой и Товаровой. Затем был построен деревянный виадук на высоте третьего этажа, над улицей Холодной вдоль улицы Железной».

Виадук между «малым и большим» гетто.

В январе 1941 года в гетто накопилось около 400 тысяч евреев. Некоторые из них принудительно были переселены из других районов. Вначале евреям было разрешено свободно ходить по городу. Существовало лишь несколько мест, где евреям появляться было категорически запрещено. Это был так называемый «немецкий или арийский квартал», где расквартировывались немецкие военные и гражданские чиновники высшего ранга. Вход туда полякам был также ограничен – только по особым пропускам. На улицах Варшавы появились трамваи «Nur für Juden» («Только для евреев»). Такие трамваи также обозначались звездой Давида.

В ведомстве Юденрата находилась и еврейская полиция (Jüdischer Ordnungsdienst), занимающаяся поддержанием порядка на территории гетто.

Обложка новой книги историка Катаржины Персон «Полиция Варшавского гетто: Еврейская служба порядка во время нацистской оккупации»

Поначалу в неё, насчитывавшую около двух с половиной тысяч человек, брали людей преимущественно образованных или имевших опыт работы в полиции до войны. Однако ситуация очень быстро изменилась, поскольку полицию стали привлекать не только к охране общественного порядка, но и к облавам на евреев, укрывавшихся от депортации в Трешлинку. Все сколько-нибудь приличные люди в таком участвовать не желали и под разными предложениями покидали полицию, несмотря на повышенный паёк за службу. Вместо них стали набирать тех, кто шёл. А шли в основном люди беспринципные, что только укрепляло ненависть к полиции.

Первым комиссаром еврейской полиции стал Юзеф Шерынский – полукриминальный элемент, еврей по происхождению. О нем говорили, что в молодости он сменил веру на католическую. Он до конца жизни был отъявленным антисемитом. Жители гетто ненавидели Юденрат и еще в большей степени полицию, которая занималась не только поддержанием порядка на территории гетто, но участвовала в облавах на укрывающихся от депортации евреев. Еврейские полицейские не получали жалованье и постоянно искали заработок "на стороне". Некоторые из них промышляли контрабандой. Высшие чины полиции за соответствующую мзду освобождали задержанных контрабандистов. Полицейские не стеснялись обирать даже уличных нищих. Работая на немцев, полицейские рассчитывали на особое отношение к ним. В итоге немцы, подавив восстание, расстреляли чиновников Юденрата и полицейских. Часть полицейских разделила судьбу с теми, кто был отправлен в Трешлинку.

Владка Мид – легендарная связная еврейского подполья в своих воспоминаниях так охарактеризовала еврейского полицейского:

«Еврейский полицейский превратился в самое важное лицо в городе. Именно полицейские исполняли нацистский приказ о депортации – отлавливали безработных и полными грузовиками отвозили их к уже ожидавшим поездам. Ясное дело, полицейских не любили и раньше, но теперь их ненавидели и боялись. Полицейский стал предметом ненависти, и одновременно зависти: он был в безопасности, даже немцы покамест не трогали семьи служащих в еврейской полиции. «Переселение» им не угрожало». Полицейские не гнушались тем, что раскапывали могилы и вырывали у покойников золотые зубы

Владка Мид

Групповое фото еврейской полиции в гетто.

Bundesarchiv, Bild 101I-134-0798-30
Foto: Knobloch, Ludwig | 25. Mai 1941

Уличное движение в варшавском гетто. Лето 1941г

В полицию были внедрены агенты подполья, предупреждавшие о готовящихся акциях нацистов. Иногда они даже помогали укрыться от них. Среди полицейских было немало таких, которые за приличную мзду могли освободить евреев от депортации или закрыть глаза на контрабанду продуктов питания. Контрабанда продуктов питания положительно влияла на жизнестойкость жителей гетто. Без этой контрабанды голод и смерти наступили бы гораздо раньше. Как и во всем мире, контрабанду контролировали уголовные элементы.

До июля 1941 года на территории гетто действовала группа евреев коллаборационистов - так называемая «Группа 13», основанная агентом гестапо Абрамом Ганцвайхом, бывшим членом сионистской организации «Ха шомер ха цаир». Создание такой организации было санкционировано службой безопасности СД, и она подчинялась Гестапо. Основной задачей «Группы 13» должна была стать борьба с ростовщицеством и спекуляцией в гетто. В действительности эта группа занималась вымогательством, шантажом и попытками влиять на решения, принимаемые Юденратом. Члены «Группы 13» стремились проникнуть в подпольные группы, существовавшие в гетто. Группа имела свою собственную тюрьму. Она также неофициально занималась контрабандой в больших масштабах. Будучи неплохим оратором, Ганцвайх, выступая на встречах с жителями гетто, говорил о неминуемой победе фашистской Германии, и готовности немцев предоставить евреям широкую автономию за пределами Европы. Со временем о связях Ганцвайха с гестапо стало известно. Созданная гестапо еще одна группа коллаборационистов во главе с неким Кономи Геллером добилась роспуска «Тринадцати». Около 200 членов этой группы перешло после этого в еврейскую полицию. Остальные члены банды были расстреляны. После уничтожения варшавского гетто Абрам Ганцвайх продолжал служить немцам.

Поэт Варшавского гетто Ицхак Каценельсон в своей «Тетради Виттеля» называет еврейских полицейских «позором рода человеческого», «отравленными душами».

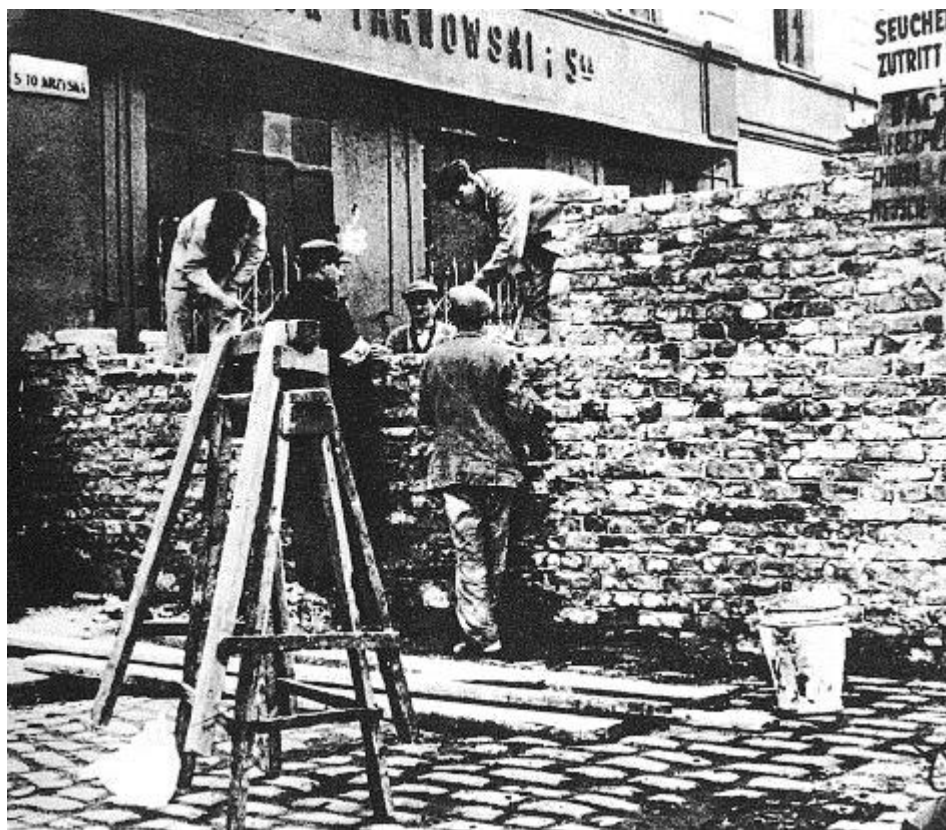

Групповое фото еврейских полицейских

Полицейский с задержанной им женщиной

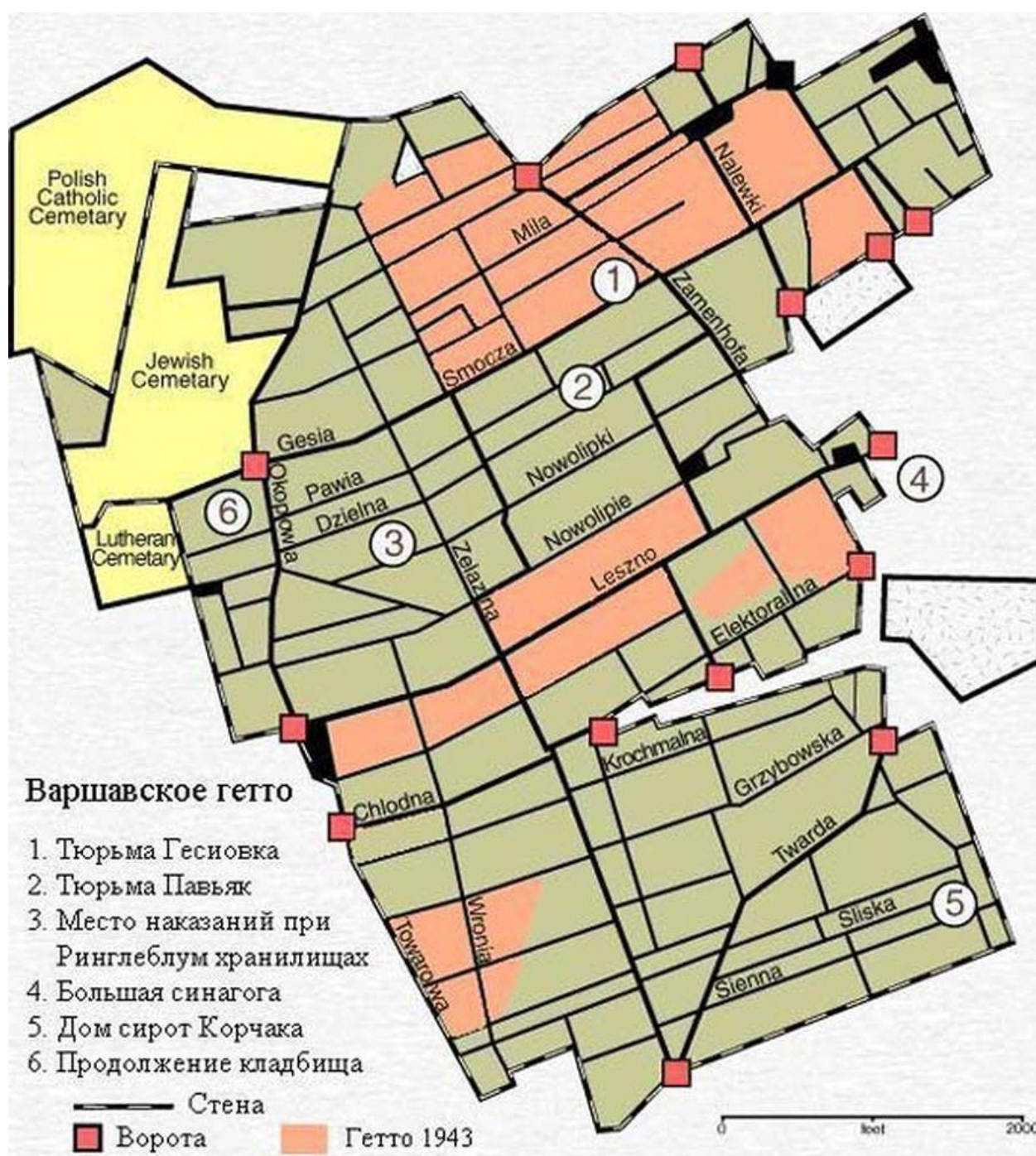
Осенью 1940 года немцы распорядились обнести гетто каменной стеной высотой 3,5 метра. Стена понадобилась нацистам, как они утверждали, для защиты нееврейского населения Варшавы от эпидемий, поскольку *«евреи являются переносчиками инфекционных заболеваний»*. Финансирование строительства стены и само строительство было возложено на самих узников гетто. Контролировали строительство солдаты СС и польские (не еврейские) полицейские.

Строительство стены

С завершение строительства стены, в гетто на территории трех квадратных километров было заключено 450 тысяч евреев (37% населения города). В среднем на одну комнату варшавского гетто приходилось 8 человек. Для того чтобы читатель смог составить себе представление о плотности населения в Варшавском гетто, приведу для сравнения следующие данные. Численность населения такого большого города, как Курск в 2010 году составляло **437** тысяч человек, проживавших на площади **209** квадратных километра, Калининграда **413** тысяч человек, проживавших на площади **223** квадратных километра. В гетто **450** тысяч евреев проживали на площади немногим более **3-х** квадратных километров!

По периметру стены, на каждой из ее сторон имелись въездные ворота, которые контролировались еврейскими полицейскими и солдатами СС. При попытках пройти через эти ворота без разрешения открывался огонь на поражение.

Немецкий ефрейтор Джо Гейдекер не раз нелегально с риском быть задержанным (посещение гетто даже немецкими военнослужащими было категорически запрещено) проникал на территорию гетто, чтобы сделать несколько фотоснимков.

«Зачем я это делал? – писал он. Не думаю, что смогу передать, что именно я чувствовал тогда. Я разрывался между стыдом, ненавистью и беспомощностью. Я горячо желал скорейшего и полного поражения Германии»

Он хорошо знал Варшаву, где с довоенных времен жили его хорошие знакомые. Ему посчастливилось остаться в войне живым и невредимым. В 1945-м и 1946-м он вел радиорепортажи с нюрнбергского процесса.

Впоследствии Джо Гейдекер вспоминал:

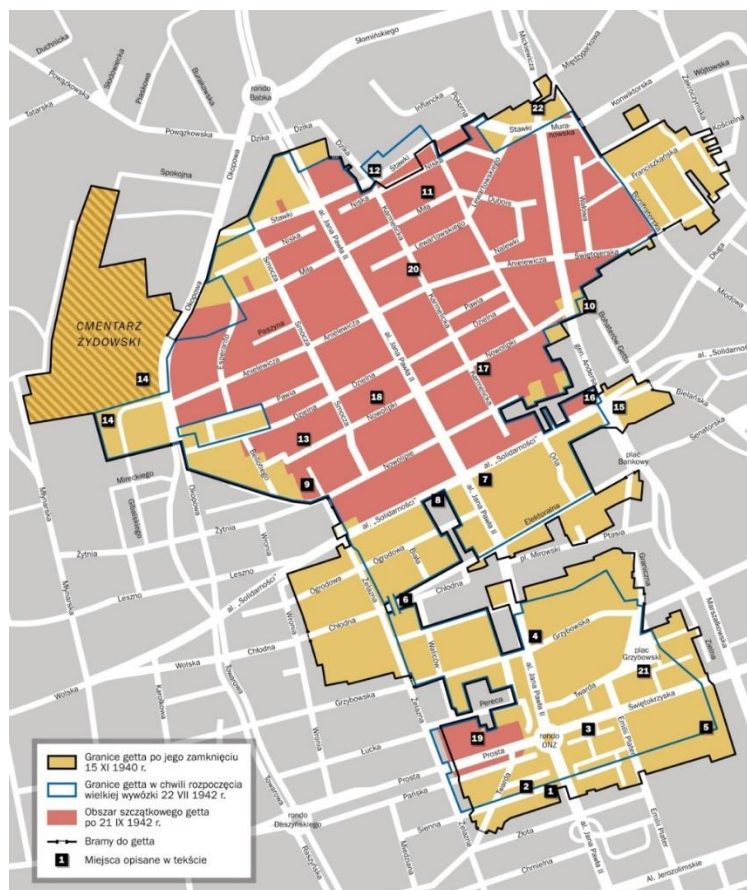
«На дворе январь 1941-го, и часть Гейдекера расквартирована в Варшаве. В январе 1941 года гетто было еще новым, недавно созданным

Стену вокруг него только что построили, и во многих местах она была еще недоделана. Немногие подъездные пути загораживала колючая проволока и патрули польской и немецкой полиции. Трамвайный маршрут проезжал сквозь гетто без остановок по узкому коридору. На нем часто катались любопытные – поглядеть, что происходит внутри. Другие любопытные каждый день стояли у ворот гетто. Там можно было наблюдать, как полиция обыскивает и избивает входящих евреев. В то время обитатели гетто еще могли – группами и по отдельности – выходить из гетто на работу. По возвращении с ними часто обходились бесчеловечно. Я уже рассказывал об этом по радио. К примеру, о том, как пристреливали детей, пытавшихся пронести в гетто буханку хлеба. Мужчин, даже стариков, били до крови. Толпа зевак поддерживала эти избиения».

В одно из таких посещений гетто он зашел в подъезд дома, где ему предстояло встретиться с одной семьей. То, что он увидел в этом доме, потрясло его.

На входной двери не было ни замка, ни цепочки. «Все двери должны быть незапертые» ответил он на мой вопрос. Мы прошли по темному коридору и поднялись по деревянной лестнице. Коридор и лестница были заполнены людьми. Они лежали на полу, они сидели на ступеньках, завернутые в пальто, в одеяла, в тряпье. Женщины с закутанными детьми на коленях. Все прижимались к стене, давая мне пройти. Кто-то пытался встать, как они были обязаны в присутствии немца. Я неловко просил, чтобы на меня не обращали внимание. Хотя в комнате была теснота, всё равно было холодно. Мы сидели в пальто, и я был рад этому, потому что пальто закрывало свастику над грудным карманом моей гимнастерки. То, что я узнал из рассказов тех женщин – о постигнувших их несчастьях – о том, как они оказались в этой комнате, в этой душной темнице с заколоченными синими окнами, вычурным потолком, серым полом, изношенным паркетом и старой мебелью. где обитатели спят или тихо сидят с пустыми лицами – двадцати не было, сказала она – застрелен на месте, когда пытался защитить мать от ударов. А перед этим уволокли неизвестно куда ее мужа, и с тех пор он пропал без вести. Другая женщина владела большой квартирой на западе Варшавы. В один прекрасный день явились две дамы, чиновники немецкой администрации, вручили ей ордер, приказывающий ей съехать с квартиры в течение часа, ничего с собой не взяв, кроме чемодана вещей. Это было до указа Фишера о создании гетто, и она смогла выяснить по секрету, что те две дамы вселились в ее квартиру и присвоили себе мебель, белье, посуду, ковры, радио, картины, серебро, книги и всё остальное. Следует между прочим отметить, что такое творилось по всей территории оккупированной немцами Польши. Обе Ольсянские, которые жили на улице Дзельна с довоенных времен, больше всего мучились от духоты и тесноты, страшной близости тюрьмы Павяк и от неопределенности своей судьбы. Все, принимавшие участие в беседе, говорили о голоде. В то время гетто было закрыто не так давно, так что тут и там еще были запасы еды, но продавалась она по цене, доступной немногим. Кому нечего продать или обменять – ювелирные

украшения, меховые пальто, предметы быта – раньше или позже начинают просто-напросто голодать. Кто-то умер в снегу от холода, кого-то вынесли из укрытия, положили нагими на мостовую (даже их лохмотья имели ценность), покрыли газетой и оставили лежать, пока тело не подберут похоронные телеги и не отвезут на кладбище. На палец правой ноги им вешали ярлычок с именем, если оно было известно, и это имя вносили в Юденрате в регистрацию смертей; тело бросали в известковую яму. Женщины рассказали мне о налетах на гетто, время от времени организуемых немцами, о том, как они охотятся на улицах на людей, и смеются, стреляя по ним, особенно, если жертва попала слегка неуклюжая, пейсатая, или если, падая, она перекувырнулась через голову. Это было слишком, и теперь я уже не помню всех подробностей. Но я как сейчас вижу тех женщин, сидевших на корточках вокруг кресла, которое они предложили мне, и я помню, как точно их слова попадали в цель, усиливая мой стыд и отчаяние. Всё это было неприкрытое дьявольское преступление. Я ушел уверенный в том, что все эти несчастные люди приговорены, сознательно и преднамеренно приговорены, к смерти. Я был уверен, что мы собирались уморить голодом варшавское и другие еврейские гетто.

План варшавского гетто.

Уже упомянутый мной Владислав Шпильман описывает обитателей «большого» и «малого» гетто первых относительно «благополучных» двух лет, когда еще люди не умирали от голода и болезней. Как и в довоенной Польше, социальная структура жителей гетто была четко выражена с первого дня его существования. **Верхний слой гетто численностью около 20 тысяч человек** составляли члены Юденрата, полицейские чины, преуспевающие коммерсанты, контрабандисты, агенты

гестапо, владельцы и совладельцы предприятий, а также некоторые состоятельные евреи из числа довоенной буржуазии. Положение этих групп населения было относительно хорошим. Специально для них в гетто из арийской части привозились такие дефицитные товары, как белый хлеб, кондитерские изделия, кошерное мясо, свежие овощи и фрукты; работали увеселительные учреждения, рестораны, театры и даже дома терпения.

Чуть позднее к элите присоединилась еще одна категория людей – владельцы бюро ритуальных услуг. Этот вид деятельности был очень востребован в варшавском гетто, так как уровень смертности на переломе 1941-42 годов достиг катастрофических размеров. Главной причиной смерти был не голод, а сыпной тиф, получивший распространение из-за антисанитарии. Большая часть похорон финансировалась Юденратом, поскольку многие люди в гетто просто не могли позволить себе оплатить их.

Зато элита устраивала пышные свадьбы, одевала своих женщин в дорогие одежды и меха, дарила им бриллианты. Для них работали многочисленные кафе, рестораны и ночные клубы, в которых подавались изысканные яства и напитки, звучала музыка. Шпильман пишет:

«Приходили богачи, увешанные золотом и бриллиантами, там же за столиками, уставленными яствами, под хлопки пробок от шампанской «дамы» с ярко раскрашенными губами предлагали свои услуги военным спекулянтам».

Немецкие хроникеры снимали в гетто поставленные ими же сцены «благополучной» жизни

Хроникеры за работой.

В гетто было 6 театров: «Фемина» - бывший кинотеатр, «Новый камерный», Одеон» - на польском языке; «Новый Азazelь», «Эльдородо», «Мелоди палас» - на еврейском языке. Функционировал университет; работали подпольные библиотеки, подпольный архив «Ойнег Шаббат», действовали молодежные движения. Был даже симфонический оркестр. Книги, учеба, музыка и театр позволяли людям хотя бы ненадолго отключиться от мрачной действительности, поскольку напоминали о прежней жизни. Юденратом издавалась «Газета жидовска». Работали рестораны и кафе.

По подсчетам Эммануэля Рингельблюма, в еврейском районе в 1941 году было более 60 развлекательных заведений — кафе, ресторанов, игорных домов, борделей и различных увеселительных мест. Некоторые из них имели дурную славу — там встречались те, кто сотрудничал с нацистами, занимался контрабандой и прочими темными делами.

Bundesarchiv, Bild 101-134-0787-27A
Foto: Knobloch, Ludwig (1941)

Bundesarchiv, Bild 101-134-0787-25A
Foto: Knobloch, Ludwig (1941)

Театральные выступления.

Несмотря на серьезные трудности, в Варшавском гетто были образовательные и культурные мероприятия, проводившиеся подпольными организациями. Были созданы больницы, приюты, центры для беженцев и рекреационные объекты, а также школьная система. Некоторые школы не имели разрешение на функционирование и действовали под прикрытием суповых кухонь. Раввин Александр Фридман организовал подпольную сеть религиозных школ, в том числе, «школы Yesodei HaTorah для мальчиков, школы для девочек, начальная школа и три учреждения для продвинутого иудаизма. Эти школы, работавшие под прикрытием детских садов, медицинских центров и суповых кухонь, были местом убежища для тысяч детей и подростков, а также для сотен преподавателей. В 1941 году, когда немцы дали официальное разрешение открывать школы, они вышли из укрытия и начали получать финансовую поддержку от официальной еврейской общины.

6 июля 1942 года. 6 девушек из гетто загорают после сдачи вступительных экзаменов в университет.

Трамвайный маршрут проезжал сквозь гетто без остановок по узкому коридору. На нем часто катались любопытные – поглядеть, что происходит внутри гетто.

В ночном клубе.

«Интеллигенты еще занимались творчеством, а свободное время проводили в кафе «Штука» (Искусство)».

Рикши в гетто.

«В колясках рикш сидели, раскинувшись, изящные господа и дамы, зимой в дорогах шерстяных костюмах, летом — во французских шелках и дорогах шляпах».

Сам Шпильман нередко играл на пианино в этом кафе. Одним из завсегдатаев этого кафе был Януш Корчак — *«один из самых совершенных людей, которые мне довелось знать»* - пишет о нем Шпильман и продолжает:

«Врач и учитель, он писал о детях и для детей, и читатели ценили его за проникновенное понимание детской души. Много лет тому назад, в самом начале своей карьеры он отдавал все свои заработки и все свое свободное время детской благотворительности. Он создавал детские приюты. Был организатором всевозможных сборов в помощь сиротам и детям из малоимущих семей, он выступал на радио, приобрел огромную аудиторию (и не только детскую). Его любовно называли Старый доктор. Когда ворота гетто захлопнулись, он мог спастись, но он остался в гетто.... Те, кто встречались с ним, еще не знали, в каких мучениях и с каким достоинством кончит он свою жизнь».

Корчак был не единственный, разделивший свою судьбу с детьми, отправленными в Треблинку. Рингельблюм писал, что перед отправкой в Треблинку вместе с Корчаком во главе колонны детей шла его помощница, учительница Стефа Вильчинска. Рингельблюм цитирует слова Нахума Рембы, секретаря Совета еврейской общины Варшавы, о том, что во главе одной группы шел Корчак, во главе другой — Вильчинска, во главе третьей — Бронятовска, а во главе четвертой — Штернфельд. Аарон Конинский возглавлял детское учебное заведение, расположенное в доме № 18 на улице Мыльной. Рингельблюм сообщает, что Конинский тоже отправился со своими воспитанниками в Треблинку.

(Ringelblum, Ksowim fun geto, vol. II, p. 23 «Мужественный поступок Корчака, Конинского и Яновской. Они не хотели бросать своих воспитанников»).

07-08.1941г. На улице гетто.

Исследователь Холокоста Израэль Гутман так описывает этот период времени:

«Нам много лет рассказывали о Холокосте с восклицательными знаками, пытаюсь сгладить углы. Но Холокост — это, главным образом, шокирующая история об ужасных провалах и огромных утратах — личных, общинных, национальных и общечеловеческих». Читатель сталкивается с богатыми евреями, которые сорят деньгами с «показным расточительством в голодающем гетто», получают удовольствие от развлечений и кафе, играют в карты и делают ставки, поедают гусей и шоколад, напиваются допьяна, танцуют и веселятся, пока за окном люди умирают от голода. «Я брожу по улицам, вижу патологическое распутство, и чувствую стыд, — цитирует Гутман высказывание преподавателя Авраама Левина. — Кажется, что они носят шелковую одежду поверх савана».

«До первых мест в нашем загаженном мирке дорвались гнусные паразиты», — записал в дневнике учитель Абрам Левин. На фоне общей нищеты и отчаяния его шокировали принадлежащие к этому узкому кругу женщины и девушки, их элегантные новые костюмы и накрашенные губы, завитые и обесцвеченные волосы.

«Возникали рестораны и танцевальные площадки, — вспоминала Нозми Шац-Вайнкрantz. — Серые стены гетто, голод, смерть на каждом шагу — и в подвалах роскошные увеселительные заведения. Вот «Лурс». пышно блестят и сияют люстры и мрамор, серебро и хрусталь. Играли наши замечательные музыканты; артисты исполняли не только старые, но и новые номера. Они пели о гетто. Молоденькая певчиха с голосом соловья пела так чудесно, как будто никакого гетто не существовало на свете, как будто никто и не знал о немцах. На подносах разносили пирожные и кофе или аппетитный розовый крем с засахаренными орехами». В феврале 1941 г. в «Мелоди-палас» состоялся конкурс на самые красивые женские ноги; в «Мерил-кафе» в конкурсе на лучший танец участвовало пятьдесят пар. Полиция отгоняла от дверей ресторанов нищих. Немцы снимали картины из жизни верхушки гетто на киноленту, чтобы демонстрировать потом на экранах роскошь, в которой живет еврейское население оккупированной Европы».

Немцы снимали картины из жизни верхушки гетто на киноплёнку, чтобы демонстрировать потом на экранах роскошь, в которой живет еврейское население оккупированной Европы".

Исследователь Холокоста профессор Хава Дрейфус описывает сексуальную распущенность и коррупцию — евреям, занимавшим руководящие посты в гетто, давали взятки, чтобы избежать депортации:

«Богатые платили выкуп и возвращались домой», — пишет профессор. Дрейфус. Были найдены свидетельства о евреях — немецких агентах, информировавших нацистов о жизни в гетто, «не раскрывая информацию, которая могла нанести вред еврейской общине».

Еврейская полиция, помогала отлавливать евреев и отправлять их в Трешлинку. «Неудивительно, что таких людей воспринимали в гетто как предателей и убийц», — добавляет Дрейфус.

Еврейские подпольщики пытались ликвидировать сотрудников еврейской полиции, понимая, что перед тем, как бороться с немцами, «нужно очистить еврейскую общину от коллаборационистов». Были евреи, пишет Дрейфус, которые «в отчаянной попытке спасти свои жизни или жизни близких, часто после пыток» раскрывали убежища, где прятались соплеменники.

«При этом, еврейский коллаборационизм был явлением крайне редким, в то время как в польском обществе помощь немцам в преследовании евреев считалась нормой, — замечает профессор. — Кроме того, в отличие от евреев, совершавших сомнительные поступки в иллюзорной надежде спастись, нееврейские коллаборационисты делали это из-за антисемитизма и жадности».

Во вторую категорию этой иерархии входили работники предприятий. 18 тысяч трудоспособных евреев работали на фабрике Тоббенса, где выпускалось обмундирование для немецкой армии. Им регулярно выдавался продовольственный паек и маленькое жалованье. Они могли легально покидать пределы гетто и обменивать какие-то товары на предметы первой необходимости, продукты, медикаменты, средства гигиены. Немцы регулярно устраивали обыск нескольких случайно выбранных рабочих, покидающих либо возвращающийся обратно в гетто. В случае нахождения «контрабанды» уличенных расстреливали на месте. Под статью о контрабанде попадали и продукты питания. Работники этой фабрики рассказывали, что вечно пьяный владелец фабрики Вальтер Тоббенс расхаживал по цехам с плеткой в руках. Рабочий день на фабрике длился 12 часов без выходных и праздников. Забракованную продукцию приходилось переделывать во внеурочное время.

На фабрике Тоббенса

На слесарных работах

На территории гетто функционировала также фабрика по производству щеток. Работники этих предприятий имели «рабочие карточки». Эти карточки позволяли их владельцам выживать. Большая часть узников гетто, даже те, кто работал в больницах, приютах для сирот, продавцы немногочисленных магазинов промтоваров, уборщики улиц, таких карточек не имела. В самом гетто было налажено мыловарение, маслоделие, фармацевтика. Из обломков самолетов, тайно доставляемых в гетто, изготавливалась алюминиевая посуда. В гетто изготавливались кожаные изделия; дети изготавливали игрушки. Нелегальные фабрики и мастерские, работая по ночам, поставляли на рынок ткани, куртки, носки, рукавицы, щетки, различную галантерею и бесчисленное

множество иных товаров. Изготавливалась мебель, изделия из папье-маше. Было даже освоено литейное дело и т.д.

Объем нелегального «экспорта» из Варшавского гетто составлял 10 миллионов злотых в месяц, тогда как предприятия Тоббенса и других промышленников производили продукции на сумму 0,5–1 миллион злотых.

«Когда стало ясно, что война затягивается, - пишет Соломон Пинский, - гитлеровцы сочли целесообразным использовать дешевый труд евреев в военном производстве. Ряд немецких, польских и еврейских предпринимателей получили военные заказы и право нанимать еврейских рабочих. Возникшие таким образом предприятия называли «шопами». Некоторые из них, так называемые «плацувки», находились за пределами гетто. Еврейских рабочих — «плацувкаржей» — водили туда ежедневно в колоннах под охраной. По дороге через «арийскую» часть города «плацувкаржей», бывало, осыпали оскорблениями и насмешками хулиганы, которые бежали за рабочей колонной, горлая: «Гитлер милый, Гитлер злотый, научил жидов работать!» Иногда же, напротив, прохожие бросали в колонну пищу, которая молниеносно исчезала под одеждой рабочих. В 1941 г. шопы предоставляли постоянную работу всего лишь 27 000 человек из 110 000 рабочих, проживавших в Варшавском гетто. Предпочтение отдавалось тем, кто являлся с собственным инструментом. Остальным приходилось искать другой выход: люди готовы были выменять все свое имущество на пищу. При избытке рабочих рук, искавших применения, не было недостатка и в отчаянных и предприимчивых головах. Нашлись и среди «арийцев» охотники принять участие в рискованных, но выгодных сделках с голодающими евреями. Несмотря на противодействие немецких властей, Варшавское гетто быстро превратилось в крупный ремесленно-торговый центр общепольского значения».

Рынок

Овощной прилавок рынка.

Барахолка

Выдача еды

В третью категорию иерархии входили так называемые «дикие» люди, которые скрывались от немецких властей и которые не имели никаких удостоверяющих их документов, часто, при обнаружении таких людей их расстреливали на месте. Посетивший в январе 1943 года Варшаву Генрих Гиммлер, распорядился немедленно очистить гетто от «диких жителей», а ко дню рождения Гитлера 20 апреля сделать Варшаву свободной от евреев. На улице Павиак в гетто находилась тюрьма, в которую заключали и евреев, и поляков. Эта тюрьма пользовалась дурной славой.

Истощенный человек в варшавском гетто. 1941г.

На принудительные работы

Bundesarchiv, Bild 101I-134-0789-00
Foto: Knobloch, Ludwig | Mai 1941 ca.

На принудительных работах.

Bundesarchiv, Bild 101I-134-0782-18
Foto: Knobloch, Ludwig | Mai 1941 ca.

Продовольственный рынок в гетто.

Человек без сознания у витрины

В гетто процветали взяточничество и поборы. Наживались на этом чиновники Юденрата и еврейская полиция. Одним из примеров таких поборов является факт получения взяток от владельцев подпольных хлебопекарен. Официально была разрешена работа 700 хлебопекарен. Подпольно работали еще 800 хлебопекарен, которые использовали сырье, завезенное в гетто контрабандным путем. Вообще же 80 процентов пищевых продуктов доставлялись в гетто контрабандным путем.

Если бы не контрабандисты, жители гетто очень скоро вымерли бы от голода. Контрабандисты, разумеется, заботились только о личном благе, но, следует признать, что гетто жило благодаря их нелегальной деятельности. Они вывозили из гетто ценности и товары, произведённые в мастерских, а в гетто привозили еду, купленную у польских крестьян на городских рынках.

Контрабандой занимались, в основном, уголовные элементы. Наиболее деятельные из них платили огромные взятки полицейским и охранникам на КПП и провозили через главный вход целые обозы, гружённые продовольствием. Мелкие контрабандисты в основном перебрасывали мешки через стены

Удачливые контрабандисты ворочали крупными суммами. Многие из них жили гораздо лучше, чем до войны. Контрабандисты кутили в ресторанах с женщинами, пили дорогие вина, ели изысканные деликатесы.

Контрабандисты жили хорошо, но недолго. Немцы очень быстро поняли, что в гетто процветает контрабанда, и взялись бороться с этим своим любимым способом — расстрелами. Простых полицейских и охранников ещё можно было подкупить, но вот когда объявлялись немецкие операции по борьбе с бандитизмом, контрабандистов просто расстреливали на месте без суда.

Но ни облавы, ни криминальные разборки не уменьшали поток желающих попробовать себя в этом незаконном ремесле.

Существовала и ещё одна категория контрабандистов. Это были поляки, имевшие доступ в гетто. В этой части города располагалось несколько фабрик, на которых работали, в том числе, и поляки. Этим работникам разрешалось посещать гетто, при этом строгих досмотров не было, и поляки часто приносили еду — на неё они выменивали у жителей гетто какие-то ценности, которые тем удалось сохранить при обысках и конфискациях.

Чиновники Юденрата за большие деньги закрывали на это глаза.

Известны факты, когда некоторые контрабандисты, попавшие в лапы гестапо, становились его агентами. Между контрабандистами нередко возникали «разборки», приводившие к жертвам.

Трудно поверить, но гетто превратилось в обще-польский центр нелегальных валютных операций. Действовала подпольная «черная» биржа.

Скученность населения в гетто сделало его очагом различных заболеваний и эпидемий, и, как следствие, огромного числа смертей. Немецкие власти ввели запрет на ввоз в гетто продовольствия. Норма потребления составляла в среднем два килограмма хлеба, содержавшего

примесь целлюлозы и картофельной шелухи, а также 250 грамм сахара. В гетто не хватало топлива. Было открыто 250 «суповых» кухонь.

С улиц исчезли деревья. Летом 1941 года в 300 из чуть менее полутора тысяч квартир вспыхнул тиф. В больницах не хватало больничных коек. На одной кровати лежало по два-три тифозных. Многие больные лежали прямо на полу. Не хватало лекарств и продовольствия. Дома, в которых обнаруживали тиф, ставили на карантин, запирая их жильцов на две недели. Каралось смертью сокрытие информации о случаях заболевания тифом. Обязательную санобработку проходили жители домов, где были выявлены случаи заболевания тифом. Однако пропускная способность санпропускника была чрезвычайно низкой: 2000 человек в день при потребности в 16000 человек.

«В середине 1941 года в гетто умерло 80000 человек; хоронили по 150 человек в день. В одном только январе 1941 года, согласно докладу о положении в гетто, умерли 898 человек, в августе того же года - уже 5560 человек всего за один месяц! К лету 1942 г. количество населения упало до 380,000 человек», - пишет в своей книге «Варшавского гетто больше не существует» Валентин Алексеев

Он продолжает:

«Тяжелый смрад с кладбища заставлял прохожих в жаркие дни зажимать носы. Трупы свозили на конных повозках, ручных тележках, велосипедах, «сносили на носилках. Похоронные бюро закрепляли свой транспорт за теми домами, откуда «товар» поступал регулярно. Бедняки, не имевшие средств на похороны, выбрасывали умерших в чужие дворы или прямо на тротуары»

Старики, просящие подаяние. 1941 г.

Из Архива «Ойнег Шаббат»:

«Смертность среди еврейского населения колоссальна. Она возросла с 150 до 500-600 в неделю. Люди умирают на улицах. Когда одну женщину спросили, зачем она вышла на улицу со своими

детьми, она ответила, что предпочитает умереть на виду на улице, а не в одиночку дома. Сотни людей лежат на улицах без сознания. Кроме тех, кто действительно без сознания, есть симулянты, которые теряют сознание каждые две минуты. Может, вы и способны игнорировать их крики о хлебе, но, когда они падают без чувств у ваших ног, вам приходится остановиться».

Еврейское кладбище было переполнено, поскольку только в период с конца 1940 по середину 1942 года от холода, голода, болезней и карательных операций погибло около 100 тысяч человек.

Из Архива «Ойнег Шаббат»:

«На улице Млавска построили деревянный мост, соединяющий улицы гетто. Отменили два еврейских трамвая – 15 и 28. У нас остался только один трамвайный маршрут – на нем большая звезда Давида. Аптеки христиан процветают. Все их лекарства немедленно раскупаются. Нам грозит эпидемия туберкулеза; в тесноте гетто она распространится как пожар. Часто видишь, как люди копаются в мусорных баках. Зато в некоторых домах каждый день едят апельсины, 25 злотых за кило, виноград, и т.д. Открываются новые места развлечений. Многие из их совладельцев – немцы. Есть такие, кто сотрудничает с СА, СС и т.д. Пользуясь этими связями, они обходят еврейские организации, требуя одежду и прочее. И при малейшем возмущении, они угрожают сдать вас»

Из Архива «Ойнег Шаббат» 1941 г:

«В последние несколько дней (с 20-го [12-го?] апреля) молодые честолюбцы [?] ходят в сопровождении рядовых полицейских из Юденрата, выволакивают евреев из домов и отправляют их на принудительные работы. Говорят, глава этой группы честный человек, он не хочет делать грязную работу в одиночку. Мой знакомый видел еврейских полицейских, разгуливавших во время праздников (Песах) без полицейских жетонов, зато с карманами полными яиц, собранных в качестве взяток. Еще, говорят, они ходили и «набирали голоса» - т.е. забирали людей в трудовые лагеря. Одним словом, новая мода – еврей -. похититель людей. Вчера, на второй день Песаха (12 апреля), евреев хватали в трамваях и отправляли в трудовые лагеря. Один человек прыгнул с трамвая; ему вслед стреляли в воздух. Охранник попытался ударить бежавшего человека винтовкой, но промахнулся и сломал винтовку. Говорят, что такая принудительная вербовка скоро прекратится. «Вопрос еврейской рабочей силы» в варшавском гетто будет «урегулирован».

Время от времени нацисты устраивали на территории гетто карательные операции. По большей части эти операции проводились в ночное время. Их жертвами становились состоятельные люди, чиновники Юденрата и интеллигенция, меньше всего опасавшиеся за свою судьбу. Их расстреливали у своих домов, оставляя трупы не убранными. За этими акциями последовали другие.

Фотография с еврейского кладбища.

«Из окна я видел телеги, набитые до отказа,
Слышал вопли боли и страха — женщин, детей, стариков —
О, телеги скорби, набитые жизнью, ведомою в смерть. От боли мутится разум.
Колеса вертятся, ржут кони, — все смешалось в единый рев».

И.Каценельсон

О деятельности общественных организаций в гетто.

Гетто было пронизано сетью всевозможных общественных организаций, которые при всех своих недостатках - обилии совещаний, межпартийных дразгах - все-таки действовали. Они создавались, как правило, в межвоенное двадцатилетие и, располагая немалыми средствами, сумели занять весьма важное место в жизни польских евреев. Теперь в их деятельности был надрыв, ощущение последнего часа, порога между жизнью и смертью. Центр опеки сирот (Центос) вытаскивал детей из ледяных могил, в которые превратились вымершие квартиры, и отправлял их в детские дома. Им нередко приходилось спать вповалку на голых досках, с которых по утрам смывали экскременты. Но там давали хлеб, суп - и как это было много! Работница одного из таких домов Рахиль Клейнер описывает, как ценой невероятных усилий удалось наладить более или менее нормальную жизнь, вызвать улыбку на лицах детей. Организовали хор, инсценировали стихотворение Корнея Чуковского «Об украденном солнце» в переводе Броневского (в этом сюжете дети ощущали подтекст: крокодил Гитлер украл солнце, птицы и звери остались в темноте). Удалось даже с помощью Юденрата раздобыть для всех новые рубашки. Одевая эту рубашку, 14-летний туберкулезный мальчик, кашляя, мрачно улыбнулся: «Это наш тахрихим»- саван в переводе с еврейского. Он оказался прав. Месяц спустя в этой рубашке он ушел в детдомовской колонне на сборный пункт для отправки в Трешлинку. «Топорол» - товарищество поддержки земледелия - пытается создавать огороды в развалинах разбомбленных домов, оберегает каждое дерево для задыхающихся в каменной тюрьме людей. Но что делать «Тозу» - товариществу охраны здоровья - в разгуле сыпняка, среди умирающих от голода и холода людей, без лекарств, без перевязочных материалов - разве что пытаться защитить жителей домов от бандитизма ганцвайховской санитарной службы. У всей этой общественной пирамиды есть опора, массовая база - домовые комитеты. Это явление особое, свойственное в столь широких масштабах, пожалуй, лишь варшавскому гетто - самому крупному в оккупированной Европе. Созданные в сентябре 39-го в осажденном городе для защиты от налетов авиации, они остались во всей последующей жизни гетто до самого конца. Остались как весьма действенная форма низового самоуправления, объединения людей для взаимопомощи. - В условиях повальной безработицы, нивелировки культурных, а подчас и имущественных различий дом становился главной ареной жизни. Люди объединялись из страха перед одиночеством, с одной стороны, и коллективной ответственности перед немцами, с другой. Характерно, что в самых трудных, морально

неразрешимых ситуациях - уличной ловли людей для отправки в трудовые лагеря, непосильных контрибуций, сбора меховых вещей для нужд немецкой армии - Юденрат каждый раз пытается переложить груз ответственности за эти кампании на домовые комитеты. И это, естественно, только усугубляет и без того обостренное противостояние между властью и обществом. В 41-м в гетто насчитывалось 1100 домовых комитетов. Практически все жилые здания имели такое самоуправление. «И Бог мой, каким активным оно было, каким тяжким грузом ложились на жильцов кампании, проходившие под лозунгами: «Помощь больному», «Тарелка супа для голодного», «Помоги ребенку». Или такой, например, девиз: «Не жертва, а складчина, не милостыня, а обязанность!» Казалось, весь общественный темперамент нации уходил в эти страстные призывы о взаимопомощи. Результаты, с точки зрения нормального существования, были невелики. Так, в праздник хануки 1940 года комитет дома 24 по улице Лешно распределил среди голодающих жильцов 40 килограммов картофеля, 4,5 килограмма жиров, 2,3 килограмма крупы. А на еврейский новый год Рош-Хашана раздал нуждающимся по килограмму хлеба дополнительно. Это на 58 человек. Но картофеля или ложка крупы в тех условиях значила многое. А детские уголки, где тепло, где игрушки и даже кусок хлеба? А концерты, любительские спектакли, литературные чтения? Находились же организаторы этого пира культуры посреди апокалипсиса.

Глава 3. Немецкие акции в гетто.

«Кровавая пятница».

В апреле 1942 года в гетто поползли слухи о том, что в гетто должен войти карательный отряд. Слухи были опровергнуты сообщением о том, что, хотя карательный отряд в Варшаву и прибыл, но его срочно отправили на фронт.

Тем ни менее в ночь на 18 апреля немцы устроили облаву и убили 52 человека. Затем акции продолжились. С 18 апреля по 22 июля в гетто были застрелены около 1000 человек. С этого времени начался отсчет времени ликвидации гетто.

Марек Эдельман в своей книге «И была любовь в гетто» пишет:

«Как-то ночью в апреле 1942 года в гетто въехали немцы и неожиданно вытащили из квартир 52 человека, которых застрелили на месте, в подъездах их домов. Это было начало акции террора. Потом, вплоть до 22 июля, когда началась Большая акция, они регулярно являлись по ночам, вытаскивали отдельных людей из квартир, убивали их, квартиры опечатывали, а трупы оставляли в незапертом парадном или на улице. Убитыми обычно были люди с громкими фамилиями, принадлежавшие к элите гетто».

Кровавая пятница имела серьезные последствия. Узников гетто обуял страх: многие стали проводить ночи вне дома, на улицах перестали собираться группками. Замедлился интерес к общественным мероприятиям, ослабла общественная деятельность. Прекратился выпуск нелегальной прессы. Это был сильный удар по мужеству людей. После резни в пятницу появилась шайка мошенников, убеждавших людей расстаться с деньгами за то, чтобы их имена вычеркнули из списков людей, обреченных на смерть.

22-го июля 1942 комиссар СС Герман Голфе отдал распоряжение главе Юденрата Адаму Чернякову о начале операции по «переселению трудоспособного населения на восток». Планировалась «Разгрузка» гетто. «Разгрузка» предусматривала депортацию большей части населения гетто с тем, чтобы в нем оставалось не более 50 тысяч человек. В гетто поползли слухи о массовом уничтожении евреев в городах и провинциях Польши. Чтобы успокоить жителей гетто, немцами было разрешено открыть в гетто новые школы и приюты для бездомных детей. Кроме того, немецкая газета «Варшауэр цайтунг» сообщала, что десятки тысяч евреев занимаются строительством производственного комплекса и работают на предприятиях, которые нуждаются в дополнительной рабочей силе.

Была установлена дневная норма численности групп «переселенцев» в 10 тысяч человек вне зависимости от пола и возраста. В такие группы не должны были включаться чиновники Юденрата, полицейские и рабочие немецких фабрик, расположенных на территории гетто. Черняков, видимо догадавшийся об истинных целях этой акции, на следующий день принял цианистый яд, оставив предсмертную записку, в которой написал, что не хочет подписать смертный приговор своему народу. В этот же день в гетто появилась размноженная на единственном в гетто стеклографе листовка «Начеку», в которой евреев призывали сопротивляться депортации:

«Помощи ждать неоткуда, значит, нет смысла покорно ожидать и прятаться. Мы должны сопротивляться всеми средствами, какие имеем!»

Первая волна депортаций длилась семь недель. Сначала было вывезено всё наиболее нищее население гетто, но уже через несколько дней начались облавы на всех улицах. К моменту начала акции в гетто было около 380,000 евреев.

Мемориал в Трешлинке

Лагерь уничтожения, Трешлинка был создан в начале лета 1942 года в северо-восточной части польского Генерал-губернаторства в 4 км от станции Малкиня, по основной дороге Варшава - Белосток. Первые транспорты с евреями из Варшавского гетто прибыли в Трешлинку 23 июля 1942 года. Начиная с этого дня и до 21 сентября 1942 года, в Трешлинке погибло приблизительно 254,000 евреев из Варшавы и 112,000 евреев с прилегающих к Варшаве территорий. Лагерь Трешлинка находился в малонаселённой местности, покрытой густыми лесами - это место было специально выбрано для того, чтобы скрыть происходящее там от посторонних глаз. Лагерь был разделен на зоны – жилую, приёмную и зону уничтожения. В зоне уничтожения находилось кирпичное здание с тремя газовыми камерами. Дизельная установка размещалась в прилегающем к зданию флигеле – там производился угарный газ для газовых камер. Газ подавался по трубам, проходящим по потолку камер, и замаскированным под душевые распределители. Нацисты придали камерам такой вид с целью создать у жертв впечатление, что они заходят в здание, чтобы принять душ, а не для того, чтобы умереть. Внутри здания был коридор, ведущий к каждой из трёх камер, в каждой из них была ещё одна дверь, через которую убирались трупы. Примерно в 180 метрах от здания находились огромные траншеи, в которых хоронили тела.

Когда на ближайшую станцию прибывал поезд из 50-60 вагонов, где находилось 6,000-7,000 человек, 20 вагонов заезжали на территорию лагеря, в то время как остальные оставались ждать на станции. Двери вагонов открывались, офицеры СС приказывали евреям выходить. Затем лагерный офицер объявлял прибывшим, что они находятся в транзитном лагере, где примут душ, их одежда пройдёт дезинфекцию, а затем их отправят в другие рабочие лагеря. Затем евреев приводили на «Площадь депортации». Мужчины отделялись от женщин, дети шли с женщинами. Женщин и детей заставляли раздеваться в бараках, при этом женщинам остригали волосы. Обнаженных, их силой выгоняли из бараков и загоняли в «трубу», узкий, огороженный забором камуфляжный проход, ведущий в газовые камеры. После того, как жертв запирали в газовые камеры, запускалась дизельная установка, и газ проникал внутрь. Через полчаса все находящиеся внутри люди были мертвы, и на подходе была следующая группа жертв. В это время трупы убирались и складывались в траншеи для захоронения. Эта последняя работа выполнялась командой узников-евреев, которая называлась «зондеркоманда». Члены «зондеркоманды» отбирались из прибывающих в лагерь евреев для выполнения таких работ как уборка вагонов и подготовка жертв к умерщвлению. Они также сортировали личное имущество и одежду убитых, занимались выносом мертвых тел. Весной 1943 года нацисты задействовали зондеркоманду для кремации трупов. Большинство членов

зондеркоманды уничтожались через несколько дней или недель работы, а их место занимали новоприбывшие

Умшлагплац (перевалочный пункт)

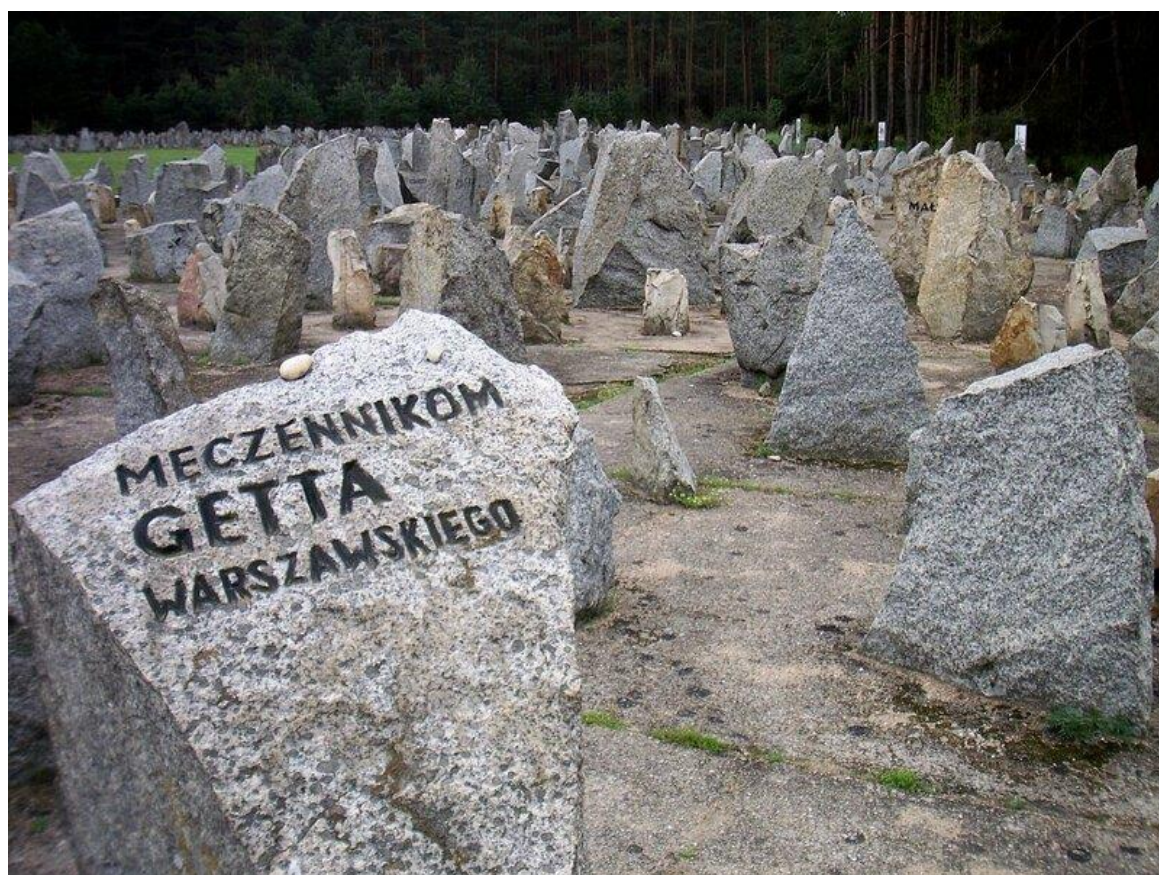
«Великий ужас меня охватил, страх меня с места гонит, —
Вот они здесь — вагоны! Вернулись — раскрыты настежь —
Только вчера уехали и вот уж вернулись, стоят на "Умшлагге" — грузовом перроне,
Хищно разинув широкие жадные пасти!» И.Каценельсон

«Доктор» Корчак

Евреи из Варшавского гетто садятся на депортационный поезд в Умшлагплаце

Колонна узников направляется в Трeблинку.

Однако, к началу последней стадии «большой акции», как ее принято называть, 5 сентября 1942 года, в гетто оставалось всего около 120,000 человек. Тогда же на это количество людей нацисты выдали 35,000 рабочих удостоверений, которые освобождали от опасности депортаций. Все остальные должны были быть депортированы из гетто. Всего, с начала акции до 21 сентября 1942 года, в лагерь смерти Трешлинка было отправлено примерно 265 тыс. евреев. Еще 11 тыс. были отправлены в рабочие лагеря и еще около 10 тыс. умерли или были убиты в тот же период на территории гетто. Таким образом, после большой акции 1942 года в гетто осталось менее 100 тыс. евреев. В январе 1943 года нацисты предприняли еще одну, т.н. «малую акцию», которая вызвала первые акты сопротивления. 19 апреля 1943 года в гетто началась акция по окончательному уничтожению, именно в этот день вспыхнуло знаменитое восстание в Варшавском гетто.

И.Каценельсон в поэме «Песнь об убиенном еврейском народе» 29 октября 1943 г:

«Черняков! Инженер Черняков! Адамье! Что? Стало черно кругом!?
Ну что, десять тысяч... Их ведь больше... Ты что задумал, послушай!..
Ты что?.. Секретарша твоя не знает, что творится в сердце твоём.
Ты плачешь?.. Ты хочешь Богу вернуть свою душу?!

.
Что ты плачешь? Человек ты порядочный... Но не идти же наперекор судьбе...
Десять тысяч сломали тебя? А на шесть тысяч был готов, чтоб ушли на тот свет?
Ты сердишься? На кого? На себя? В грехах признаешься себе...
Ты выпиваешь яд... Успел... Еще немного, и весь соберется совет.»

Уже после войны удалось проинтервьюировать Франца Грасслера - бывшего заместителя комиссара еврейского района Варшавы.

Франц Грасслер

Мне представляется уместным привести отрывок из этого интервью. Оно интересно тем, что характеризует личность Чернякова и обстановку в Юденрате, предшествовавшую началу депортации евреев из гетто. Интервью брал известный французский журналист и кинодокументалист Клод Ланцманн.

Известно, что бывшие нацисты крайне неохотно, давали интервью, а большей частью отказывались вообще встречаться с журналистами. Франц Грасслер тоже предупредил кинодокументалиста о том, что никаких записей не должно быть. Тогда Клод Ланцманн прибег к хитрости. Он приобрел две миниатюрные видеокамеры, только-только освоенные промышленностью. Всего таких камер было изготовлено в количестве 500 штук. Он разместил одну из камер в кожаной сумке, в которой проделал небольшое отверстие. Эту сумку он поставил на стул в кабинете Грасслера таким образом, чтобы линзы видеокамеры были направлены на ничего не подозревающего Грасслера. Миниатюрный микрофон он прикрепил к своему галстуку, так, что и его не было видно. Запись производилась специальной аппаратурой, размещенной в автофургоне, припаркованном неподалеку от дома.

Эта видеозапись легла в основу получившего многочисленные премии фильма «Шоа», созданного Клодом Ланцманном.

Впоследствии Клод Ланцманн рассказывал:

«Да, я погрузился в архивы «Яд Вашем». Прочел монографию Рауля Хильберга «Уничтожение евреев Европы» и начал собирать свидетельства и воспоминания очевидцев. Все они сводились к рассказам о том, как людей арестовывали и отправляли в концлагеря, к историям о селекциях и жизни в лагере. Я же хотел снимать не это. Мой фильм должен был рассказать не о том, как люди выживали, а о том, как они погибали. Мой фильм должен был быть о смерти. Но об этом не было никакой информации. Не было кинохроники из газовых камер, не было очевидцев, ведь никто не вернулся оттуда живым. И мой фильм должен был восстановить эту недостающую страницу, стать надгробием для тех, кого убили, и кто никогда не сможет рассказать о том, что произошло. Фильм «Шоа» должен был стать местом захоронения тех, чьи останки так и не нашли покоя в земле».

Клод Ланцманн.

Привожу отрывок из этого интервью.

«Находясь за стенами Варшавского гетто, Черняков не знал о Берлинской конференции, но его волновало отсутствие Ауэрсвальда. (Ауэрсвальд - Комиссар еврейского района Варшавы – прим. автора) Тот оправился в Берлин и Черняков не мог понять для чего. Но это явно было не к добру. В феврале появились новые слухи. В марте они стали более отчетливыми. В этом месяце он написал в дневнике о депортации евреев из гетто Люблина, Милича, Кракова и Львова. Он узнал, что что-то подобное готовится для евреев Варшавы. И от каждой из его последующих записей исходит чувство тревоги.

- Когда в марте 1942-го до Чернякова дошли слухи о депортации евреев Люблина, Львова и Кракова, (это сегодня мы знаем, что их отправили в Бельзек) он задал себе вопрос в своем дневнике - куда именно их собираются отправить, и что с ними там будет?

*- Нет. Ни разу. О конкретном месте он не упоминал. Но мы не можем утверждать, что он совсем **ничего не знал об концлагерях. Он лишь не упоминал о них в своем дневнике. С другой стороны**, мы знаем, что в Варшаве уже было известно о существовании лагерей смерти. В июне точно.*

- Почему Черняков покончил с собой?

- Поскольку он понял, что у гетто нет никакого будущего. Он, вероятно, предвидел раньше меня, что все евреи будут уничтожены. Я предполагаю, что евреи тогда уже создали свои превосходные секретные службы. Они были слишком хорошо осведомлены, лучше, чем мы.

- Вы так думаете?

- Да, я так думаю.

- Евреи знали больше чем Вы?

- Я убежден в этом.

- С трудом верится.

- Немецкой администрации никогда не сообщали о том, что случится с евреями.

- Когда началась первая депортация в Треблинку?

- Кажется перед самоубийством Ауэрсвальда...

- Ауэрсвальда?

- Нет... Чернякова. Простите.

- 22 июля.

- Это было... Эта дата... Депортация началась 22 июля 1942 года.

- Да.

- В Треблинку...

- А Черняков умер 23 июля.

- Да это...

- На следующий день.
- На следующий день. Он понял, что его надежда... Я думаю, он надеялся, что евреи соблюдают и свои интересы, усердно работая на немцев. Он понял, что его надежды, его мечта рухнула.
- Его надежда была его мечтой?
- Да. И когда надежды почти не осталось, он нашел выход их положения.
- Задолго ли до самоубийства Черняков сделал последнюю запись?
- За несколько часов до него.
- И о чем там шла речь?
- "Сейчас три часа. Четыре тысячи уже собраны к отъезду. К четырем часам должны быть готовы девять тысяч". Это последняя запись, сделанная в день его самоубийства. Первый эшелон из Варшавы в Трешлинку был отправлен 22 июля 1942 года, а Черняков убил себя на следующий день.
- Верно. 22-го его вызвал штурмбанфюрер SS Хофель, ответственный за перемещение. Он явно получил приказ убрать евреев из Варшавы. Хофель вызывает его 22-го... И тут надо отметить важную деталь - Черняков настолько возбужден, что путает даты. Вместо 22 июля 1942, он пишет 22 июля 1940.
- Итак, Хофель вызывает его к себе в контору к 10 часам утра. Он лишает его телефонной связи, заставляет прогнать детей, играющих напротив здания Еврейского Совета (Юденрата), и приказывает ему:
 "Все евреи независимо от возраста и пола, за незначительным исключением будут депортированы на Восток". На Восток! Опять на Восток.
 "Сегодня в четыре часа должны быть отправлены первые шесть тысяч. Это станет минимальной ежедневной нормой". Ему сообщают об этом в десять часов утра 22 июля 1942 года. Однако он не уступает. Он хочет, чтобы были сделаны исключения. Он хочет, чтобы пощадили членов Еврейского Совета и соцработников, и ужасно волнуется, что могут депортировать сирот. Он несколько раз поднимает этот вопрос. На следующий день ему по-прежнему не предоставили никаких гарантий. Если он не может спасти даже сиротский приют, значит его сражение проиграно. Он проиграл войну.
- Почему именно дети-сироты?
- Они самые беспомощные в общине. Они... они дети. Они будущее, у них нет родителей, о них больше никому позаботится. Если их не собираются щадить, если он не может добиться от офицера SS хотя бы устного обещания не причинять им вреда, то, что ему прикажете думать? Что он мог подумать? Если он ничего не может сделать для сирот, что ему остается? Есть люди, которые считают, что после того, как он закрыл дневник, он написал записку, в которой произнес: "Они хотят, чтобы я убил детей своими собственными руками".
- Вы тогда верили, что гетто - положительное явление? Своего рода самоуправление?
- Да.
- Мини-государство?
- Я проделал хорошую работу.

- Но ведь это было самоуправление со смертельным исходом, разве не так?
- Теперь мы это знаем, но тогда...
- Даже тогда?
- Нет.
- Черняков написал: "Мы марионетки, у нас нет никакой власти".
- Да.
- Никакой власти.
- Уверен, так и было.
- Вы немцы были повелителями.
- Да.
- Повелители. Завоеватели.
- Верно.
- Черняков был обычным инструментом.
- Да, но хорошим инструментом. Уверяю Вас, еврейское самоуправление работало хорошо. Уверяю Вас.
- Вы хорошо работали целых три года. 1941, 1942, 1943... 2,5 года... До конца...
- До конца...
- Для чего Вы хорошо работали? Для чего?
- Для самосохранения.
- Нет! Для смерти!
- Да, но...
- Самоуправление, самосохранение.
- Сейчас Вам просто говорить.
- Вы создали им ужасные условия. И были жестоки. Зверские! Ужасные!
- Да.
- Значит, это было ясно даже тогда.
- Нет. С истреблением ничего ясно не было. Только сейчас мы знаем результат.

- Истребить не так просто. Нужно было сделать первый шаг, затем другой, и еще, и еще, и еще.

- Да.

- Но понять к чему идет дело, должен был каждый.

- Я повторяю: в гетто не было истребления. Ни в самом начале, а лишь после эвакуации.

- После эвакуации.

- Эвакуации?

- Эвакуации в Трехлинку. Гетто, возможно, было уничтожено из-за оружия и Бог знает из-за чего.

Это было сделано после мятежа. Меня там уже не было. Но в начале... Г-н Ланцманн, это никуда нас не приведет. Мы не обнаружим истину.

- Я и не думал, что мы сможем добиться истины.

- То, что мне известно сегодня - тогда я не знал.

- Вы были значимой фигурой.

- Похоже на то.

- Вы были важным лицом.

- Вы переоцениваете мою роль.

- Нет.

- Вы были заместителем комиссара Еврейского района Варшавы.

- Но что я мог сделать?

- Кое-что могли. Вы были частью огромной немецкой госмашины.

- Правильно. Но только маленькой деталью. Вы переоцениваете ту власть, которая была у меня 28 лет назад.

- Вам было тридцать?

- Двадцать восемь.

- В тридцать Вы были зрелым человеком.

- Да, но для юриста, человек, получивший степень в двадцать семь - это еще только начинающий юрист.

- У Вас была докторская степень.

- Это ничего не значит. Звание ни о чем не говорит.

- Да? Ауэрсвальд тоже был доктором?

- Нет, но степень не имела значения.

- Доктор Права. Что Вы делали после войны?

- Я работал на альпийское издательство.

- Вот как?

- Я составил и издал горные путеводители. Я издаю журнал для альпинистов.

- Альпинизм Ваше любимое занятие?

- Да, да.

- Горы, воздух...

- Да.

- Солнце, чистый воздух...»

Но ни смерть Адама Чернякова, ни призыв сопротивляться не остановила депортацию.

22-го июля 1942 года Юденрат вывесил объявление, в котором сообщалось, что по приказу немецких властей все евреи Варшавы, независимо от возраста и пола, будут депортированы. Исключение будет сделано только для евреев, работающих в немецких мастерских, в Юденрате, в полиции и в больнице. Во время переселения разрешается взять с собой пятнадцать килограммов груза на человека, включая наличные деньги, ценности и еду на три дня. За неповиновение полагалась смертная казнь. Объявления с этим текстом были расклеены по всему гетто.

Возле этих объявлений стояли толпы растерянных людей, задававших друг другу растерянные вопросы: «Куда нас везут? Сколько на самом деле будет депортировано? Как можно выселить целый город?» - пишет Владка Мид.

В тот же день состоялось собрание участников подпольной еврейской сети еврейского сопротивления. На собрании обсуждали проблему депортации: как следует понимать депортацию. Им в голову не приходила мысль, что депортация означает смерть в газовых камерах. Собравшиеся решили, что, по всей вероятности, отправка жителей будет производиться с целью переселения в трудовые лагеря, и что этому переселению не следует оказывать сопротивления.

В первый день на восток отправилась группа численностью около 10 тысяч человек, которые стали жертвами концлагеря Треблинка-2. Почти все они погибли в газовых камерах этого лагеря. С этого дня в Треблинку-2 отправлялись составы с обреченными на смерть евреями. Первые эшелоны комплектовались в основном за счет нищих, узников еврейской тюрьмы и особенно беженцев. За ними последовали так называемые «непродуктивные элементы», т.е. те, у кого не имелся документ с печатью СД, удостоверяющий принадлежность к германскому предприятию. Эти предприятия - шопы, - еще недавно ощущавшие острую нехватку людей, теперь задыхались от наплыва желающих работать там. Шопы переставали платить, ограничиваясь лишь скудным пайком, а люди все шли и шли в надежде получить заветное удостоверение.

Очень скоро дневная норма депортации дошла до 18 тысяч человек. Была опубликована еще одна листовка «Начеку». В ней было подробно описано, что происходит в Трешлинке» Но даже после этого жители гетто отказывались верить фактам. Через некоторое время «Маленькое гетто» было полностью очищено от евреев. Еще через некоторое время пришла очередь детским домам и «беженцам» Первая волна депортаций длилась семь недель. Сначала было вывезено всё наиболее нищее население гетто, но уже через несколько дней начались облавы на всех улицах. К моменту начала акции в гетто было около 380,000 евреев.

Адам Черняков

Выполнением «дневных норм» депортации занималась еврейская полиция гетто. Каждый сотрудник полиции был обязан ежедневно привести на Умшлагплац определенное количество людей. В случае невыполнения дневной нормы депортации подвергались члены семьи самого полицейского. Именно поэтому приказ немцев выполнялся с особым рвением: полицейские оцепляли дом либо целый квартал, врывались в квартиры, подвальные и чердачные помещения. Всех выловленных евреев полицейские доставляли, на Умшлагплац.

Как ни старались нацисты скрыть факты уничтожения депортируемых евреев в Трешлинке, правда стала проникать в гетто. Улицы гетто с появлением немецких грузовиков мгновенно пустели. Тогда немцы стали подстерегать евреев во дворах, вытаскивали из квартир, синагог и даже, из трамваев; ловили их на рынке и во время посещения кладбища. Чтобы избежать облав, Юденрат обязался регулярно посылать немецким властям нужное им количество еврейской рабочей силы. Эшелоны с обреченными уходили в Трешлинку дважды в день.

На Умшлагплац приводили все меньше людей. Тогда немцы прибегли к очередной провокации: всем евреям, согласившимся на добровольную депортацию, была обещана выдача трех килограммов хлеба и одного килограмма мармелада. Возможность получения такого большого количества свежего хлеба и мармелада после нескольких лет жизни на грани голодной смерти оказалась сильнее страха умереть в газовой камере. Люди успокаивали себя рассуждениями такого рода: «Тем, кого везут на смерть, не дают столько хлеба!» И хотя стала просачиваться информация о том, что Трешлинка – это не место, где депортируемых ждет работа, а что это лагерь смерти, узники гетто продолжали идти на Умшлагплац в надежде получить эти три килограмма хлеба. В результате немцам удалось вывезти из варшавского гетто в Трешлинку около 270 тысяч евреев.

В течение 52 дней (до 21 сентября 1942 года) около 300 тысяч человек было вывезено в Трешлинку. В июле еврейская полиция обеспечила отправку 64 606 человек. В августе было вывезено 135 тысяч человек, за 2—11 сентября — 35 886 человек. После этого в гетто осталось от 55 до 70 тысяч человек. Последними в Трешлинку было отправлено 2500 еврейских полицейских вместе с женами и детьми. 250 полицейских были оставлены для поддержания порядка в гетто, а точнее в той его части, где

находились фабрики, комендатура еврейской полиции, Умшлагплац, а также здание Юденрата. После массовой депортации гетто опустело.

Известно, что, не только детям, но и 150 000 беженцам, которых привезли в Варшаву из западных районов Польши, пришлось тяжелее всех. Эти семьи не располагали средствами к существованию. Они не обладали имуществом, которое можно было бы продать, они не имели связей и знакомств, позволяющих найти заработок. Без хлеба, топлива, одежды, мыла они владели ужасное существование в домах с загаженными лестницами, по несколько семей в одной грязной комнате, с черными простынями на постелях, вместе с трупами, которые держали неделями на кроватях, чтобы получать хлеб по карточкам умерших. Изнуренные семьи лежали днями напролет без движения, на постелях, равнодушные ко всему, кроме мысли о кусочке хлеба, не имея ни сил, ни желания даже привстать. В газетах писали о случаях людоедства. Эти семьи, в первую очередь подвергались депортации и оканчивали свои жизни в печах крематория Треблинки. Еврейская беднота, численность которой в гетто к середине 1941 года достигала 150 000. человек существовали только за счет раздачи бесплатного супа, средства на который выделяла международная организация помощи евреям «Джойнт». В гетто этот суп так и назывался «Джойнтовым». Нацисты разрешали деятельность «Джойнта» в гетто, так как забирали себе 80 % поступавшей валюты. Позже и этот источник иссяк". Реальное потребление на человека составляло в Варшавском гетто к концу 1941 г. в среднем 1125 калорий в день. Это было вдвое меньше самой низкой нормы питания в довоенной Польше, но все же позволяло узникам гетто владеть существование из месяца в месяц, лишь постепенно истощало их жизненные силы.

Нелегальная пресса писала, что половина населения гетто умирала от голода, 30 % «просто голодали», 15 % недоедали и только 5 % жили в достатке.

Ежедневно из здания больницы, назначенной пунктом сбора, людей выгоняли на погрузочную платформу. Физически крепких мужчин отделяли и направляли в трудовые лагеря. Освобождению подлежали только люди, занятые на немецких предприятиях. Остальных (не менее 90 %) загоняли по 100 человек в вагоны для скота. Юденрат публиковал заявления, опровергая слухи о том, что вагоны следуют в лагеря уничтожения. Гестапо распространяло письма, в которых от имени выехавших жителей рассказывалось о трудоустройстве на новых местах.

Вся территория гетто оказалась разделенной на несколько зон, отделенных одна от другой забором из колючей проволоки. В одну из таких зон на севере, получивших название Центрального гетто, вошло около 15 улиц. Здесь жили служащие Юденрата и еврейской полиции. Впоследствии именно здесь развернулись главные сражения восстания. В эту зону свозили имущество, собранное из покинутых в результате депортации домов. Здесь оно сортировалось, ремонтировалось и вывозилось для использования.

Южнее Центрального гетто, отделенные несколькими безжизненными кварталами, располагались фабрики Тоббенса, Шульца, Шиллинга, Хальмана и других немецких предпринимателей, ставших владельцами этих фабрик, ранее принадлежавших еврейским хозяевам. В этой зоне, получившей название «Шоп», охранявшейся фабричными охранниками, проживало около 20 тысяч человек, которые работали на этих предприятиях. Вход в эту зону и переход из одной в другую можно было только по предъявлению специального разрешения.

Фирма Тоббенса захватила в свои руки все конфискованные у евреев швейные и кожевенные мастерские. На них работало более 18 тысяч человек. Гиммлер писал о Тоббенсе:

«В течение трех лет этот ранее неимущий человек стал если не прямо миллионером, то крупным собственником, — и все лишь потому, что мы, государство, пригнали для него дешевую еврейскую рабочую силу».

В гетто осталось 33400 евреев, работавших на фабриках, принадлежавших немцам, и 3000 служащих Юденрата. Однако, фактически с учетом скрывавшихся от депортации евреев, в гетто оставалось примерно 60000 человек. В числе тех, кто скрывался на этих фабриках от депортации, были и семьи богатых людей, купивших себе удостоверения «рабочих». Как ни странно, но после всех безжалостных депортаций в этих районах скрывались многие сотни детей. Гестапо лицемерно обращается к Юденрату с требованием создать приют для этих детей. Однако всех их, включая работников фабрик, ждала депортация.

Ян Карский – праведник мира, нелегально посетивший гетто перед его поездкой в Лондон, так описал свои впечатления от увиденного в своей книге «Я свидетельствую перед миром», опубликованной в 1944 году:

«Надо ли описывать варшавское гетто после всего, что уже о нем сказано? Что это было — кладбище? Нет, поскольку жизнь в телах здешних обитателей еще теплилась — они двигались или даже лихорадочно метались, но ничего человеческого, кроме кожи, глаз да голоса, в этих ходячих скелетах не осталось. Всюду голод, страдания, смрад разлагающихся трупов, душераздирающие стоны умирающих детей, отчаянный крик народа, изнемогающего в безнадежной, обреченной на поражение борьбе за жизнь.

Пересечь стену значило попасть в другой мир — даже в самом страшном сне не могло бы привидеться ничего подобного. Нигде ни метра свободного пространства. Пока мы с трудом пробирались по грязи среди развалин, вокруг нас сновали в поисках чего-то или кого-то тени, когда-то бывшие мужчинами и женщинами, с горящими голодными глазами.

Казалось, всё и вся тут находится в постоянном движении. Вот старик с остекленевшими глазами прислонился к стене, но продолжает трястись, словно какая-то посторонняя сила управляет его телом. Названия улиц, лавок и учреждений написаны старинными еврейскими буквами. Делать надписи на немецком и польском языках внутри гетто запрещалось, из-за этого многие жители не могли прочитать таблички и вывески. Время от времени встречались упитанные немецкие полицейские, которые в толпе исхудалых людей казались распухшими. Каждый раз при виде одного из них мы ускоряли шаг или переходили на другую сторону, как будто боялись заразиться.

На нашем пути попало жалкое подобие скверика: относительно чистый пятачок, где чудом уцелели с полдюжины деревьев почти без листьев и островок зеленой травы. Тут было полным-полно народу. На скамейках тесно сидели матери, кормящие грудью чахлах младенцев. Дети постарше, у которых можно было пересчитать все кости, играли, сбившись в кучку.

«— Играют перед смертью», — сказал мой спутник слева сдавленным голосом.

— Да эти дети вовсе не играют! — вырвалось у меня. — Они только делают вид.

Вдруг мы услышали мерный звук шагов. К нам приближалась группа молодых парней. Они шли строем посредине улицы, под охраной полицейских. Одежда на них была грязная и драная, но сами они выглядели не такими хилыми и голодными, как все остальные. Однако, хоть и более здоровые на вид, они походили на роботов. Шли деревянным шагом, с застывшими от усталости лицами, уставившись блестящими глазами прямо перед собой и словно не видя ничего вокруг.

«Этим повезло», - сказал бундовец - Немцы сочли, что они еще могут быть полезными — чинить дороги и железнодорожные пути. Пока у них хватает сил работать, их не трогают. Все им завидуют. Нам удалось спасти сотни людей: мы достали им поддельные документы, удостоверяющие, что раньше они занимались чем-то похожим. Но долго это не продлится».

По пути мы видели множество трупов, они валялись на земле, раздетые догола.

— Что это значит? — спросил я у нашего проводника. — Почему они голые?

— Когда еврей умирает, — ответил он, — родственники раздевают его, а тело выбрасывают на улицу. Чтобы его похоронить, пришлось бы платить немцам. А цена так велика, что это никому тут не по карману. Ну, а одежда может пригодиться. Каждая тряпка на счету.

Меня пробрала дрожь. На ум пришли слова, которые я часто слышал, но никогда прежде до конца не понимал: «Ессе homo - се человек».

Тут я заметил старика, который шел, шатаясь и держась за стены, чтобы не упасть. Я сказал:

— Что-то совсем не видно стариков. Они что, целый день сидят по домам?

Ответ прозвучал так, словно голос проводника исходил из могилы:

— Просто их больше нет!.. Их увезли в Треблинку! Может, они уже на небе? Немцы — народ практичный. Тех, у кого еще осталась физическая сила, используют на принудительных работах. Остальных планомерно уничтожают. Сначала больных и стариков, потом неработоспособных, потом тех, чьи профессии не имеют прямого отношения к военным нуждам, и, наконец, тех, кто сейчас работает на заводах и ремонте дорог. А в последнюю очередь — евреев-полицейских, которые губят соплеменников, надеясь спасти свою шкуру. Но всех, всех нас ждет одно и то же! Всех отправят на смерть!

Он говорил глухо и бесстрастно.

Внезапно откуда-то донеслись крики, и вокруг началась паника, женщины в скверике хватили детей и бежали к ближайшим домам.

Спутники потянули меня за руки. Я не видел и не понимал, что происходит. Со страху подумал: может, меня разоблачили? Меня затолкали в первый же попавшийся подъезд.

— Быстро, быстро! Вы должны это видеть! И рассказать всему миру! Скорей!

Мы взбежали на последний этаж. Я услышал выстрел. Мои товарищи постучали в одну из дверей. Дверь приоткрылась, показалось бледное, изможденное лицо.

— Ваши окна выходят на улицу? — спросил бундовец.

— Нет, во двор. А что?

Бундовец с досадой захлопнул дверь и принялся кулаком колотить в противоположную дверь. Открыл какой-то мальчик. Бундовец отпихнул его, так что тот, испугавшись, с криком отбежал назад, в комнату. Меня подтолкнули к окну и велели смотреть на улицу сквозь занавеску.

— Сейчас вы кое-что увидите. Охоту. Не увидь вы это собственными глазами, ни за что бы не поверили.

И я увидел. Посреди улицы стояли двое юнцов в форме гитлерюгенда. Оба без головного убора — светлые волосы блестели на солнце. Круглолицые, румяные, голубоглазые — воплощение бодрости и здоровья. Они смеялись, болтали, шутливо пихали друг друга — им было весело. Младший вынул из бокового кармана револьвер, и только тогда до меня дошло, в чем дело. Жадно осматриваясь, как мальчишка на ярмарке, юнец выискивал глазами цель.

Я проследил за его взглядом. Улица была пуста. Юнец смотрел куда-то, что было вне моего поля зрения. Вот он поднял руку, тщательно прицелился. Раздался выстрел, звон разбитого стекла и чей-то предсмертный вопль.

Стрелявший радостно вскрикнул. Приятель похлопал его по плечу и что-то сказал — видимо, поздравил с удачей. Они еще немного постояли, улыбаясь довольно и нагло. А потом под ручку зашагали прочь, точно возвращались со спортивного соревнования.

Я замер, прикинув к стеклу, от ужаса у меня отнялись ноги и язык — я не мог сделать ни шагу, не мог произнести ни слова. В комнате стояла тишина. И мне казалось, что малейший шорох, малейшее движение способны спровоцировать новую сцену, подобную той, что только что разыгралась на моих глазах».

По воспоминаниям еврейских женщин, оставшихся живыми, нацисты в гетто днем и ночью совершали похотливые рейды. Пригланувшимся женщинам приказывали раздеться и лечь, после чего их насиловали. На улице Франциска немцы задержали 40 евреек. Их затащили в один из домов, напоили, заставили раздеться и танцевать голыми. Затем изнасиловали. Таких случаев было много.

Особенно жестоко обращались с детьми. Дети гетто — это отдельный разговор.

Дети гетто.

«Первыми гибли малые дети, сироты — раздеты, разуты — Сама чистота и наивность, которыми мир согрет! О, бедные сироты в лежбищах темных приюта, Из лиц их, немых и несчастных, еще воссиял бы свет!»

«Еврейские дети, они были первыми жертвами страшной эпохи, Большинство без отца и матери; поедом ели их холод, голод и вши; Маленькие мессии, освященные страданием... О, Господи, в чем согрешили крохи? Почему в дни гибели первыми жертвами становятся малыши?»

И.Каценельсон

Дети были вынуждены часто кормить всю семью. Школы не работали, появилось большое количество беспризорных. Дети до 12 лет не обязаны были носить на правом предплечье белую повязку с голубой звездой Давида. Если они к тому же обладали «хорошей», то есть не семитской, внешностью, они могли стать «невидимыми» за стенами гетто, растворившись среди жителей нееврейской Варшавы. С арийской стороны они просили милостыню, покупали еду или воровали ее. Чаще всего именно они спасали свою семью от голодной смерти Многие дети, даже те, чей

возраст исчислялся 5-6 годами, стайками кружились у ворот гетто, выжидая возможность проскользнуть через ворота. Оказавшись за пределами гетто, они выпрашивали у поляков в городе или в деревнях продукты питания и возвращались в гетто. Свои опасные рейсы дети совершали по несколько раз в день, возвращаясь с продуктами за подкладкой пальто или в небольших заплечных мешках. В одном из свидетельств, сохранившихся в архиве Рингельблюма, рассказывается история шестилетнего мальчика, которого мама провожала на арийскую сторону через подкоп под стеной гетто. Человек, описавший увиденное, наблюдал за этой картиной из окна:

«Он наклоняется и начинает ползти через подкоп. Просунув голову, он осматривается и встречается взглядом с поджидающими его солдатами. Ребенок рвется обратно, но там стоит мать и толкает его за ноги туда, туда — за едой».

Часто они были главными кормильцами целых семей. Группами по 10–15 человек дети добирались до пригородных деревень. Принесенные оттуда продукты обычно продавались, чтобы купить что-нибудь похуже качеством, но больше по весу или количеству. «Арийское» население, в том числе и немцы, как правило, жалели детей, вырвавшихся из гетто. Им охотно подавали милостыню, предоставляли ночлег. Лишь некоторые ярые антисемиты помогали полиции ловить еврейских детей. Схваченных детей отвозили в тюрьму на улице Генсей. С января 1942 г. пойманных на «арийской стороне» детей стали расстреливать; летом 1942 г. маленьких узников тюрьмы на Генсей первыми отправили в газовые камеры.

Трагедию этих детей описала в стихотворении **«Маленький контрабандист»**, очень известном в гетто, поэтесса Хенрика Лазоверт, погибшая в августе 1942 года в Треблинке.

*Сквозь стены, заборы, ограды,
стремясь не попасться врагу,
не дрейфя при виде засады,
как черная кошка, бегу.
Спасаясь от пёсьего лая,
в морозы, и в дождь, и в жару,
в который уж раз начинаю
смертельную эту игру.*

*Большой мешок под мышкой,
лохмотья на плечах,
и — бег без передышки,
а где-то в сердце — страх.
Мой долг — не спать ночами
и в сотый раз рискнуть,
чтоб можно было маме
поесть хоть что-нибудь.*

*Сквозь стены, сквозь дыры и щели,
нет разницы — ночь или день,
голодный, пронырливый, смелый,
скольжу я тихонько, как тень.
А если я буду однажды*

*за шиворот схвачен судьбой —
застреленным может быть каждый,
не жди меня, мама, домой.*

*Не кличь напрасно, милая,
и не рыдай, склонясь.
Мне будет пыль могилою
да уличная грязь.
Лишь на губах упрямо
один вопрос замрет:
о кто же тебе, мама,
хлеб завтра принесет?
(Перевод Игоря Белова)*

Еще одним видом детской контрабанды стал «шабер» - кража и продажа имущества погибших евреев. Немцы, считая все еврейское имущество своей собственностью, наказывали за шабер, как за контрабанду. Если вначале на детскую контрабанду полицейские смотрели сквозь пальцы, впоследствии их расстреливали. В гетто было уничтожено более 90 тысяч детей. В конце августа даже такие меры принуждения перестали приносить результаты. Нехватка продуктов питания и топлива, массовые заболевания тифом, дизентерией, воспалением легких вызвали огромную смертность населения гетто.

Узники гетто, оставшиеся живыми, вспоминали, что наиболее тяжелое впечатление производили дети — опухшие от голода, с незаживающими из-за отсутствия витаминов язвами, со старческими лицами. Без белья, без обуви, одетые в мешки и лохмотья, похожие на обтянутые кожей и подпоясанные веревками скелетики, они кричали, плакали, стонали на улицах, пытались вырывать у прохожих хлеб, чтобы тут же съесть его, не обращая внимания на побои. Мелкая уличная торговля была зачастую едва прикрытой формой детского нищенства: малолетние торговцы наперебой умоляли прохожего, цепляясь за его одежду и руки, сжалиться, купить хоть что-нибудь. Сердобольные люди приобретали совершенно не нужные им вещи, зная, что на выручку маленького торговца существует вся его семья. Общественные организации устраивали для голодающих детей бесплатное питание в так называемых уголках. Кухонный персонал этих уголков состоял в основном из учителей, которые попутно и обучали детей. Все это, однако, меняло общее положение лишь в самой незначительной степени".

מקהלת ילדים בגיטו. שער ראשם של הילדים גולה מחמת הכינים

Детский хор в варшавском гетто

Благодаря деятельности Совета помощи евреям «Жегота», созданного в 1942 г., 2,5 тысячи детей, большей части грудного возраста были спасены. Член этой организации Ирена Сендлерова часто посещала гетто, где следила за больными детьми. Под этим прикрытием она и её товарищи, рискуя жизнью, вывезли из гетто 2 500 детей, которые были переданы в польские детские дома, в частные семьи и в монастыри. Как это делалось?

В Википедии в статье, посвященной Ирене Сендлеровой, написано:

«Младенцам давали снотворное, помещали в маленькие коробки с дырками, чтобы они не задохнулись, и вывозили в машинах, которые доставляли в лагерь дезинфекционные средства. Некоторых детей выводили через подвалы домов, непосредственно прилегавших к гетто. Использовались для побегов и водосточные люки. Других детей вынесли в мешках, корзинах, картонных коробках.

Младенцев она прятала в ящик из-под инструментов, детей постарше — под брезентом в кузове грузовика. Кроме того, в кузове сидела собака, обученная лаять, когда машину впускали в гетто или выпускали из него; по другой версии, собака сидела в кабине, и водитель при выезде из ворот наступал ей на лапу, чтобы собака лаяла. Лай собаки заглушал шум или плач, издаваемый младенцами.

Ирена Сендлерова записывала данные всех спасённых детей на узкие полоски тонкой бумаги и прятала этот список в стеклянной бутылке. Бутылка закапывалась под яблоней в саду у подруги, с целью после войны разыскать родственников детей.

21 октября (по другим данным 18 октября) 1943 года арестована по доносу арестованной владелицы прачечной, в которой был один из пунктов конспиративных встреч. Содержалась в корпусе «Сербия» павяжской тюрьмы, где работала в прачечной. После пыток её приговорили к смерти, однако она была спасена: охранники, которые сопровождали её к месту казни, были

подкуплены «Жеготой» и 13 ноября Сендлерову тайно вывели из тюрьмы. В официальных бумагах она была объявлена казнённой. До конца войны Ирена Сендлерова скрывалась, но продолжала помогать еврейским детям. В марте 1945 года, когда Варшава уже была освобождена, она, по предложению коммунистического активиста Ежи Альбрехта, стала заместителем начальника Отдела социальной помощи и приложила много усилий для открытия сиротских приютов, домов для престарелых, а также специальных центров для женщин и девушек, которые, оставшись в городе после поражения Варшавского восстания, выживали путём проституции»

Ирена Сендлерова в клинике гериатрической реабилитации Ордена госпиталитов св. Иоанна Божьего в Варшаве. 2005.

После войны Сендлерова раскопала свой тайник с данными о спасённых детях и передала их Адольфу Берману, председателю *Центрального комитета польских евреев* с 1947 по 1949 год. С помощью этого списка сотрудники комитета разыскали детей и передали родственникам. Сирот поместили в еврейские детские дома. Позже значительную их часть переправили в Израиль.

Дети гетто май 1941 г.

1940. Дети и подростки в гетто

Женщина с детьми в гетто

1940. Группа еврейских детей, пойманных полицейским после пересечения разделительной стены гетто

1940. Дети в гетто очищают улицу в качестве гигиенической меры против постоянно существующей опасности эпидемий

1941. Двое детей в гетто

Дети гетто май 1941 г.

Двое детей в гетто

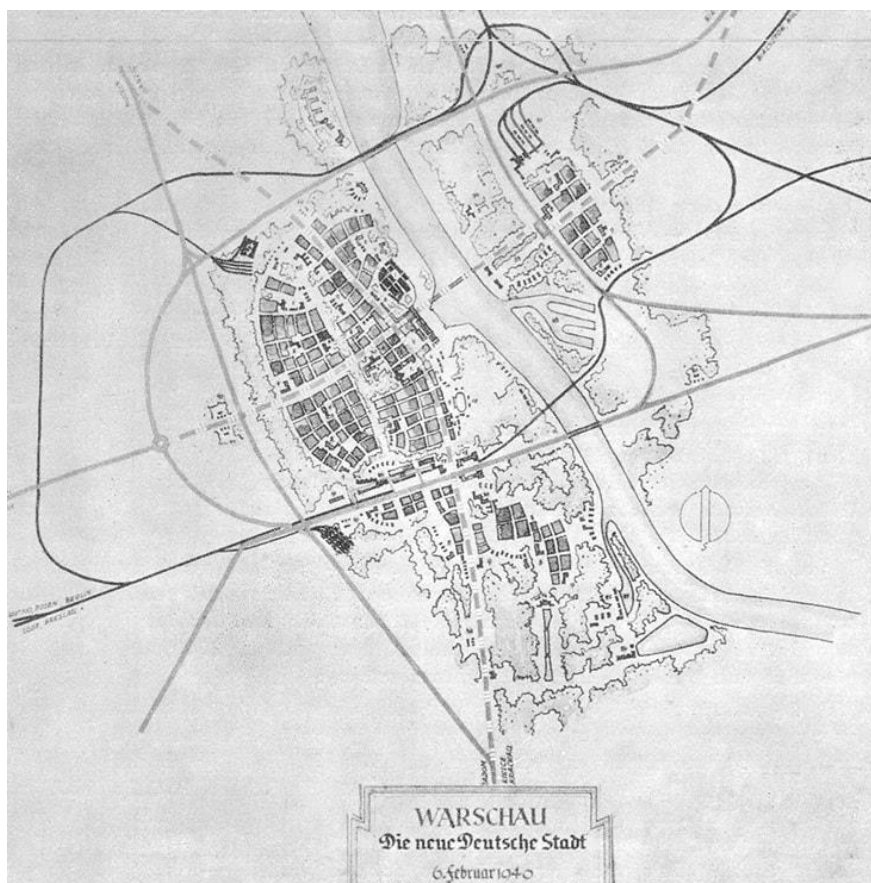

1941. Мальчик на улице в гетто.

Планы нацистов в отношении Варшавы.

Варшаве была уготована тяжелая судьба. Еще до войны нацисты планировали разрушение города. 20 июня 1939 года еще до нападения немцев на Польшу Гитлер во время посещения архитектурного бюро в Вюрцбурге выразил заинтересованность в проектировании немецкого города, который будет построен на развалинах Варшавы. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, посетивший захваченную Варшаву, заявил, что город должен быть стерт с лица земли и что там не должно оставаться камня на камне. Планировалось на месте полностью разрушенного города построить «новый немецкий город Варшу», численностью не более 130 тысяч жителей. Город должен был стать чисто немецким без поляков. В 1940 году немецкие архитекторы Гросс и Нюрнберг представили первый проект будущего города Варшу. Реализовать этот проект было поручено главному архитектору Варшавы Пабсту. Только что назначенный на этот пост Пабст предложил свое «окончательное решение» судьбы Варшавы, в большей степени устраивавшее Гитлера. По его плану все дворцы, архитектурные памятники Варшавы должны были быть уничтожены. На их месте планировалось построить жилые комплексы для немецкого населения города, а также вокзал, стадион и прочую инфраструктуру. Разрушение Варшавы было запланировано перед его заключительным разрушением в 1944 и даже перед началом Второй мировой войны. 20 июня 1939, в то время как Адольф Гитлер посещал архитектурное бюро в Вюрцбурге, он обратил внимание на проект будущего немецкого города – *Neue немецкий Stadt Warschau*. Согласно Плану Пабста, Варшава должна была быть превращена в провинциальный немецкий город. Третьи планировщики Рейха спроектировали точные рисунки, обрисовывающие в общих чертах историческое «германское» ядро, где избранное небольшое количество зданий будут спасены. К таким зданиям относились Королевский замок, который служил бы государственным местом жительства Гитлера. План, который был составлен из 15 рисунков и миниатюрной архитектурной модели, назвали в честь немецкого армейского архитектора Фридриха Пабста, который усовершенствовал понятие разрушения национальной морали и культуры, разрушив ее физические и архитектурные проявления. Дизайн фактического нового немецкого города по территории Варшавы был разработан Хьюбертом Гроссом. Проект был скоро включен в Generalplan Ost.

Разрушение города началось уже в сентябре 1939 в ходе наступления немецких войск на польскую столицу. На этом этапе план Пабста был включён в Генеральный план Ост, предполагавший геноцид и германизацию захваченных земель Польши и СССР. План предусматривал поэтапное сокращение численности Варшавы. В первую очередь планировалось сократить численность еврейского населения, заключив всех евреев в гетто с последующей их депортацией в концлагеря. На втором этапе перемещению подлежала большая часть работоспособного польского населения Варшавы на подневольную работу в Германии. Оставшихся поляков планировалось разместить в трудовые концентрационные лагеря, совмещая это с массовыми расстрелами мирных жителей. Нацисты немало преуспели в этом. На улицах города были расстреляны около 250 тысяч человек.

План города Варш

Разрушенная Варшава

Исключение составляли несколько десятков тысяч поляков, которые были нужны для обслуживания немецкого населения Варшвы. Для них в пригороде Варшавы строился огромный концентрационный лагерь.

В результате в Варшаве должно было остаться не более 130 тысяч, но не поляков, а немцев. В определенной мере разрушению города, сильно пострадавшему при взятии его нацистами, способствовало восстание против нацистов в августе 1944 года. Как известно, восстание было подавлено, но вся левобережная часть города, в которой были сконцентрированы основные историко-архитектурные памятники, просто перестала существовать. В ней уцелел случайно только один дом. В ходе этих сражений к тому, что до этого уже было уничтожено, прибавилось еще разрушение четверти всех оставшихся зданий. К январю 1945 года было уничтожено около 90% зданий, в том числе и исторические памятники. Но к строительству немецкого города Варшву нацисты не успели приступить.

Глава 4. Кто планировал, участвовал и руководил восстанием.

Уже в 1941 году стало возникать стихийное сопротивление.

А в первой половине 1942 года коммунисты и левые сионисты договорились начать вербовку в партизанские отряды евреев с «арийской» внешностью, говоривших на польском языке без акцента. Небольшому количеству еврейской молодежи, отвечавшей этим критериям, действительно удалось покинуть гетто и уйти в партизаны.

Не сразу, но постепенно массовая депортация узников гетто похоронила надежду на возможность выжить, хотя у определенной части евреев все еще зрела робкая надежда на то, что мировая общественность не допустит уничтожение всего польского еврейства. Жителей гетто убеждали, что депортация узников гетто не что иное, как «освобождение» гетто от «нежелательных нетрудовых элементов». Поначалу как левые, так и правые сионисты стали на позиции непротivления. Они полагали, что во имя спасения хотя бы части населения гетто можно пожертвовать другой его частью, даже если она будет значительной. Отсюда - призыв к отказу от вооруженной борьбы с фашистами. Тем не менее, есть свидетельства того, что около половины из десяти тысяч евреев, подвергшихся депортации, оказали сопротивление при аресте. В конце октября еврейские боевики Ружаньский, Гровер и Эмилия Ландау убили предателя Якуба Лейкина – заместителя начальника еврейской полиции. На стенах домов появились листовки о том, что Лейкин был казнён за сотрудничество с оккупантами. В листовках говорилось о том, что акты возмездия будут продолжаться.

Через месяц боевики Шульман, Браудо и Кранштейн застрелили руководителя экономического отдела Юденрата Израиля Фюрста, который сотрудничал с СС и гестапо.

Это, однако, были отдельные акты сопротивления, не носившие организованный характер.

Владка Мид вспоминает:

«Идея сопротивления возникла еще в конце 1941-го после известий об истреблении евреев Волыни, Львова и Вильно. Следующей весной в марте представители разных еврейских подпольных организаций встретились, чтобы обсудить создание объединенных вооруженных сил и вовлечение в них всего населения гетто на случай, если придется противостоять вермахту. Многим уже тогда было ясно, что немцы не ограничатся уничтожением евреев восточной Польши, что на очереди Варшава и вся остальная Европа. Но другие считали эту затею преждевременной. Не рано ли утверждать, что немцы собираются полностью стереть евреев с лица Земли, что они предприняли некую глобальную карательную экспедицию? Говорили также, что сопротивление может быть удачным только при поддержке польского подполья. И хотя в тот раз не пришли ни к каким определенным соглашениям ни с сионистами, ни с коммунистами, Бунд сформировал отряды из юношей и девушек и начал проводить с ними боевые учения. Вторая попытка объединения усилий была предпринята в июле 1942-го, с началом депортации варшавских евреев. И опять был поднят вопрос о вооруженном сопротивлении, и снова он не нашел единодушной поддержки. Еврейские лидеры не хотели брать на себя ответственность и рисковать жизнями тех, кто еще надеялся спастись. Всё еще преобладало мнение, что депортируют не более, скажем, шестидесяти-семидесяти тысяч, а остальным будет позволено остаться в живых. Да как же, говорили еврейские лидеры, как же

можно, ведь ради вашего вооруженного сопротивления мы подвергнем опасности жизни всех обитателей Варшавского гетто! Всё время, пока продолжались депортации, голоса изнутри еврейского подполья – включая Бунд, ха Халуц, Дрор, а-Шомер а-Цаир коммунистическую партию – убеждали народ не верить немцам. Они и предупреждали, что «переселение» означает смерть, и советовали сопротивляться.

Никто не обращал на них внимания; желание жить заслоняло собой реальность.

«Сопротивляться немцам – играть со смертью» – стало общепринятым мнением». Весной 1943 года около 60 тысяч евреев забаррикадировались в варшавском гетто — все оставшиеся в живых из 400 тысяч человек, которые были согнаны сюда как скот еще в 1940 году, — и поднялись на борьбу против нацистских мучителей.

Однако не все разделяли это мнение.

Был создан Антифашистский блок, объединивший левые сионистские партии. В течение октября—ноября партии, вошедшие в Антифашистский блок, создали общий орган — Еврейский национальный комитет — ЖКН («Жидовски Комитет Народовы»). Поначалу представители молодежных организаций Мордехай Анелевич, Ицхак Цукерман и Арье Вильнер не соглашались с созданием наряду с военным командованием еще и политического руководства, так как боялись, что «политики» снова, как и во время «большой акции», свяжут боевую организацию по рукам и ногам. Однако Герш Берлинский и Поля Эльстер, представлявшие Поалей-Цион, настояли на создании органа политического руководства. За этим последовало создание Еврейского национального комитета Z.K.N. При содействии Армии Крайовой левые партии 28 июля 1942 года создали единую Еврейскую боевую организацию Z.O.B. Членами этой организации стали: Ха-шомер ха-цаир, Цукунфт, Дрор, и молодежная организация Бунда, присоединившаяся к Z.O.B. позднее - 15 октября 1942 года. Иными словами, костяк Z.O.B. составляли сионистские организации **лево-социалистической** ориентации. В руководство организации вошли Марек Эдельман, доктор Файнер и Абраша Блум. Командиром Еврейской боевой организации был выбран Мордехай Анелевич.

Самой крупной организацией, вошедшей в Z.O.B. была всемирная молодежная организация, исповедовавшая принципы социалистического сионизма и социал-демократии Ха-шомер ха-цаир. Некоторые группы этой организации придерживались даже марксистских взглядов. Членами этой организации были такие известные в Израиле люди, как: Менахем Бегин – бывший премьер-министр Израиля, Иссер Харель – руководитель «Мосада» в период 1952-1964; Меир Вильнер генеральный секретарь коммунистической партии Израиля; Леопольд Треппер – советский разведчик; Арик Эйнштейн – популярный певец

В 30 годы Ха-шомер ха-цаир была близка к израильской левой политической партии МАПАЙ и разделяла ее взгляды. Как известно партия МАПАЙ стояла у истоков создания государства Израиль. Более того, первые 6 созывов Кнессета партия МАПАЙ входила в правящую коалицию. Членами МАПАЙ были такие политические деятели как Бен-Гурион, Голда Меир, Моше Даян, Шимон Перес

Организация Z.O.B. делилась на дружины, а дружины — на пятерки. Во главе всей организации находился штаб. В состав штаба входили: Мордехай Анелевич; Михаил Розенфельд — коммунист с большим партийным опытом; Герш Берлинский — старый рабочий деятель, в свое время возглавлявший самооборону в Лодзи против погромщиков в предвоенной Польше; Исаак Цукерман — член молодежной сионистской организации «Гехалуц», а также Марк Эдельман из молодежной социалистической организации "Цукунфт».

Создание этой организации стало крупным событием в жизни гетто. Молодежь с воодушевлением вступала в Еврейскую боевую организацию. Одна из членов этой организации Тося Альтман, вступая в нее, так описывала свое душевное состояние:

“ Я чувствовала, что вся жизненная основа, на которую я опиралась, зашаталась и вдруг рассыпалась. Чувствовала, что после того, как я приняла это решение, никакая сила уже не сможет снова привязать меня к прежнему образу жизни. Я уже не принадлежала себе. Знала, что иду навстречу смерти, но сознавала, что это мой долг, что иначе поступить я не могу”.

В первые дни своего существования организация завязала тесный контакт с боевыми штабами подпольной Польши. Одновременно она распространила свою деятельность и на другие гетто, направила своих представителей в Лодзь, Сосновец, Бендин, Белосток.

22 роты Еврейской боевой организации строились на чисто партийной основе, т.е. каждая партия имела свои роты. Z.O.B. на первых порах ориентировалась на связь с коммунистическим подпольем, рассчитывая на его помощь. Однако слабое и малочисленное подполье не было в состоянии оказать ей помощь. Армия Крайова тоже не оказывала помощь Еврейской боевой организации, как по идеологическим соображениям, так и в связи с неверием в возможности такой малочисленной организации противостоять немцам.

Небольшая справка об Армии Крайовой.

Рождение Армии Крайовой датируется сентябрем 1939 года. Накануне капитуляции Варшавы генерал Михал Карашевич-Токажевский получил приказ Верховного Главнокомандующего польской армии создать подпольные военные силы. В течение нескольких недель ему удалось собрать группу офицеров, избежавших плена. Эта группа и создала мощную конспиративную армию, получившую название «Служба Победе Польши», позднее – «Союз вооруженной борьбы» а с февраля 1942 года – «Армия Крайова». Организатором Армии Крайовой был не Карашевич-Токажевский, а Стефан Ровецкий (псевдоним «Грот»). После его ареста гестаповцами в 1943 году армию возглавил генерал Тадеуш Комаровский (псевдоним «Бур») – отъявленный антисемит.

Главной целью Армии Крайовой была подготовка и проведение всеобщего восстания в момент приближения фронта. Второстепенной целью считалась текущая борьба с нацистами. Подпольно создавалась структура армии, собиралось оружие и производилось обучение солдат. Комаровскому удалось объединить под крылом Армии Крайовой все разрозненные подпольные вооруженные группы, и ее численность к 1944 году составила 300 тысяч бойцов.

С 1941 по 1944 год по данным немецкой статистики на территории Польши было зафиксировано 284 крушения поездов, подорвано 11 мостов и еще 7 мостов повреждено.

По отчетным данным Армии Крайовой за этот же период спущены с насыпи 732 поезда, подожжены 443 транспорта, уничтожено более 4 тысяч транспортных средств, сожжено 130 складов с оружием и боеприпасами. Уничтожены 5 нефтяных скважин, заморожены 3 крупные доменные печи, совершено почти 6 тысяч покушений на полицейских, солдат и фольксдойче, освобождены заключенные из 16 тюрем и др. Партизанскими отрядами Армии Крайовой было убито 1000 немецких солдат. Всего 1000 убитых солдат за все годы войны! Считается, что две трети отчетных цифр далеки от действительности.

3 августа 1944 г. на переговорах в Москве премьер-министр эмигрантского правительства Станислав Миколайчик заявил, что «поляки создали в Польше подпольную армию». На это Сталин с присущей ему резкостью заметил:

«Борьбы с немцами она (Армия Крайова) не ведет. Отряды этой армии скрываются в лесах. Когда спрашивают представителей этих отрядов, почему они не ведут борьбы против немцев, они отвечают, что это не так легко, так как, если они убивают одного немца, то немцы за это убивают десять поляков... наши войска встретили под Ковелем две дивизии этой армии, но когда наши войска подошли к ним, оказалось, что они не могут драться с немцами, так как у них нет вооружения... отряды польской подпольной армии не дерутся против немцев, ибо их тактика состоит в том, чтобы беречь себя и затем объявиться, когда в Польшу придут англичане или русские»

Армия Крайова относилась к евреям как к просоветским элементам. Этим объясняется и враждебное отношение к еврейским отрядам сопротивления нацистам. Известны многочисленные случаи уничтожения боевиками этой армии еврейских партизанских отрядов и скрывавшихся в лесах групп евреев, бежавших из рабочих лагерей. Имели место случаи выдачи отрядами Армии Крайовой евреев нацистам. Тем не менее известны случаи взаимодействия и помощи со стороны отдельных командиров Армии Крайовой. Некоторые бойцы и командиры спасали еврейское население. Среди них был и Владислав Бартошевский, признанный Яд Вашем праведником мира.

Командующий подпольной Армией Крайовой генерал Стефан Ровецкий писал в январе 1943 года в Лондон:

«Евреи из всех групп, включая коммунистов, обращались к нам с просьбами об оружии, как будто бы у нас полные склады. В порядке эксперимента я предоставил им несколько револьверов, не будучи уверенным, что они будут использованы. Я не буду больше давать им оружие, вы знаете, что мы сами не имеем его. Ожидаю следующего груза. Сообщите мне, какие контакты наши евреи имели с Лондоном».

Стефан Ровецкий сознательно искажает факты. В 43-м году арсенал Армии Крайовой насчитывал 26 тысяч винтовок, 6 тысяч револьверов, 30 тысяч гранат и множество другого оружия.

У Z.O.B. по воспоминаниям командира одной из рот Б.Яворского в январе 1943 года было только 2 пистолета и одна граната. В апреле число пистолетов возросло до 70. Численность Z.O.B.а на момент восстания составляла от 200 до 300 человек. Была, однако, еще одна проблема. Очень немногие из боевых групп Z.O.B.а были обучены владением оружием. Даже Марек Эдельман – один из руководителей Z.O.B.а писал в своей книге «И была любовь в гетто», что он никогда не держал в руках пистолет.

Из других источников стало известно, что с началом боевых действий в гетто антифашистские организации подпольной Польши, вопреки установкам польских представителей из Лондона, систематически снабжали гетто оружием через подземные ходы; оружие доставлялось также в транспортах с продовольствием. Документально установлен факт, что в транспортах картошки для столовых, обслуживавших промышленных рабочих в гетто, контрабандой провозились винтовки и пулеметы, гранаты и динамитные патроны.

Вместе с тем Марек Эдельман писал:

«Надо отдавать себе отчет в том, что, например, власти польского подпольного государства, подчинявшиеся Лондону, и даже коммунистические — не хотели восстания в гетто. Они боялись, что это восстание перекинется на всю Варшаву. И генерал Грот, не

стесняясь, сказал: «Господа, этого восстания не будет, так как мы вам не поможем, мы боимся. Слишком рано».

У нас с ним никогда не было прямого контакта. Были два посредника: начальник еврейского сектора АК Генрик Волинский и Александр Каминский, автор «Камней на редут»; они были нашими доверенными лицами. В этом трагическом разговоре между АК и Еврейской боевой организацией, который шел через посредников, было сказано: «Вы не можете это сделать». А во-вторых: «У нас к вам нет доверия, оружия у нас мало, и мы вам не дадим».

(Стефан Ровецкий («Грот») - командующий Армией Крайовой. Был арестован и расстрелян в 1943 году.)

Правые политические силы сионистов-ревизионистов, в частности: «Бейтар», «Эцель». «Брит а-хаяль». («Бейтар» – Союз Иосифа Трумпельдора - молодежная ревизионистская международная организация) по инициативе Зеева Жаботинского еще в 1933 году объединились с организацией бывших солдат и офицеров Войска Польского.

С 1938 года организации, входившие в «Эцель», издавали две газеты (одна на идиш, другая на польском языке). «Эцель» создавала тренировочные лагеря и склады с оружием, готовилась к борьбе с англичанами в еврейском ишуве Палестины. «Эцелем» в 1939 году были куплены и арендованы десятки судов, которые одновременно должны были выйти из разных портов Италии и, собравшись в одном месте, продолжить путь к Палестине и высадить на побережье 40 тысяч бойцов этой организации во главе с Жаботинским. Выход кораблей планировался на август 1939 года. Из-за ряда организационных проблем выход десанта затянулся, а начавшаяся война и оккупация Польши поставила крест на этих планах. Часть бойцов десанта, уже находившихся в Италии, сумела добраться до Палестины, часть вернулась в Польшу. В 1940 году руководство «Эцеля» переправила некоторое количество своих солдат и офицеров в польские части Франции и Англии. Организация «Бейтар» была наиболее военизированной, члены которой проходили военную подготовку. Почему для этой цели была выбрана Италия? Есть неподтвержденные данные о поддержке этой акции со стороны правительства Муссолини.

Этот политический союз возглавляли Давид Апфельбаум и Павел Френкель. Новая организация получила название «Союз мести». Эта организация вскоре вошла в Z.O.B. Однако к началу 1943 года в силу возникших расхождений она откололась от Z.O.B.а. Организация получила название Еврейский воинский союз Z.Z.W. В нее вернулись некоторые евреи из партизанских отрядов.

Организация Ż.Z.W. в том виде и в том составе, которая сражалась в Варшавском гетто, была создана в октябре 1939 года, организационно она была оформлена на встрече в инфекционном стационаре им. Св. Станислава в одном из районов Варшавы Воля. Эта организация изначально входила в Wojskowy Zwibzek Walki Zbrojnej (W.Z.W.Z, Военный альянс за вооруженные силы). Эти объединения за короткое время прошли серьезную реорганизацию. В итоге возникла подпольная организация Zbrojne Wyzwolenie Ż.Z.W, Вооруженное освобождение), а впоследствии КБ, Корпус безопасности. Именно в Корпусе безопасности группа еврейских офицеров сформировала Ż.Z.W. Свое название «Еврейский воинский союз» организация получила в 1942 году. Основателями этого Союза были офицеры Павел Френкель, Давид Вдовиньский, Мечислав Эттингер, Иосиф Цельмайстер и др.

По другим данным основателями этой организации стали Давид Апфельбаум, Кальман Мендельсон, Генрик Липшиц-Липинский и Шимон Биалоскора. Руководитель Корпуса безопасности Генрик Иваньский снабдил эту группу оружием и документами. Возникшая организация ставила своей целью борьбу с нацистами. Благодаря связям с бывшими военными друзьями, были созданы две боевые группы: одна под командованием Тадеуша Боднарчука – в

районе Уродмечья, вторая под командованием Здислава Носаржевского в районе Воля. В эту группу вошли врачи и персонал инфекционного стационара им. Святого Станислава.

Давид Апфельбаум, и доктор Ниемирский установили контакт с группой Носаржевского. В 1940 году Ż.Z.W насчитывала уже 4 группы (4 взвода) и стала автономной организацией сопротивления евреев в рамках польского подполья, подчинявшегося генералу Сикорскому.

Командование группами осуществляли: [Давид] Мечислав Апфельбаум, Генрих Липшиц-Липинский, Леон Родал и Шимон Биалоскора.

По словам Мендельсона, к маю 1940 года Леон Родал, активный ревизионист, стал одним из ключевых членов группы, осуществлявшим связь со старшим офицером Бейтара в Варшаве Перецом Ласкером.

Летом 1942 года у Ż.Z.W было 320 вооруженных бойцов, которые регулярно учились. Во время «Большой акции» они скрывались в бункерах, поэтому число жертв среди них было не велико – порядка 15 человек. В июле 1942 года состоялось собрание общественности гетто, на котором присутствовали Черняков со своим заместителем Лихтенбаумом. На этом собрании с докладами выступали Апфельбаум и Иваньский. Их предложения, касавшиеся организованного вооруженного сопротивления нацистам, были отвергнуты. Не получив поддержку общественности гетто, Ż.Z.W. не решилось выступить против немцев в одиночестве, опасаясь, что позже именно их обвинят в многочисленных жертвах среди мирного населения. Впрочем, по воспоминаниям Иваньского, уже в самом начале «Большой акции», организация оказалась отрезанной от своих складов оружия и в любом случае не смогла бы ничего сделать. По воспоминаниям Генрика Иваньского Корпус безопасности Армии Крайовой передал гетто 3 пулемёта «PKM», 100 пистолетов, 7 винтовок, 15 автоматов и около 750 гранат. Уже после начала восстания К.Б. поставил ещё 4 пулемёта «PKM», пулемёт «ЛKM», 15 автоматов «ФM», 50 пистолетов, 300 гранат. Кроме того, Генрик Иваньский передавал Ż.Z.W. оружие и в 1941 году и в первой половине 1942 года. Ż.Z.W. также получал оружие и от группы Армии Крайовой под командованием генерала Родницкого и от другой группы А.К. под командованием капитана Цезария, а также от независимой организации PLAN (Польская народная организация за независимость). По воспоминаниям Рышарда Валевского покупалось оружие и у частных лиц; например, перед самым восстанием у одного бывшего капитана польской армии было куплено оружия на треть миллиона злотых, в том числе, 2 пулемёта и большое количество гранат. В двух подпольных мастерских Ż.Z.W., в самом гетто, делались самодельные гранаты. По-видимому, отряды Ż.Z.W. были вооружены ненамного хуже остальных частей А.К. Одних только пулемётов, было никак не меньше 10, в том числе один тяжёлый. В двух подпольных мастерских Союза в гетто изготавливались самодельные гранаты и «коктейли Молотова». Для связи с «Корпусом безопасности» использовались как опознавательные знаки одинаковые кольца с камнем красного цвета с гравировкой еврейских символов. Одно такое кольцо было у Иваньского, второе - у представителя Ż.Z.W.

Организационно Союз состоял из 2-х рот общей численностью чуть меньше 300 человек. Но уже в 1943 году, по воспоминаниям капитана Зайдлера, численность Союза возросла до 1500 человек. Это объяснялось тем, что Ż.Z.W., **в отличие от Ż.O.B, принимал в свои ряды всех желающих независимо от партийной принадлежности.** Так, например, к Ż.Z.W. присоединилась организация брацлавских хасидов и лево-социалистическая группа Рышарда Валевского.

С момента своего создания Союз поставил перед собой следующие задачи:

- обучение добровольцев, не имеющих военный опыт, владению оружием;
- строительство бункеров и туннелей;
- приобретение оружия;
- установление связи с Армией Крайовой и другими антифашистскими организациями в Польше.

Ż.Z.W. была хорошо организованной структурой:

- Политический председатель – Давид Вдовиньский;
- Военный отдел – Давид-Мордехай Апфельбаум (в 1039 г. – поручик, в 1942 г.- капитан Войска Польского) и Павел Френкель;
- Отдел спасений. Для транспортировки детей из гетто – Кальман Мендельсон (строитель) - Отдел технологии, транспорта и поставок – Ханох Федербуш (создал два туннеля под стенами гетто);
- Отдел связей (в основном с Армией Крайовой) - Давид-Мордехай Апфельбаум;
- Медицинский отдел – доктор Иосиф Цельмайстер;
- Организационный отдел – Павел Френкель;
- Отдел поставок – Леон Вайншток;
- Отдел информации – Леон Родаль;
- Юридический отдел – Давид Шульман;
- Финансовый отдел – без директора.

Армия Крайова присылала в гетто оружие и инструкторов для подготовки боевиков.... Z.Z.W к самому восстанию выпустила свою газету "Моритури те салютант, Иудеа!" (т.е. "Идущие на смерть тебя приветствуют, Иудея!"). Работа штаба полностью соответствовала армейским нормам: принимались рапорты от боевых групп, пересылались приказы в разные концы гетто. Кроме того, в штабе была пишущая машинка и первоклассный радиоприемник, позволявший получать последние известия со всего мира. Стены комнат были увешаны оружием, сумками с боеприпасами и немецкими мундирами. Z.Z.W располагал 20 пулемётами, в том числе, и тяжёлыми пулеметами.

Павел Френкель

Давид Апфельбаум

Леон Родаль

Давид Вдовиньски /1865-1970/

Бойцы Еврейского воинского союза

Вопреки распространенному мнению об отсутствии сотрудничества Z.Z.W с Еврейской боевой организацией, есть сведения о том, что Z.Z.W передал Еврейской боевой организации 50 пистолетов и некоторое количество гранат. Между этими двумя организациями было достигнуто соглашение о разграничении сфер влияния. Варшава была условно разделена на две зоны. За одну отвечал Z.O.B., за другую Z.Z.W.

На вопрос, кто были первые смельчаки, образовавшие группы сопротивления в Варшавском гетто, Моше Аренс в одном из интервью дал следующий ответ:

- Кем были первые бунтари?

- Молодежь, у которой была смелость, дерзость, видение ситуации. Они верили в то, что смогут организовать, спланированный бунт. Несомненно, что на такое могли пойти только не семейные люди. Им было нечего терять. По сути, в гетто образовались две группы сопротивления: первая была названа польской аббревиатурой "Z.O.B.", что означало "боевая еврейская организация" возглавляемая Мордехаем Анелевичем 23-х лет и вторая группа была названа "Z.Z.W.", что означало "военная еврейская организация" под руководством Павла Френкеля 23-х лет. В ряды "Z.O.B." входили практически все представители существовавших тогда в Польше немногочисленных представителей еврейских организаций, включавших в себя "BUND" – сионистское движение и даже коммунисты. Большинство в Z.Z.W состояло из представителей движения "бейтар". Было еще несколько людей, владевших оружием, решительно настроенных против Германии. Поэтому вопреки расхожей версии, бунт в варшавском гетто был осуществлен не одной, а двумя организациями, что, однако, ничуть не

преуменьшало смелости и беспримерного героизма Мордехая Анелевича и его соратников.

- Можно ли утверждать, что у "бейтар" была одна из главных ролей в варшавском восстании?

- Между 19 и 28 апреля 1943 года на площади Ворановского, под предводительством Павла Френкеля, состоялось одно из самых ожесточенных сражений восстания. Под конец дня Френкелю удалось оттеснить немцев, а "бейтаровцы" в этот момент уже устанавливали на крышах самых высоких домов района еврейско-польские флаги. В конце концов, немцы окончательно отчаялись. В этот момент Гиммлер позвонил Юргену Штроопу и приказал ему избавиться от гетто, и главное, немедленно снять с крыш домов флаги. Восстание продолжалось два дня. Немцы, конечно же, были лучше вооружены и, в конце концов, одержали победу. Бунт был подавлен. К сожалению, ни один мемориал, или памятник в Польше не был установлен в память о днях того героического восстания в варшавском гетто. Вот уже долгое время я постоянно муссирую в польских властях идею установления мемориала, посвященного этому восстанию на площади Ворановского, на которой была построена современная гостиница.

- Из скольких людей состояла группа боевиков Френкеля?

- Две организации насчитывали в своих рядах около 300 человек. То, что определяло количество людей, было число оружия, которым обладала каждая организация. Самым популярным видом оружия был пистолет, с которым восставшим приходилось противостоять немецким автоматам, пулеметам, легкой артиллерии, зенитной артиллерии и мини-танкам немецкого производства.

- Как вы можете объяснить факт отсутствия координации действий между двумя организациями?

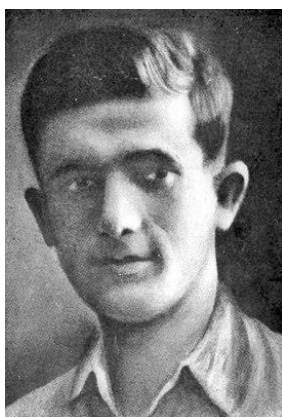
- "Z.O.B." в основном состояла из организаций левого толка, придерживающихся социал-марксистской идеологии. Противоречие было в том, что в "Z.O.B." входил BUND состоявший из противников сионистского движения социалистического толка. По сути члены BUND примкнули к Z.O.B. слишком поздно. И потом BUND хотел присоединиться не к еврейским бойцам, а к польским социалистам. Вышесказанное, наглядное доказательство тому, что между восставшими варшавского гетто существовали устаревшие идеологические разногласия, даже после невиданной по своему масштабу волны депортаций. Все антиссионистские группировки пришли к выводу, что "бейтар" был целиком про-фашистской организацией, а ее члены состояли в прошлом в рядах дивизии Жаботинского и других социал-сионистов. По сути уже изначально "бейтар" был отвергнут движениями сопротивления. За неделю до начала восстания, когда подавляющее число заключенных уже было отправлено в Треблинку, встал вопрос об объединении сил. Но, как я уже говорил, Z.O.B. был категорически не согласен объединяться с Движением, считавшимся профашистским. Ввиду того, что у Френкеля и его людей было количественно больше оружия, Мордехай Анелевич предложил им присоединиться не в качестве группы, а как разрозненные боевики. По причине того, что люди Френкеля обладали военными навыками на много лучшими, чем у ZOB они согласились на предложение. В контексте данной ситуации идеологический спор между двумя группами сопротивления выглядел несколько странным, ибо немцы не различали между ними никакой существенной разницы. Было просто удивительно наблюдать, как каждый из бойцов с патриотизмом отстаивал идеологию своей организации. После войны, когда были опубликованы списки погибших этого восстания, под каждой фамилией стояло упоминание о той политической группе, к которой он относился.

Хочу обратить внимание читателей на два высказывания, приведенные в интервью Моше Аренса:

- Все антисиионистские группировки пришли к выводу, что "бейтар" (читай Z.Z.W- примеч. автора) был целиком **профашистской организацией**;
-- Между 19 и 28 апреля 1943 года на площади Ворановского, под предводительством Павла Френкеля, состоялось одно из самых ожесточенных сражений восстания. Под конец дня Френкелю удалось оттеснить немцев, а "бейтаровцы" в этот момент уже устанавливали на крышах самых высоких домов района еврейско-польские флаги.

Что следует из этих высказываний?

1. В гетто образовались две группы сопротивления **Z.O.B.** или «Боевая еврейская организация», возглавлявшаяся 23-х летним Мордехаем Анелевичем, и **Z.Z.W** или «Еврейский воинский союз», возглавлявшийся Павлом Френкелем. Имени Давида Апфельбаума Моше Арэнс даже не упоминает.
2. Идеологический спор между этими двумя группами сопротивления не позволил создать единое Движение сопротивления, что пагубно сказалось на самом восстании.

Мордехай Анелевич Мордехай Анелевич и его подруга Мира Ф Ухер
Работа худ. Shimon Garmize.

По воспоминаниям Генрика Иваньского Корпус безопасности Армии Крайовой передал гетто 3 пулемёта «РКМ», 100 пистолетов, 7 винтовок, 15 автоматов и около 750 гранат. Уже после начала восстания К.Б. поставил ещё 4 пулемёта «РКМ», пулемёт «ЛКМ», 15 автоматов «ФМ», 50 пистолетов, 300 гранат. Кроме того, Генрик Иваньский передавал Z.Z.W. оружие и в 1941 году и в первой половине 1942 года. Z.Z.W. также получал оружие и от группы Армии Крайовой под командованием генерала Родницкого, и от другой группы А.К. под командованием капитана Цезария, а также от независимой организации PLAN (Польская народная организация за независимость). По воспоминаниям Рышарда Валевского покупалось оружие и у частных лиц; например, перед самым восстанием у одного бывшего капитана польской армии было куплено оружия на треть миллиона злотых, в том числе, 2 пулемёта и большое количество гранат. В двух подпольных мастерских Z.Z.W., в самом гетто, делались самодельные гранаты. По-видимому, отряды Z.Z.W. были вооружены ненамного хуже остальных частей А.К. Одних только пулемётов, было никак не меньше 10, в том числе один тяжёлый. В двух подпольных мастерских Z.Z.W. в гетто изготавливались самодельные гранаты и «коктейли Молотова».

Для связи с «Корпусом безопасности» использовались как опознавательные знаки одинаковые кольца с камнем красного цвета с гравировкой еврейских символов. Одно такое кольцо было у Иваньского, второе - у представителя Z.Z.W.

Свое название «Еврейский воинский союз» организация получила в 1942 году. Основателями этого Союза были **офицеры Павел Френкель, Давид Вдовинский, Мечислав Эттингер, Иосиф Цельмайстер** и др.

Организационно Союз состоял из 2-х рот общей численностью чуть меньше 300 человек. Но уже в 1943 году, по воспоминаниям капитана Зайдлера, численность Союза возросла до 1500 человек. Это объяснялось тем, что Z.Z.W., **в отличие от Z.O.B., принимал в свои ряды всех желающих, независимо от партийной принадлежности.** Так, например, к Z.Z.W. присоединилась организация брацлавских хасидов и лево-социалистическая группа Рышарда Валевского.

Израэль Гутман на суде над Адольфом Эйхманом в 1961 году

Глава 5. Восстание.

Польский историк Бен Марк:

«Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежала печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей Варшавского гетто, который разгорелся на могиле их близких, без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу»

И еще:

«Восстание в Варшавском гетто, бесспорно, является одной из самых героических и прекрасных страниц в великой борьбе человечества с фашизмом. Трагический конец этого обреченного восстания лишь подчеркивает это величие».

*«На улицах Ниска, Мила и Муранов
Из стволов наших винтовок
Это наша весна! Это контратака!
И вино сражений кружит наши головы.
Это наши партизанские леса -
Переулки Дажика и Островского»*

Писал поэт Варшавского гетто Владислав Шлангель – боец Z.Z.W. Эти стихи декламировались в гетто.

(Перевод с польского)

В канун восстания в варшавском гетто часть еврейского населения искренне верило в то, что евреев вывозят из гетто в связи с нехваткой рабочей силы в Германии. Были и такие, которые зная или догадываясь о возможном восстании, предупреждали о катастрофических последствиях восстания для населения гетто.

Фишл Фридман, представитель религиозной партии Агудас Исроэл в Еврейском Товариществе Опеки в Варшавском гетто выступая, на собрании еврейских лидеров гетто после самоубийства руководителя Юденрата гетто Адама Чернякова говорил:

«Друзья мои! Я верую в Бога, и я верю в чудеса! Бог не допустит уничтожения народа Израиля! Мы обязаны ждать и чудо случится! Воевать с немцами – бессмысленно. Если мы восстанем, то немцы уничтожат всех нас, как они это сделали в Люблине. Нынешнее положение может продолжаться еще долго. Друзья мои, кто ждет союзников, пускай не теряет надежды. Или вы уже не верите, что союзники принесут вам освобождение? Тот, кто верит в революцию, в СССР, в конец капитализма, пускай ждет Красную Армию, несущую освобождение! Пускай верят в Красную Армию. Друзья мои, стойкость и вера принесут нам свободу!»

Но молодежь - члены вооруженных формирований **Z.Z.Wa** и **Z.O.B.a** не разделяли эти взгляды. Они ждали своего часа.

Они были преисполнены решимости дать отпор фашистам, преследовавшим цель полного уничтожения еврейского населения гетто. До марта 1943 года никакие вооруженные выступления организацией не предпринимались, если не считать одиночные акции в отношении еврейской полиции и нескольких чиновников Юденрата, издевавшихся над чернорабочими. Когда во время одной из таких акций были арестованы три бойца организации Z.O.B, группа бойцов во главе с Г. Фрайздорфом, разоружила немецких охранников и освободила заключенных. Окрыленный успехом, Z.O.B. наметил на 22 января карательную операцию против еврейской полиции. Но 18 января 1943 года гетто было окружено, и вновь началась очередная «ликвидация». На сей раз немцы уже не смогли осуществить свои планы. Четыре боевые группы Z.O.B. забаррикадировались, и впервые в гетто, оказали вооруженное сопротивление.

Настоящее сражение, в котором участвовал Z.O.B, произошло на углу улиц Мила и Заменгоф. В этом бою погибло много бойцов Z.O.B.а. Командовал бойцами Z.O.B.а Мордехай Анелевич, который вышел из боя живым. Руководство Z.O.B. проанализировав результаты этого сражения, поняло, что эти потери были вызваны недостаточной подготовленностью ведения уличного боя и нехваткой вооружения. Поэтому было принято решение перейти к партизанской войне. Произошли четыре серьезных стычки, в жилых домах № 40 на улице Заменхоф № 44 на улице Мурановская № 34 на улице Мила и № 22 на улице Францисканская. В районе фабрики Шульца эсэсовцы, принимавшие участие в акции по депортации, были атакованы боевиками. И здесь не обошлось без потерь. А. Файнер, принимавший участие в этом бою, погиб. Немцами была захвачена группа бойцов, отправленная на Умшлагплац для того, чтобы сорвать депортацию. Они были расстреляны вместе с теми, кого планировалось депортировать. И те, и другие, отклонили требования немцев подняться на грузовик. На январскую акцию немцы ответили санкциями. Гестаповцы захватили и казнили сто заложников, среди которых были писатель и публицист Гилель Цейтлин, профессор Мейер Балабан, раввин Исаак Тененбаум, деятель подпольной культурной организации Юзеф Гитерман и другие видные представители еврейской интеллигенции.

Начавшееся сопротивление оказало огромное влияние как на узников гетто, так и на жителей арийской стороны Варшавы. Впервые за все время планы немцев по депортации сорвались. Массовая депортация евреев с января по апрель 1943 года была фашистами приостановлена. Впервые узники гетто поняли, что существуют силы сопротивления, и что можно как-то противостоять планам нацистов. Появились и получили распространение слухи об огромной мощи Z.O.B.а и тысячах уничтоженных немцев. Z.O.B. в конце января получил от Армии Крайовой 50 крупнокалиберных пистолетов и 50 ручных гранат. Была произведена реорганизация Z.O.B.а. Все боевые группы были распределены по четырем главным участкам гетто. Однако, 50 «шестерок» оказались разбросанными по всему гетто, далеко друг от друга и без общего плана действий. В начале февраля 1943 года немцы привезли в гетто двенадцать евреев из Люблинского концлагеря, чтобы убедить жителей гетто добровольно поехать на работу «в превосходных условиях». На следующую ночь боевики Z.O.B.а вынудили двенадцать евреев немедленно покинуть гетто.

9 января 1943 года в Варшаву с инспекционной поездкой прибыл Генрих Гиммлер. После посещения предприятий, принадлежавших немцам, Гиммлер провел совещание, на котором присутствовали начальник личного штаба рейхсфюрера СС обергруппенфюрер Вольф, руководитель СС и полиции безопасности Варшавы штандартенфюрер Заммерн фон Франкенег, руководитель варшавского подразделения министерства вооружения Фретер. Гиммлер выразил возмущение тем, что гетто не превращено в трудовой лагерь, население которого работает на оборону. По мнению Гиммлера фабрики одежды, столярных и кожаных изделий нельзя считать оборонными предприятиями, к тому же они управляются не владельцами этих фабрик, а еврейскими мастерами. Охраняться эти фабрики должны не еврейскими охранниками, а эсэсовцами. Гиммлер выявил и другие нарушения предписаний, установленных его ведомством. Завершая совещание, Гиммлер распорядился к 14 февраля ликвидировать гетто, перенести предприятия вместе с рабочими в эсэсовский трудовой лагерь под Люблином; владельцев предприятий направить на восточный фронт. Полиции было дано указание 14 февраля депортировать 8 тысяч евреев.

Выполнить это указание оказалось не просто. Люди, прослышав о депортации, разбежались и прятались. И, хотя полицейские хватили на улицах людей, врывались в дома в поисках людей, указание о депортации 8 тысяч евреев не было выполнено. 14 февраля удалось отправить эшелон только с 3 тысячами узников гетто.

Немцы пошли на еще одну хитрость. Они назначили владельца самой большой фабрики гетто "W.C. Tobbens", где шили немецкую униформу ответственным по депортации, чтобы создать впечатление, будто «эвакуация в Травники и Понятов» связана с острой нуждой в рабочих руках на германских предприятиях. Понимая необходимость выполнения указаний Гиммлера, Тоббенс, избежавший отправки на фронт, встретился с рабочими фабрик и попытался убедить их в том, что перевод фабрик в Травники – это спасение остатков гетто и возможность пережить войну. Он возвращает в гетто нескольких рабочих, сопровождавших оборудование фабрики в Травники, чтобы они засвидетельствовали готовность в Травниках цехов и жилья для рабочих. 16 февраля первый эшелон с несколькими сотнями рабочих отправляется в Травники, 23 февраля другой эшелон – в Понятов. Однако для возобновления работы фабрик на новых местах нужны тысячи рабочих. Большинство рабочих не верят Тоббенсу и его посланцам.

Z.O.B. распространил в гетто листовки с призывом не верить обещаниям Тоббенса, прятаться в пустующих домах гетто и сопротивляться депортации.

Тоббенс предпринял ответные меры пропаганды, публикуя следующее воззвание:

«Евреи, рабочие! Не верьте тем, кто вводит вас в заблуждение и подстрекает оказывать сопротивление, это неизбежно повлечет за собой репрессии. Убежища не гарантируют безопасности, и жить в них невозможно. Никого не спасет и пребывание на арийской стороне. Неопределенность положения и вынужденное безделье подорвут силы и сломят дух рабочих, привыкших трудиться. Я вас спрашиваю: почему ко мне приходят богатые евреи с арийской стороны с просьбой взять их на работу? У них достаточно денег, чтобы жить на арийской стороне, но они не в силах вынести тяготы такой жизни. Искренне советую вам: поезжайте в Травники, поезжайте в Понятов, там можно жить. Там вы пробудете до конца войны. Еврейская боевая организация вам не поможет. Ее обещания лживы. Вам за большие деньги предлагают

убежище, а затем выгонят на улицу и предоставят самим себе. Вы уже научены горьким опытом и знакомы с таким обманом. Верьте только руководителям немецких предприятий, которые хотят с вашей помощью наладить производство в Понятове и Травниках. Возьмите с собой жен и детей, мы и о них позаботимся...»

В ходе подготовки фабрик к эвакуации Z.O.B. провел еще одну акцию сопротивления. Были подожжены эти предприятия и склад с имуществом депортированных узников гетто. Немцы предприняли контрмеры.

После январских событий руководители Z.O.B. пришли к однозначному выводу о необходимости вооружиться. Голыми руками невозможно сопротивляться. Был создан фонд для закупки оружия и боеприпасов. До апреля 1943 года фонд собрал около 10 миллионов злотых, которые были переправлены за пределы гетто для закупки оружия и взрывчатки. Оружие доставлялось на территорию гетто под видом обычной контрабанды. Подкупленные польские полицейские не препятствовали тому, что через забор гетто в определенных местах перебрасывали пакеты со взрывчаткой и бидоны с бензином. Из взрывчатки и бензина изготавливались «коктейли Молотова».

За несколько дней до восстания от внедренных в Юденрат повстанцев подпольщикам стало известно, что немцы готовят очередную массовую депортацию и, по всей видимости, гетто будет полностью уничтожено. Теперь отступать было некуда, и подпольщики решили поднять восстание. Все понимали, что никаких шансов на победу нет. Как известно, большая часть населения гетто не участвовала в восстании. Можно предположить, что ими двигало понимание того, что в условиях отсутствия оружия и военного опыта, противостояние повстанцев хорошо вооруженным и превосходящим по численности военным формированием нацистов обречено на поражение. Еще одной причиной неприятия населением призыва молодежных организаций подняться на борьбу с нацистами явилось боязнь за судьбу своих семей. К тому же еще теплилась надежда на то, что их отправляют не в концлагерь, а в трудовые лагеря.

Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на стремление молодежных организаций поднять все население гетто на борьбу с нацистами, в целом молодежное подполье действовало в одиночестве.

Накануне восстания прошла встреча представителей Z.O.B.а с представителями Z.Z.W. Представители Z.O.B.а стали сначала уговаривать, а потом и требовать создание единого командования и подчинения боевых групп Z.Z.W, единому командованию. Спор был таким горячим, что дошло до драки. Но, в конце концов, все успокоились и договорились о том, что каждая организация возьмёт себе определённую зону обороны.

!8 апреля 1943 года за день до наступления еврейской Пасхи Юденрат получил распоряжение о введении в гетто комендантского часа в ночное время, и о предстоящей депортации всего гетто днем 19 апреля. К этому времени в гетто оставалось чуть больше 50 тысяч евреев, Один человек из администрации гетто, обманув бдительность полицейских, сумел сбежать и передать эту информацию в Z.Z.W Павлу Френкелю. Почему эта информация попала к Френкелю? Коренной варшавянин, Павел Френкель смог установить тесные связи с польским подпольем, чьи люди были внедрены в Юденрат.

Павел Френкель немедленно передал это сообщение руководителю Z.O.B.а Мордехаю Анелевичу. Это была чрезвычайно важная информация, поскольку депортация всего гетто означала уничтожение оставшегося в гетто населения. Нельзя было медлить.

С этого момента начинается вооруженное сопротивление Z.O.B.

Бои в зоне, которую контролировал Z.O.B.

Немцы знали о готовящемся восстании, поэтому к подавлению. Восстания были привлечены отборные части СС. Операция по ликвидации Варшавского гетто началась в три часа ночи 19 апреля 1943 года. Есть предположение, что дата начала операции была приурочена к дню рождения Гитлера (20 апреля). Общее руководство операцией осуществлял бригаденфюрер, генерал-лейтенант СС Юрген Штрооп, который имел большой опыт борьбы с антифашистским подпольем в Германии и с национально-освободительными движениями в оккупированной немцами Европе.

Первая вооруженная акция Z.O.B.а в этот день началась в 5 утра на Умшагплаце освобождением нескольких сот рабочих, направлявшихся под охраной не на работу, как обычно, а на железнодорожный вокзал для депортации. В гетто ожидали нападения и подготовились к нему. Командованию Z.Z.W (Еврейского военного союза) и ZOB (Еврейской боевой организации) стало известно о предстоящей немецкой акции еще накануне вечером. В половине третьего ночи разведчики сообщили о подходе к гетто крупных сил врага. В боевые группы был разослан сигнал боевой тревоги «Ян-Варшава». Боевики получали боеприпасы, продовольствие и цианистый калий — для самоубийства в случае необходимости. На одеялах уносили бутылки с горючей смесью. В четыре часа утра все боевые группы организации находились на своих позициях.

В пятнадцати местах были заложены мины, на улицах и в подворотнях высились баррикады из опрокинутых повозок и мебели, окна закладывали подушками и мешками с песком. В некоторых домах были заранее разрушены лестничные марши и припасены стремянки, в ряде зданий — замурованы входы. Патрули боевых организаций непрерывно следили за передвижениями неприятеля. Улицы опустели: предупрежденное население попряталось в укромных местах. Воззвания на стенах домов призывали «К оружию!», «Погибнуть с честью!». На видных местах, так, чтобы можно было прочесть с польской части Варшавы, появились большие плакаты: «За нашу и вашу свободу!», «Мы сражаемся за Польшу!», «Поляки, помогите нам!».

В это время в центральном гетто нацистами началась операция по подавлению восстания. В операции при поддержке артиллерии и бронетехники участвовало более 2000 человек личного состава (сотрудники СД, 35 гестаповцев, 367 полицейских, военнослужащие вермахта и подразделения СС, батальон СС, состоявший из 337 украинских и латышских националистов). В распоряжении нацистов имелось 82 пулемёта и служебные собаки. Впереди колонн шли польские полицейские.

Вооруженные бойцы Z.O.B.а, получив в 2.15 ночи информацию от передовых постов наблюдения о приближении немцев, стали занимать отведенные им позиции. Пожилых людей и детей разместили в бункерах, чердаках и подвалах. К этому времени у Z.O.B.а не было ни одного туннеля. В отличие от Z.O.B.а Z.Z.W в отведенной ему зоне успел соорудить и бункеры, и туннели. Незадолго до начала восстания ZOB направил в Лондон следующее послание:

” Еврейская боевая организация призывает еврейское население оказать сопротивление немцам: да свершится то, чему свершиться суждено. Ничто не заставит нас изменить решение. Приняв его, мы почувствовали себя словно обновленными. Мы убедились, как прочно мы связаны между собой. Мы открыли новую страницу нашего бытия, которое может оборваться в любую минуту. Мы извещаем вас об этом, ибо знаем, что вас интересует наша судьба. Будьте уверены, что мы сумеем дорого продать свою жизнь”.

В самом гетто Z.O.B. опубликовал листовку с призывом к сопротивлению:

«Евреи! Оккупанты начали второй акт уничтожения. Не идите на смерть без сопротивления! Спротивляйтесь! Берите в руки топор, лом, нож, запирайте дома!

Пусть берут вас силой! В борьбе у вас есть еще возможность уцелеть. Боритесь!»

В ночь с 18-го на 19 апреля **Z.O.B.** сняла часовых еврейской полиции, которые стояли у ворот внутри гетто. Когда на рассвете к воротам подошли немцы, чтобы конвоировать рабочих, они не смогли войти в гетто — евреи заперли ворота гетто. Целый день в гетто царила мертвая тишина. Боевое руководство использовало это затишье для последних приготовлений. Штаб боевой организации поместился в подвале на улице Налевки. Была проверена боевая готовность подразделений.

Территория гетто, контролируемая **Z.O.B.**ом, была разделена на три оборонительные зоны: участок щеточной фабрики, центральное гетто и окраинная часть гетто. Командиром участка щеточной фабрики был назначен Марк Эдельман, Командование центральным гетто принял Израиль Канал, обороной окраинной части командовал Элиазар Геллер.

Каждая улица получила свой арсенал оружия. Больных, слабых и детей разместили в подвалах и бункерах. Была организована сеть связистов — внутренних и внешних — для сообщения с подпольной Польшей. Каждая улица имела свои пункты скорой помощи и свою общественную кухню, в которой работали женщины. Из подростков были составлены отряды разведчиков. Пожарные команды держались в постоянной боевой готовности. Предателей и гестаповских агентов уничтожали. Часть полицейских заявила о своей готовности действовать до конца совместно с боевой организацией.

По воспоминаниям повстанцев из **ZOB.a**:

«850 эсэсовцев и 16 офицеров в сопровождение танка и двух броневиков вошли на территорию гетто двумя колоннами с песней строем, как на параде. Между двумя колоннами ехал танк. Когда колонны вошли на улицу Милой, их встретил шквальный огонь с крыш домов».

Стреляли и на улицах Заменгофа и Мурановской. Первую гранату бросила Эмилия Ландау, погибшая вскоре в завязавшейся схватке. Это в бой вступила группа Ицхака Цукермана. Немцы этого не ожидали и стали метаться, пытаясь укрыться во дворах. Однако все входы во дворы были предусмотрительно забаррикадированы.

На улицах Налевки и Заменгоф бойцы **ZOB.a** во главе с Анелевичем и Артштейном, вооруженные лишь пистолетами, гранатами, «коктейлями Молотова» и брикетами взрывчатки, вступили в сражение с превосходящими силами нацистов. Им удалось подбить один танк и броневик, причем танк был подбит дважды. Было уничтожено несколько десятков немцев. (По данным группенфюрера СС Юргена Штроопа, командовавшего немецкими силами, было убито и ранено 12 немецких солдат). Бой продолжался 40 минут, после чего немцы отступили. Вот как описывает это отступление Ицхак Цукерман:

«Немцы попытались отступить, но путь к отступлению был отрезан. Улицы были завалены немецкими трупами. Оставшиеся пытались укрыться в соседних магазинах и парадных домов, но и эти укрытия не помогли. Две разогнанные отборные роты СС вызвали танки и под их прикрытием вынуждены были начать «победное» отступление. Но даже танки несли потери. Первый был сожжен одной из наших бутылок с зажигательной смесью, остальные предпочли не приближаться к нашим позициям. Судьба немцев, оказавшихся в уличной ловушке, была решена. Ни один не ушел живым. Среди групп, принявших там первый бой, были группы под командованием Грузалка (Бунд), Мердека (ха-шомер), Хохберга (Бунд), Берека (Дрор), Павела (PPR)»

«Одновременно, - продолжает Цукерман, - бой шел на пересечении улиц Налевки и Гесиа. Две боевые группы караулили вход в гетто на случай прибытия подкреплений. Бой продолжался больше семи часов. Немцы прятались за матрацы, но повстанцы поджигали их. Немецкие санитарные машины непрерывно отвозили раненых на маленькую площадь около Юденрата и высаживали на тротуаре, где раненые ожидали очереди на операцию. На углу улицы Гесия наблюдатели немецких ВВС передавали для бомбежки координаты позиций повстанцев. Но укротить наших боевиков было невозможно - ни с воздуха, ни с земли. Сражение закончилось изгнанием немцев с улиц Гесия-Талевки».

А вот как об этом вспоминает Штрооп:

«Первые пять минут операции – всё спокойно. Евреи подпустили наших поближе. Когда эсэсовцы вошли на узкие улицы, а фон Заммерну всё это показалось весенней прогулкой по гетто, они попали под сильный огонь, организованный и точный. После такой встречи среди наших поднялась суматоха. А офицеры фон Заммерна всё-таки гонят колонны вперед как сумасшедшие! Вы представляете, они атаковали большими отрядами, и это практически в сомкнутых колоннах! Начался ад. Взорвалась мина и ранила нескольких наших людей. Евреи и «арийцы» активно и организовано сопротивлялись, а точнее атаковали! Я говорю, что это были евреи и поляки, потому что мы установили, что там были и польские «franc-tireurs». Этот идиот, фон Заммерн Франкенэг вывел на узкие густо застроенные улочки гетто ещё и танк, который выделили Ваффен СС из трофеев на французском фронте, и два эсэсовских броневика. Еврейские повстанцы (Штрооп в первый раз использовал это определение) обстреляли танк и забросали его бутылками с «коктейлем Молотова В течение получаса отряды фон Заммерна были разбиты и деморализованы» ... –. Танк горел два раза и потерял ход.

То же самое произошло с одним броневиком. У фон Заммерна было ранено двенадцать человек: шестеро панцер-гренадёров СС и кавалеристов, и шестеро вахмистров вспомогательного батальона из Травников».

2-й день сражения.

20 апреля губернатор Фишер был вынужден отменить торжества по случаю дня рождения Гитлера. Арийский район Варшавы был отделен от гетто сильным военным кордоном. В нем прошли массовые обыски и аресты. Власти очень опасались, что восстание может распространиться и на арийский район, боялись, что подпольщики Армии Крайовой примкнут к вооруженной борьбе евреев.

В 7.30 утра перед Штроопом, находившимся ещё в ванной, появился совершенно растерянный Заммерн. Всё пропало, сказал он, немцы выброшены из гетто, неизвестно даже число убитых и раненых, нужно просить из Кракова тяжёлую авиацию. Принявший командование войсками СС Штрооп вдвое увеличил численность войск, предназначавшихся для подавления восстания, снабдив их новой бронетехникой, гаубицей и несколькими зенитными орудиями. Взломав ворота, нацисты осторожно вошли в гетто. Штрооп, появившись с адъютантом Калеске в гетто, было уселся под деревом возле Юденрата и развернул карту, но был обстрелян повстанцами и предпочел перебраться со своим штабом на улицу Желязную, за пределы гетто. Штрооп решил пока отказаться от облавы и, не распыляя сил, рассеять гетто рядом мощных ударов. Теперь немцы осторожно пробирались вдоль стен под прикрытием огня тяжелых пулеметов, танков, артиллерии и огнеметов, сооружая баррикады и стремясь обойти повстанцев с флангов, ударить им в тыл. На этот раз бронетехника располагалась во второй линии нападения. В первые минуты немцы не встретили сопротивления. Повстанцы пропустили танки вглубь территории гетто и открыли огонь по пехоте. Танки, вклинившиеся вглубь гетто, были заброшены «коктейлями Молотова». Танки

были повреждены. Из горящих танков выскакивали их экипажи, пытались спастись. Экипажи всех танков были уничтожены. Это был второй успех повстанцев.

Длительное время огонь повстанцев не позволял нацистам снова вступить на улицы Милую, Заменгофа, Мурановскую и Налевки. Однако боеприпасы повстанцев стали иссякать, и материальный перевес гитлеровцев становился все чувствительнее. Боевики ZOB переходили по чердакам и крышам на новые позиции, но противник напирал, заставлял покидать верхние этажи и уходить под землю. К полудню войска Штроопа овладели позициями повстанцев на улице Заменгофа, во второй половине дня после шестичасового боя повстанцы, потерявшие одного из своих командиров — Генека Зильберберга, покинули угол улиц Налевки и Генсей.

Вновь прибегну к свидетельству генерала Штроопа.

«Мы выступили. Снова первые несколько минут всё было спокойно. Неожиданно сразу из нескольких домов противник открыл огонь из винтовок, автоматов и, кажется, из гранатомётов. Я приказал приостановить наступление и подтянуть артиллерию. В нашем распоряжении была одна гаубица «десятка» и три зенитных орудия адской ударной силы. С их помощью я разрушил несколько домов, которые в этот день были главными очагами сопротивления евреев. Очень пригодилась и помощь наших пулемётов. Мы вынудили еврейских боевиков отойти с крыш и верхних этажей укрепленных и забаррикадированных зданий. По подвалам и канализационным каналам они перешли в другие укрепленные точки сопротивления и в бункеры. Прочесав захваченные здания и дворы, мы захватили всего лишь около двухсот евреев. Остальные от нас ускользнули. Поэтому я направил штурмовые группы к другим ближайшим домам, из которых время от времени стреляли. Я хотел занять обнаруженные бункеры и укрепления, а затем разрушить их. Это удалось лишь частично. Специальные штурмовые группы долго преодолевали сопротивление противника. Мы применяли различные средства, в том числе артиллерию, огнемёты и миномёты. После тяжёлых боёв мы заняли эти очаги сопротивления, но не захватили ни одного члена Еврейской Боевой Организации. Все сумели уйти. Мы нашли поблизости только 400 «гражданских» евреев. Все остальные перешли в канализационные каналы и лабиринты подземных коридоров. Я приказал затопить каналы. Однако это не дало результатов. Может быть, некоторые евреи утонули, но большинство перебралось на другие участки обороны. — Первый день боёв выдался для нас очень тяжёлым. — продолжал свой рассказ группенфюрер СС Юрген Штрооп. — Нам было нужно действовать очень осторожно, но при этом смело и решительно. В этот день для меня было важнее не сломить противника психически, а поднять боевой дух эсэсовцев после вчерашнего поражения. Танк и две бронемашины я расположил за первой линией наступающих и приказал окружить их пехотой СС. И всё-таки в них кинули несколько бутылок с бензином. Те боевики, которые бросали эти «коктейли» должны были быть хорошо тренированными спортсменами, потому что расстояние было значительным, а бутылки разбивались совсем рядом с танком и броневиками. Тогда я приказал атаковать дома, откуда стреляли и бросали бутылки. Я советовал эсэсовцам быть осторожнее и особо не нарываться. Поэтому в этот день стычки продолжались довольно долго. Сапёрам пришлось кое-что поджечь, но пожаров в этот день было мало.

.... Я старался не заходить слишком далеко на территорию гетто. Я хотел (и думаю, мне это удалось) очистить от противника полностью хотя бы маленький участок, который послужил бы плацдармом для наступления на следующий день. В конце дня евреи сами нас уже не атаковали. Иногда возникали беспорядочные перестрелки. Было похоже на то, что ситуация немного успокоится, что для нас и было необходимо. Я убедил солдат и офицеров в том, что мы с лихвой расплатились за наши потери, заняли немного территории, и что завтра наверняка будет гораздо легче. — После того, как захваченных евреев пересчитали и отправили, куда следует, я встретился с подчинёнными мне командирами. Похвалил их за чёткие действия в бою и твёрдость духа, а также за дисциплину в их отрядах. Особенно я отметил майора

Штернхагеля из военной полиции. Он вёл себя великолепно, держался спокойно и отважно. Он подавал пример другим своей храбростью, дисциплиной, и вместе с тем необходимой осторожностью. Via facti он стал моим заместителем и непосредственным помощником. Я также назначил его командовать боевыми действиями на следующий день. Около восьми часов вечера я начал выводить мои части. Стрельба прекратилась. Евреи молчат как немые, будто их и не было в домах, на фабриках и в подземельях гетто. Все силы я вывел из гетто (даже с захваченной территории) и отпустил на квартиры. Но чтобы быть уверенным, что за это время отряды АК и других конспиративных организаций не установят непосредственной связи с евреями, я поменял систему охраны гетто. Вместо 120 латышей, которые уже несколько дней окружали гетто, я расставил на постах у стен и у ворот гетто с «арийской» стороны 250 солдат Ваффен СС и несколько десятков полицейских и военизированных заводских охранников из местных немцев. В случае нападения отрядов польских партизан, я приказал им, вооружённым до зубов, отстреливаться до последнего и даже поджигать соседние «арийские» дома».

Штрооп умалчивает о сгоревших танках и об их погибших экипажах.

На третий день «акции» гитлеровцы уже не рисковали входить в дома и подвалы и посылали туда еврейских полицейских. Если в первый день нацистам удалось схватить для «переселения» 3000 человек, то на второй день — уже вдвое меньше, а на третий — только несколько сот. За три дня гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными 60 человек. Гетто напоминало настоящее поле боя: по улицам разъезжали танки и полевая артиллерия, дымились полевые кухни, солдаты оборудовали огневые точки. На Мурановской площади, где расположился немецкий штаб, стояли столы с разложенными планами, подъезжали и отъезжали связные на мотоциклах и велосипедах.

В последующие дни продолжались вылазки бойцов Z.O.B.a. Тогда нацисты изменили тактику и, начиная с 21 апреля, стали поджигать дома, в которых укрывались повстанцы. Они стали убивать всех, кто попадался им на глаза, в том числе и обожженных с горящей одеждой выскакивавших из горящих зданий людей. Уцелевших евреев немедленно отправляли в концлагеря.

Серьезные потери в этом сражении понесли и бойцы Z.O.B.a. Оставшиеся бойцы во главе с Мордехаем Анелевичем укрылись в бункере под домом на улице Милой 18, где находился штаб Z.O.B.a. Туда же переместились бойцы группы Хирша Берлинского, которые в течение 3-х суток отбивали атаки немцев, пытавшихся взять бункер на ул. Францисканской. В штабной бункер набилось около 300 человек повстанцев и мирных жителей.

Начиная с 23 апреля, немцы перешли к обстрелам гетто из тяжелой артиллерии и бомбардировкам с воздуха, вследствие чего большая его часть оказалась в огне. Евреи, прятавшиеся в домах и на чердаках, были обречены. Теперь в гетто оставалось только три вида укрытий — подвалы, подземные укрытия и канализация. Изменилась и тактика повстанцев. Прятаться на крышах и чердаках более не представлялось возможным, поэтому Анелевич принял решение отсиживаться в укрытиях днем и делать вылазки ночью. Ночные вылазки осуществляли небольшие группы по 5-6 боевиков в каждой группе.

После бомбардировок с воздуха и обстрелов из гаубиц немцы приступили к методичному уничтожению гетто, поджигая дом за домом.

Из донесения генерала Штроопа:

«Сопротивление, оказанное евреями и бандитами, может быть сломлено только неустанным использованием всей нашей силы и энергии днем и ночью. 23 апреля 1943 года рейхс-фюрер СС

издал приказ через Верховного фюрера и полицейского фюрера Восток в Кракове о том, чтобы завершить расчешывание Варшавского гетто с величайшей строгостью и неустанным упорством. Поэтому я решил уничтожить весь еврейский жилой район, поджег каждый блок, в том числе блоки жилых домов вблизи вооружений. Одна проблема за другой была систематически эвакуирована и впоследствии уничтожена пожаром. Затем евреи выходили из своих укрытий и убежищ почти во всех случаях. Нередко евреи оставались в горящих зданиях до тех пор, пока из-за жары и страха быть сожженными заживо, которым они предпочитали, не спрыгнуть с верхних этажей после того, как выбросили матрасы и другие мягкие предметы на улицу из горящих зданий. Со сломанными костями они все еще пытались переползти через улицу в глыбы зданий, которые еще не были подожжены или лишь частично горели. Ночью евреи меняли свои укрытия ночью, перебираясь в руины сгоревших зданий, укрываясь там, пока их не нашли наши патрули. Их пребывание в канализации также перестало быть приятным после первой недели. Часто с улицы мы слышали громкие голоса, проникающие в канализационные шахты. Затем солдаты Ваффен-СС, полиции или инженеров вермахта мужественно спускались по шахтам, чтобы вывести евреев, и нередко они тогда натыкались на уже убитых евреев или в них стреляли. Всегда нужно было использовать дымовые свечи, чтобы изгнать евреев. Таким образом, однажды мы открыли 183 входных отверстия в канализацию и в определенное время спустили в них дымовые свечи, в результате чего бандиты бежали от того, что они считали газом, в центр бывшего гетто, откуда их затем можно было вытащить из канализационных отверстий. Огромное количество евреев, которых нельзя было сосчитать, было истреблено взрывом канализации и блиндажа».

Ситуация для бойцов **Z.O.B.a** осложнялась с каждым часом. У них уже почти не оставалось патронов и продовольствия. Не было связей и с Антеком Цукерманом, посланном еще до восстания на поиски путей выхода из гетто для боевиков Z.O.B.a и мирных жителей. На поиск Цукермана был послан связник восемнадцатилетний Казик Ратайзер.

26 апреля Анелевич отправил на арийскую сторону следующее послание:

“Восьмой день ведем смертельную борьбу. Варшавское гетто, последнее из всех гетто, в ночь на 19 апреля внезапно оказалось окруженным регулярной немецкой армией, начавшей ликвидацию оставшихся евреев. Немцы понесли многочисленные потери. Затем, используя танки, броневики, орудия и даже самолеты, они приступили к планомерной осаде и систематическому поджогу жилых домов. Численность наших потерь, а также жертв расстрелов и пожаров, в которых сгорели мужчины, женщины, дети, огромна. Приближаются наши последние дни. Но пока есть оружие, будем бороться и сопротивляться. Немецкий ультиматум отвергаем, так как враг не знает пощады, а у нас нет выхода. Чувствуя приближение последних дней, требуем от вас: помните, как нас предали. Наступит день расплаты за нашу невинно пролитую кровь. Помогите тем, кто в последний час вырвется из рук врага, чтобы продолжать борьбу”.

8 мая.

Арие Вильнер, Мордехай Анелевич и его подруга Мира Фухтер, понимая безнадежность своего положения, покончили собой, приняв цианид. Их примеру последовали многие бойцы, находившиеся в бункере. Положение их было действительно безнадежным: немцы, найдя бункер, начали его штурм. Обороняться было уже нечем, путей отхода не было. В этот день эсэсовцы захватили штаб-квартиру Z.O.B.

Казiku удалось отыскать растерянного и беспомощного Цукермана. Цукерман не смог выполнить задание и не нашел путь для вывода людей из гетто. Эту роль взял на себя Казик. Выбравшись за пределы гетто через туннель, построенный еще до восстания бойцами Z.Z.W под домом на Мурановской площади, ему удалось с помощью коммунистов найти двух польских инженеров из компании, обслуживавшей канализационную систему. Инженеры согласились за приличную плату показать Казiku путь входа канализационной линии на территорию гетто. Согласие на самом деле выглядело так: где-то на пол пути инженеры отказались идти дальше. Тогда Казик достал бутылку водки, которую он предусмотрительно взял с собой. Это подействовало, но ненадолго. В какой-то момент проводники наотрез отказались идти дальше. Тогда Казик достал пистолет и сказал им: «Либо вы идете со мной дальше, либо останетесь здесь навечно!» Это подействовало. 10 мая Казик смог пробраться в гетто в штабной бункер, и то, что он увидел там, его ужаснуло. 200 трупов, включая трупы руководства организации, покончившие с собой 8 мая.

Цивия Любеткин в своей книге «Восстание в варшавском гетто» пишет:

«Так пало около сотни повстанцев и среди них Мордехай Анелевич, самый лучший, самый мудрый, самый благородный из всех, сохранивший в самые страшные моменты спокойствие и улыбку»

Казик обследовал близлежащие подвалы и разрушенные помещения, нашел около 10 оставшихся живыми людей и повел их к выходу из территории гетто тем путем, который указали Казiku польские инженеры. На пути к выходу он встретил группу Марека Эдельмана численностью в 40 человек, которые пытались самостоятельно выбраться из пылающего гетто. Утром 9 мая Казик вывел их в зону, которую контролировали немцы. Канал выходил на одну из оживленных улиц Варшавы, поэтому днем выводить такую большую группу людей на виду у немцев было опасно. Казик вышел сам, приказав остальным ждать. Тем временем немцы, полагая, что в канализационных каналах могут находиться евреи, стали повышать в них уровень воды. Еще через какое-то время был пущен отравляющий газ, который стал быстро распространяться по всем каналам. Ждать дальше было невозможным, и Казик рискнул провести эвакуацию из канала на глазах у немцев, рассчитывая на эффект внезапности. Заранее к предполагаемому месту выхода повстанцев был заказан грузовик якобы для перевозки мебели. Казик по одному выводил из канала повстанцев, которые запрыгивали в кузов машины. На это обратил внимание польский полицейский. Казик, подойдя к нему, представился как представитель Армии Крайовой и уверил его, что идет операция польского вооруженного подполья. О том, что выводятся евреи из гетто, естественно, он умолчал. Полицейский закрыл на это глаза. Эвакуация людей продолжалась около 40 минут. Когда возле машины стали собираться зеваки, Казик потребовал, чтобы грузовик немедленно тронулся с места. Этому воспротивилась Цивия Любеткин - член штаба ZOВа, поскольку не все люди успели выбраться из туннеля. Тем ни менее верх взял Казик, заявивший, что есть опасность захвата или уничтожения грузовика с людьми немцами. Через час грузовик с 34 евреями оказался вне опасности в лесу. Все оставшиеся в канализационном канале люди были убиты через несколько минут после отъезда грузовика. Факт гибели этих людей, не успевших выйти из канала, в течение многих лет ставился Казiku в укор.

Штрооп говорит об этом:

«В то время, как в первые дни можно было поймать значительное число евреев, которые по своей природе трусы, во второй половине акции становилось все труднее захватывать бандитов и евреев. Снова и снова новые боевые группы, состоящие из 20–30 и более еврейских собратьев в возрасте от 18 до 25 лет, в сопровождении соответствующего числа женщин

разожгли новое сопротивление. Этим боевым группировкам было приказано оказать последнему вооруженное сопротивление и при необходимости избежать ареста, совершив самоубийство. Одной из таких боевых групп удалось смонтировать грузовик, поднявшись из канализации в так называемой Просте, и сбежать вместе с ней (от 30 до 35 бандитов). Один бандит, который прибыл с этим грузовиком, взорвал две ручные гранаты, что было согласованным сигналом для бандитов, ожидающих в канализации, чтобы выбраться из него. Бандиты и евреи - среди этих банд были польские бандиты, вооруженные карабинами, стрелковым оружием и, в одном случае, легким пулеметом, взобрались на грузовик и уехали в неизвестном направлении. Последний член этой банды, который был на страже в канализационной трубе и был детализирован, чтобы закрыть крышку канализационной ямы, был захвачен. Именно он дал вышеуказанную информацию. Поиски грузовика были, к сожалению, безрезультатны.

Во время этого вооруженного сопротивления женщины, принадлежавшие к боевым группам, были экипированы так же, как и мужчины; некоторые были членами движения халуцим. Нередко эти женщины стреляли из пистолетов обеими руками. Неоднократно случалось, что у этих женщин были пистолеты или ручные гранаты (польские «ананасовые» ручные гранаты), спрятанные в их шароварах до последнего момента, чтобы использовать против мужчин из Ваффен СС, полиции или вермахта».

В ночь с 13 на 14 мая над Варшавой показались советские самолеты. Налет продолжался два часа, на казармы СС и другие военные объекты было сброшено около ста тонн фугасных и зажигательных бомб. Хотя жертвы были и среди евреев, налет вызвал у них ликование. В нескольких местах небольшие группы евреев, пользуясь замешательством немцев, пытались пробиться во время налета из гетто. Некоторым это удалось.

Свидетельствует один из оставшихся в живых боец Z.O.B.а:

«Два отряда ZOB (Хохберга и Шнайдемил) перевели, среди бела дня, несколько сотен человек из разрушенных укрытий в дома 37 и 7 по улице Мила. Больше недели не подпускали бойцы фашистов к последним убежищам тысяч людей. Пылающему гетто пришел конец. В нем просто не оставалось жилых кварталов и, что еще страшнее, не было воды. Бойцы сопротивления прятались в подвалах вместе с жителями. Вооруженные столкновения происходили теперь, главным образом, ночью. Днем гетто вымирало. Немцы и патрули ZOB сталкивались на улицах в кромешной тьме. Выигрывал тот, кто первым открывал огонь. Наши патрули распространили свою деятельность на все районы гетто. Огромные потери несли каждую ночь обе стороны. Немцы и украинцы начали патрулировать улицы большими группами и устраивали на наших людей засады».

После бомбардировок с воздуха и обстрелов из гаубиц немцы приступили к методичному уничтожению гетто, поджигая дом за домом и прочесывая местность

Они перерезали последние водопроводные трубы, отравляли все обнаруженные резервуары и источники воды, забрасывали колодцы полусгнившими трупами, обливали керосином найденные остатки пищи, взрывали и заваливали дороги. Ежедневно они засыпали все люки, но евреи, намеревавшиеся бежать из гетто по канализационным трубам, по ночам раскапывали их.

Из донесения генерала Штроопа:

«Соппротивление, оказанное евреями и бандитами, может быть сломлено только неустанным использованием всей нашей силы и энергии днем и ночью. 23 апреля 1943 года рейхс-фюрер СС издал приказ через Верховного фюрера и полицейского фюрера Восток в Кракове о том, чтобы завершить расчешивание Варшавского гетто с величайшей строгостью и неустанным упорством. Поэтому я решил уничтожить весь еврейский жилой район, поджег каждый блок, в том числе блоки жилых домов вблизи вооружений. Одна проблема за другой была систематически эвакуирована и впоследствии уничтожена пожаром. Затем евреи выходили из своих укрытий и убежищ почти во всех случаях. Нередко евреи оставались в горящих зданиях до тех пор, пока из-за жары и страха быть сожженными заживо, которым они предпочитали, не спрыгнуть с верхних этажей после того, как выбросили матрасы и другие мягкие предметы на улицу из горящих зданий. Со сломанными костями они все еще пытались переползти через улицу в глыбы зданий, которые еще не были подожжены или лишь частично горели. Ночью евреи меняли свои укрытия ночью, перебираясь в руины сгоревших зданий, укрываясь там, пока их не нашли наши патрули. Их пребывание в канализации также перестало быть приятным после первой недели. Часто с улицы мы слышали громкие голоса, проникающие в канализационные шахты. Затем солдаты Ваффен-СС, полиции или инженеров вермахта мужественно спускались по шахтам, чтобы вывести евреев, и нередко они тогда натывались на уже убитых евреев или в них стреляли. Всегда нужно было использовать дымовые свечи, чтобы изгнать евреев. Таким образом, однажды мы открыли 183 входных отверстия в канализацию и в определенное время спустили в них дымовые свечи, в результате чего бандиты бежали из того, что они считали газом, в центр бывшего гетто, откуда их затем можно было вытащить из канализационных отверстий. Огромное количество евреев, которых нельзя было сосчитать, было истреблено взрывом канализации и блиндажа».

Нацисты и их пособники не только не оказывали помощь обожженным людям, но безжалостно добивали их. Был убит один польский пожарник за попытку потушить одежду на еврейской женщине.

По оценкам историков, в ходе боёв на территории Варшавского гетто погибли около семи тысяч евреев. Ещё 5—6 тыс. сгорели заживо или задохнулись в дыму пожаров. Около 40 тыс. человек были захвачены гитлеровцами и отправлены в Трешлинку. Примерно трём тысячам евреев в ходе боёв удалось покинуть гетто. Каждый третий из них год спустя принял участие в Варшавском восстании.

«Евреи смогли втайне соорудить целую систему бункеров, укреплений, жилых подвалов, переходов, коридоров и т.д. Они уже давно использовали военные цеха и ремонтные мастерские, особенно слесарные и химические, для производства, ремонта и хранения оборудования, самодельных устройств и боеприпасов. Эта еврейская «оборонная промышленность» наладила выпуск оборонительных ручных гранат, «коктейлей Молотова» и мин. Повстанцы выпускала мины, даже миномёты и гранатомёты, сделанные в промышленных условиях из канализационных труб и даже из разорванных орудийных стволов. Они должны были регулярно обыскивать военные склады металлолома, Они изготавливали, кроме того, разные самодельные винтовки, пистолеты, ружья и так называемые «чулочные бомбы».

Польский писатель - историк Бен Марк в своей книге «Восстание в Варшавском гетто» описывают последующие дни восстания следующим образом:

«Ночью улицы Варшавы наполнились шумом проезжавших военных машин. Дрожала земля — это в сторону гетто ехали танки. Началась атака. Ворота были взломаны, и часть танков ворвалась в гетто. В первые минуты они не встретили никакого сопротивления. Евреи

пропустили танки вглубь гетто, но преградили путь неприятельской пехоте, которая хотела проникнуть в гетто под прикрытием брони танков. У разбитых ворот гетто евреи устроили сильно укрепленную баррикаду. Эсэсовская пехота была отброшена, а на изрыгавшие огонь танки, вклинившиеся вглубь гетто, посылались ручные гранаты и зажигательные бутылки. Вскоре танки запылали и остановились. Водители выскакивали из горящих машин и пытались спастись бегством, но путь к отступлению был им отрезан. Экипажи всех шести танков были перебиты или сгорели вместе с машинами. На следующий день об этом факте было сообщено в сводках обеих сражающихся сторон.

Это был второй серьезный успех повстанцев. Оккупационные власти отстранили гестапо от руководства боевыми действиями, поручили ликвидацию восстания армии, считая, что гестапо не в силах справиться с повстанцами. Началась подготовка более эффективных средств. Это потребовало перерыва в военных действиях на несколько дней. Во главе воинских частей был поставлен строевой генерал Юрген Штрооп. В помощь ему выделили вызванного для этого из Люблина специалиста по разрушению еврейских районов, генерал-майора полиции Глобочника.

В свою очередь, восставшие использовали время для того, чтобы лучше организовать свои силы, укрепить позиции и запастись новым оружием. Они завладели всеми немецкими военными фабриками и складами, находившимися на территории гетто. Таким образом, было захвачено много немецких военных мундиров, касок и значительные запасы продовольствия. Впоследствии это помогло евреям провести знаменитый налет на арсенал гестапо у Цитадели.

Налет произошел ночью. Отряд повстанцев, переодетых в немецкие мундиры, подошел к арсеналу гестапо. Часовые, уверенные, что имеют дело со «своими»,пустили прибывших вовнутрь.

Евреи перебили всю охрану, захватили оружие и амунизию, захватили также грузовики и на них перевезли свои трофеи в гетто.

В течение первой недели повстанцы не только укрепили свои позиции и увеличили запас оружия, но и расширили свою боевую базу, втягивая в борьбу новые тысячи людей.

На второй или на третий день к борьбе присоединились жители "привилегированного", так называемого "малого" гетто. При вести о восстании "привилегированные" влились в боевые ряды большого гетто. Ночью все жители оставили свои дома. "Малое" гетто было подожжено со всех сторон. Шесть тысяч металлистов химиков, портных в боевых колоннах явились в большое гетто! Остальные жители малого гетто рассыпались по городу или ушли в леса, к партизанам.

Губернатор Варшавы Фишер и высшие чиновники гестапо с начала событий неоднократно предлагали повстанцам сложить оружие. Среди боевиков шныряли подозрительные люди, которые пробовали сеять панику, уговаривали выдать руководителей. Эти провокаторы вскоре были уничтожены специальной комиссией по борьбе с изменой, шпионажем и диверсией».

Сражение у щеточной фабрики.

В первый день восстания немецкие подразделения обходили стороной щеточную фабрику. Бойцы из отряда Марек Эдельмана, оборонявшие щеточную фабрику, не вступали в сражение и лишь наблюдали с крыши фабрики за боями, которые велись в Центральном гетто. На второй день восстания в 2 часа дня отряд эсэсовцев строем подошел к воротам фабрики. О том, что на фабрике находятся повстанцы, немцы не знали и надеялись, что работники этой фабрики не поддержат повстанцев, и без сопротивления сдадутся в плен. Однако после того, как немецкий отряд полностью оказался на территории фабрики, раздался мощный взрыв. Была взорвана мина, заложенная несколькими неделями ранее. Лишь немногим удалось уйти оттуда живыми. Погибли

сотни фашистов. Остальные отступили. Через два часа немцы предприняли новую атаку на бойцов сопротивления. Теперь уже, двигаясь друг за другом и враспынную, они попытались проникнуть на фабрику с тыла и из крыш. Но на крышах у повстанцев хорошо подготовлено сопротивление. Немцы были встречены ожидавшими их бойцами сопротивления. Во время этого сражения тридцатилетний инженер и главный «оружейник» организации Михал Клепфиш прикрыв своим телом немецкий пулемет, обеспечив этим отход бойцов сопротивления. Из тридцати фашистов, подобранных к цеху, лишь несколькими удалось сбежать. И снова немцы отошли от гетто. Это была вторая победа. Вряд ли Михал Клепфиш знал, что за два месяца до этого 27 февраля 1943 года подобный подвиг совершил советский боец Александр Матросов. Польское правительство в изгнании наградило Клепфиша орденом «Виртути милитари». В конце дня Штрооп отдал приказ применить артиллерию.

Штрооп был поражен тем, что повстанцы контролировали на фабрике все, от химических веществ, используемых при изготовлении взрывчатых веществ, до одежды и оборудования для Вооруженных сил. Начальники так мало знали о своих собственных предприятиях, что евреи могли производить внутри них оружие любого рода, особенно ручные гранаты, коктейли Молотова и тому подобное. Более того, евреи преуспели в укреплении некоторых из этих заводов в качестве центров сопротивления. Такой центр сопротивления в офисе размещения армии должен был быть атакован уже на второй день действия инженерным подразделением, оснащенным огнеметами и артиллерией. Евреи были настолько прочно обоснованы в этом магазине, что оказалось невозможным заставить их добровольно покинуть его; Поэтому я решил уничтожить этот магазин на следующий день пожаром.

Впоследствии Штрооп вспоминал:

– «Одним из самых серьёзных очагов сопротивления был в то время квартал домов, где размещались фабрики и мастерские немецкого управления Квартирмейстерства Армии. Вы можете себе представить, что в этих зданиях, которые оставались под надзором Вермахта, то есть людей генерала Шиндлера, так вот именно там находились наземные и подземные укрепления евреев. Мой начальник штаба, штурмбанфюрер СС Макс Иезуитер, приказал немецкому управляющему немедленно вывести всех евреев из домов, цехов и мастерских. Там должно было быть больше четырёх тысяч недочеловек, всей этой швали. По требованию управляющего наружу вышло всего тридцать евреев. Остальные остались сидеть в укрытиях, часть убежала крысиными ходами, а часть сопротивлялась с оружием в руках. Дрались они отчаянно. К сожалению, (я вынужден это признать), они держали нас под огнём на расстоянии, и мы несли потери. Поэтому я ввёл в бой всех сапёров и зенитные орудия».

Повстанцы забросали зенитные пушки гранатами и так называемыми «чулочными бомбами». «Чулочные бомбы» были изобретениями повстанцев: в чулок закладывалось мощное взрывчатое вещество, похожее на пластелин. Взрывчатка также изготавливалась повстанцами. Когда нужно было бомбу привести в действие, в него вставлялся взрыватель,

Потерпев неудачу с зенитными орудиями, Штрооп ввел в бой сто миллиметровые гаубицы. На улицах, прилегающих к фабричному кварталу, были установлены пушки, а на крышах домов пулеметы. Начался систематический обстрел зданий фабрики. Но этот обстрел не сломил сопротивление бойцов. Бой продолжался и 21 апреля. Из 30 фашистов, подобранных к фабрике, большая их часть была уничтожена. Немцы вновь отступили. Вскоре появились парламентарии. Это были три офицера с белыми лентами и опущенными автоматами. Ведение немцами переговоров с повстанцами не имело прецедента в истории антифашистского сопротивления. Парламентарии предложили на 15 минут прекратить огонь для того, чтобы убрать убитых и раненных. Парламентарии предложили также переселить всех рабочих фабрик вместе со своими семьями в Понятов и в Травники. Повстанцы ответили на это огнем. Впоследствии, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, немцы говорили о том, что парламентарии обращались не к повстанцам, а к владельцам фабрик. В ответ немцы открыли огонь из пушек и пулеметов. Впоследствии в ход пошли

огнеметы. К Штроопу обратились представители немецкого бизнеса с просьбой не разрушать принадлежавшие им на территории гетто промышленные объекты. Но на следующий день утром немцы вновь начали атаку на фабричный комплекс. Фашисты начинают выжигать дом за домом.

По истечении трех дней Штрооп, который и раньше понимал, что этот срок, назначенный Замерном для подавления сопротивления евреев и вывоза их в Люблинские лагеря, нереален, еще раз убедился, какая долговременная и трудная работа ему предстоит. Конечно же, он подавлял боевые вылазки евреев. Но эффекта от такого «подавления» почти не ощущалось. Боевики уходили на другие позиции, захватывать их не удавалось. Более того, почти не удавалось захватывать и жителей гетто, рабочих предприятий, которых ждали товарные вагоны на Умшлагплаце.

Вечером 20 апреля Штрооп сообщал Крюгеру:

«Было раскрыто девять бункеров. Их обитатели, оказавшие сопротивление, подавлены, бункера взорваны... В акции принимало участие девять подразделений. Всего сегодня было поймано 505 евреев и в той степени, в которой они были пригодны к работе, сохранены для отправки в Понятов».

Если учесть, что в соответствии с донесениями того же Штроопа в тот день в операции участвовали 1262 солдата и 31 офицер, то выходило: для поимки одного еврея требовалось в среднем 2,5 немца. При том, что в гетто насчитывалось от 50 до 70 тысяч человек, для его очистки потребовалось бы как минимум три с половиной месяца. Поэтому решено было приступить к тотальному выжиганию кварталов, где оказывалось хотя бы малейшее сопротивление, и более активному поиску бункеров.

На девятый день восстания к руководству еврейских повстанцев через мегафон обратилось командование немецкой военной группы, которой поручено было любыми средствами задушить восстание. Немцы предъявили гетто последний ультиматум, который требовал, прежде всего, выдачи немецких пленных. Немецкое командование заявило, что с евреями, которые сложат оружие и добровольно сдадутся в плен, будут обходиться не как с партизанами, а как с военнопленными, и они будут пользоваться всеми правами наравне с военнопленными других национальностей и государств. Наконец, немецкое командование обязалось — в случае капитуляции евреев — не трогать гетто; если же евреи отвергнут ультиматум, гетто будет разрушено, а жители казнены.

Руководство сражающегося гетто ответило:

«Повстанцы готовы выдать немецких пленных при условии, что за каждого немца противник выдаст десять заключенных евреев. Что касается остальных двух пунктов ультиматума, гетто отвергает их и заявляет, что будет сражаться до последней капли крови».

На территории фабрик завязались ожесточенные сражения. Бойцы **Z.O.B.a** и население гетто поняло, что с немцами можно сражаться и можно заставить их отступить. Ночью мятежную территорию бомбили самолеты. Бомбежка продолжалась всю ночь. Следующей ночью бомбежка повторилась

В ходе многократных атак немцам удалось овладеть несколькими десятками укрепленных бункеров. Бой продолжался до поздней ночи. И все же после обстрела этого сектора из крупнокалиберных гаубиц немцам удалось углубиться в кварталы и захватить госпиталь. Были расстреляны все больные и персонал госпиталя. Но продвинуться дальше немцам не удалось, поскольку повстанцы атаковали их из сооруженных в спешном порядке баррикад. Они перемещались по крышам, по канализационным каналам и атаковали нацистов со всех сторон.

На Францисканской улице (северо-западная часть гетто) в доме 30 немецкие штурмовые группы обнаружили подземный бункер, в котором находились оставшихся в живых защитников щеточной фабрики во главе с Марек Эдельманом и Гершем Берлинским. Нацисты забросали ручными гранатами вход, однако часть повстанцев, выбравшись через запасный выход, обстреляла врага с тыла. Немцы отступили, унося раненых. На следующее утро они возобновили атаки на бункер и снова были отбиты. Лишь на третьи сутки, применив газы, они овладели укреплением. 160 защитникам бункера из 300 удалось скрыться; часть из них засела в доме 22 по той же улице, часть ушла в бункер штаба Z.O.B. на улице Милой. Как и большинство граничащих с «арийской стороной» улиц гетто, вся Францисканская улица была к этому времени разрушена. На этой улице погиб в обнаруженном гитлеровцами бункере Абрам Гепнер — один из немногих деятелей Юденрата, оставивший по себе хорошую память. До войны он был купцом, а когда занял пост заведующего отделом снабжения Юденрата, саботировал жестокие немецкие приказы, стараясь достать для гетто побольше продовольствия. В тайне от Юденрата он давал детям и бедноте больше, чем им официально полагалось, продуктов, он также сотрудничал с силами Сопротивления. Гепнер отказался от предложения укрыться на «арийской стороне», решив разделить судьбу гетто.

Штрооп вспоминал:

«Евреи, ловкие как пантеры, перебежали из одного укрытия в другое. Нужно признать, что у них были разработаны прекрасные методы связи, сигнализации и перемещения в своих крысиных ходах. Наконец, сапёры взорвали большинство укреплений, соединительных коридоров и переходов. Комплекс подожгли. Огнём и дымом мы всё-таки выкурили евреев! Господи, как же они кричали от этого жара и пламени, когда их коптили и поджаривали на медленном огне!»

В этот день немцам удалось захватить около пяти тысяч евреев, скрывавшихся на территории фабрик.

Поняв, что на этот раз позиции нельзя будет удержать, Марек Эдельман отдал приказ отступить в Центральное гетто.

Отступление было опасным и тяжелым, поскольку проникнуть в Центральное гетто можно было только через маленький проем в стене, который охранялся польской полицией и украинскими жандармами. Продолжая сопротивляться, повстанцы начали отступление в Центральное гетто. Перебегая из двора во двор, в крошечном аду четыре вооруженные группы повстанцев пересекли Францисканскую улицу и устремились к проему в стене. Пролом освещался прожектором, который охранялся украинскими жандармами и польскими полицейскими. После недолгого замешательства Залман Фридрих выстрелом в прожектор, выключил его. Четыре группы, обмотав тряпками обувь, чтобы заглушить шаги, преодолели проем, оказались на стороне Центрального гетто.

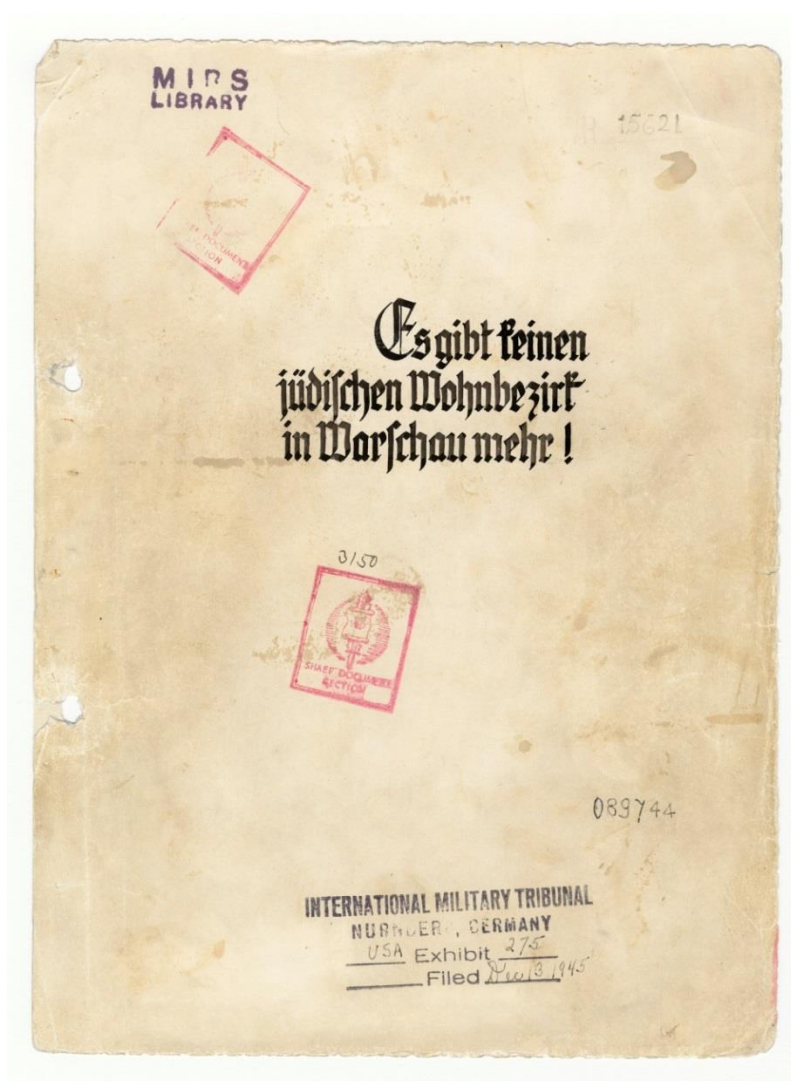
Но и в центральном гетто продолжились бои. Эти несколько дней восстания показали, что, куда бы немцы не пытались прорваться, они везде натыкались на встречный огонь. Каждый дом превратился в крепость.

Оставшиеся в живых бойцы Z.O.B, которым удалось перебраться в «арийскую» часть Варшавы, с трудом находили укрытия у поляков. Нередко поляки, приняв в своих квартирах евреев, выдавали их немцам.

«Огромные плакаты, предупреждавшие о «еврейской угрозе», предписывали арестовывать евреев на месте и объявляли, что поляки, помогающие евреям, либо дающие им кров, будут расстреляны. В качестве показательного урока немцы подожгли дом на площади Казимеж, убив всю проживавшую там польскую семью за то, что те приютили у себя евреев. Поляки были перепуганы. «Немцы на всё способны» - повторяли они с опаской. Сами собой стихийно

зародились польские комитеты самозащиты от «несчастья», как они называли евреев. Эти комитеты стали для нас огромным препятствием. Они постоянно следили за появлением чужаков и сообщали о таковых в полицию», пишет Владка Мид в своих воспоминаниях «По обе стороны стены».

Группа боевиков совместно бывшими могильщиками гетто сформировала 4 партизанских отряда, скрывавшихся в лесах. У них не было оружия и продовольствия. Они не имели связь с польским подпольем и с остававшимися в живых бойцами ZOB, скрывавшимися в городе. Польские крестьяне не давали им еды. Многие из них погибли.

Репорт Штропа. Написан в мае 1943 г. 75 страниц.

Симха Ротем об одном из дней восстания:

"Antek покинул гетто за шесть дней до немецкой атаки. Его миссия: просить лидеров польского Сопротивления помочь евреям с оружием. Они ему отказали".

- Я не верю, что найдется человек, который сможет описать весь ужас, через который мы прошли в гетто. На улицах, если их можно назвать этим словом, поскольку они ничем не напоминали улицы, мы должны были перебираться через горы трупов. Не было ни единой

лазейки, чтобы их миновать. Кроме борьбы с немцами мы сражались с голодом и жаждой. У нас не было никакого контакта с внешним миром. Мы были полностью изолированы, отключены от мира.

Мы были в таком состоянии, что трудно понять причины, побуждавшие нас к борьбе. Мы хотели попытаться проникнуть в арийскую часть Варшавы, вне гетто. Как раз перед 1 мая, Зигмунд и я были посланы попытаться найти Антека в "арийском" районе Варшавы. Мы нашли тоннель под улицей Бонифраторска, который вел в арийский район Варшавы. Рано утром среди бела дня, мы внезапно появились на улице. Представьте нас в это солнечный день 1 мая среди изумленных прохожих, среди нормальных людей. Мы будто прибыли с другой планеты.

Люди сразу разбежались потому, что мы в своем тряпье выглядели истощенными доходягами. Вокруг гетто всегда крутились "бдительные" поляки, которые выслеживали евреев. Нам чудом удалось от них убежать. В арийском районе Варшавы жизнь шла своим чередом. Как обычно. Как обычно работали кафе, рестораны, проезжали машины, трамваи. Были открыты кинотеатры. Гетто было одиноким островом в океане нормальной жизни.

Нашим заданием было войти в контакт с Ицхаком Цукерманом, попытаться организовать операцию по спасению, попытаться сохранить тех немногих борцов, которые смогли выжить в гетто. Нам удалось установить контакт с Цукерманом»

Вот что писал в своем последнем письме Мордехай Анелевич Ицхаку Цукерману 23 апреля:

«То, что с нами произошло, невозможно описать словами. В самых дерзких своих мечтах мы не могли такого представить. Немцы дважды отступали из гетто. Одному нашему отряду удалось удерживать позицию в течение 40 минут, а второму - больше 6 часов. Мина, спрятанная на территории чистильщиков, взорвалась. Несколько наших отрядов напали на немцев, и те бежали. Наши человеческие потери очень малы. И это достижение. Погиб И. (Иехиель). Убит как боец-герой возле пулемета. Я чувствую, что происходят великие события, и велика цена того, что мы осмелились выполнить...

С сегодняшнего дня мы переходим к партизанским методам ведения войны. Этой ночью три наших боевых отряда отправляются на вылазку, у которой две цели: провести рекогносцировку и добыть оружие. Оружие, которое у нас есть, не имеет никакой ценности. Этим оружием мы пользуемся очень редко. Нам срочно необходимы гранаты, винтовки, пулеметы и взрывчатые материалы.

Невозможно описать вам в каких условиях живут евреи гетто. Только единицы выживут. Остальные же рано или поздно погибнут. Участь их уже предрешена. Почти в каждом убежище, где скрываются тысячи евреев, невозможно зажечь свечу из-за недостатка воздуха.

По радиопередатчику мы услышали прекрасную передачу о нашем восстании. Факт, что о нас помнят за стенами гетто, ободряет нас в нашей борьбе. Привет тебе, друг мой! Может, еще и свидимся. Мечта наша жива и будет жить. Самооборона гетто стала фактом. Еврейское вооруженное сопротивление стало действительностью. Я дождался до того момента, когда увидел борьбу и героизм еврейских борцов».

Израэль Гутман, Наама Галиль. «Катастрофа и память о ней». Иерусалим: Яд Вашем, 2007

На второй день на территорию гетто Штрооп ввел несколько групп эсэсовцев по 36 человек в группе плюс один офицер. Но и на этот раз их встретили огнем. Я вновь предоставляю слово Штроопу:

«Мы наткнулись на замаскированные огневые точки и жилые укрытия. Кроме того, в северных и восточных кварталах гетто нас встретили огнём из автоматов. Я приказал бросить туда две штурмовые группы под прикрытием танка. Танк обстреляли. Граната повредила гусеницу, но её быстро отремонтировали. Бой продолжался. Мы заняли эти укрепления, но у нас было

двое раненых, панцер-гренадеров из войск СС. – Эсэсовцы атаковали следующие оборонительные укрепления (всего мы их в этот день обнаружили десять), но главная роль в этом наступлении выпала сапёрам Вермахта и расчётам огнёмётчиков. Нам приходилось взрывать бункеры, обстреливать еврейских боевиков из пушек и огнём огнёмётов вынуждать их отходить со своих позиций у бойниц. Я думал, что во второй день мы выполним всю gross работу, а третий день и несколько следующих уйдут у нас на окончание операции и наведение порядка. Но я ошибался»...

«Евреи смогли втайне соорудить целую систему бункеров, укреплений, жилых подвалов, переходов, коридоров и т.д. Они уже давно использовали военные цеха и ремонтные мастерские, особенно слесарные и химические, для производства, ремонта и хранения оборудования, самодельных устройств и боеприпасов. Эта еврейская «оборонная промышленность» наладила выпуск оборонительных ручных гранат, «коктейлей Молотова» и мин. Повстанцы выпускала мины, даже миномёты и гранатомёты, сделанные в промышленных условиях из канализационных труб и даже из разорванных орудийных стволов. Они должны были регулярно обыскивать военные склады металлолома, Они изготавливали кроме того, разные самодельные винтовки, пистолеты, ружья и так называемые «чулочные бомбы».

Штрооп

Марек Эдельман вспоминал:

"Мы прекрасно знали, что никогда не победим. Нас было всего 220 плохо вооруженных мальчишек против мощной армии. У нас на всех был один пулемет, пистолеты, гранаты, бутылки с бензином и всего лишь две мины, одна из которых даже не взорвалась".

Генерал Штрооп после подавления восстания.

Оставшиеся в живых, рабочие фабрики щеток, а также фабрики Тоббенса и Шульца были отправлены в Треблинку 2. К концу апреля немцы вывезли в Треблинку 35 тысяч человек. Из донесения генерала Штроопа:

«Сопротивление, оказанное евреями и бандитами, может быть сломлено только неустанным использованием всей нашей силы и энергии днем и ночью. 23 апреля 1943 года рейхс-фюрер СС издал приказ через Верховного фюрера и полицейского фюрера Восток в Кракове о том, чтобы завершить расчешивание Варшавского гетто с величайшей строгостью и неустанным упорством. Поэтому я решил уничтожить весь еврейский жилой район, поджег каждый блок, в том числе блоки жилых домов вблизи вооружений. Одна проблема за другой была систематически эвакуирована и впоследствии уничтожена пожаром. Затем евреи выходили из своих укрытий и убежищ почти во всех случаях. Нередко евреи оставались в горящих зданиях до тех пор, пока из-за жары и страха быть сожженными заживо, которым они предпочитали, не спрыгнуть с верхних этажей после того, как выбросили матрасы и другие мягкие предметы на улицу из горящих зданий. Со сломанными костями они все еще пытались переползти через улицу в глыбы зданий, которые еще не были подожжены или лишь частично горели. Ночью евреи меняли свои укрытия ночью, перебираясь в руины сгоревших зданий, укрываясь там, пока их не нашли наши патрули. Их пребывание в канализации также перестало быть приятным после первой недели. Часто с улицы мы слышали громкие голоса, проникающие в канализационные шахты. Затем солдаты Ваффен-СС, полиции или инженеров вермахта мужественно спускались по шахтам, чтобы вывести евреев, и нередко они тогда натыкались на уже убитых евреев или в них стреляли. Всегда нужно было использовать дымовые свечи, чтобы изгнать евреев. Таким образом, однажды мы открыли 183 входных отверстия в канализацию и в определенное время спустили в них дымовые свечи, в результате чего бандиты бежали из того, что они считали газом, в центр бывшего гетто, откуда их затем можно было вытащить из канализационных отверстий. Огромное количество евреев, которых нельзя было сосчитать, было истреблено взрывом канализации и блиндажа».

Ситуация для бойцов Z.O.B.a осложнялась с каждым часом. У них уже почти не оставалось патронов и продовольствия. Не было связей и с Антеком Цукерманом, посланном еще до восстания на поиски путей выхода из гетто для боевиков Z.O.B.a и мирных жителей. На поиск Цукермана был послан связник восемнадцатилетний Казик Ратайзер. Казик удалось отыскать Цукермана, который пребывал в состоянии полной растерянности. Цукерман не смог выполнить задание и не нашел путь для вывода людей из гетто. Эту роль взял на себя Казик. Выбравшись за пределы гетто через туннель, построенный еще до восстания бойцами Z.ZW под домом на Мурановской площади, ему удалось с помощью коммунистов найти двух польских инженеров из компании, обслуживавшей канализационную систему. Инженеры согласились за приличную плату показать Казику путь входа канализационной линии на территорию гетто. Согласие на самом деле выглядело так: где-то на полпути инженеры отказались идти дальше. Тогда Казик достал бутылку водки, которую он предусмотрительно взял с собой. Это подействовало, но ненадолго. В какой-то момент проводники наотрез отказались идти дальше. Тогда Казик достал пистолет и сказал им: «Либо вы идете со мной дальше, либо останетесь здесь навечно!» Это подействовало. 8 мая Казик смог пробраться в гетто в штабной бункер, и то, что он увидел там, его ужаснуло. 200 трупов, включая трупы руководства организации, покончившие с собой 8 мая. Арие Вильнер, Мордехай Анелевич и его подруга Мира Фухтер, понимая безнадежность своего положения, покончили собой, приняв цианид. Их примеру последовали многие бойцы, находившиеся в бункере. Положение их было действительно безнадежным: немцы, найдя бункер, начали его штурм. Обороняться было уже нечем, путей отхода не было.

Из донесения генерала Штроопа:

«В то время как в первые дни можно было поймать значительное число евреев, которые по своей природе трусы, во второй половине акции становилось все труднее захватывать бандитов и евреев. Снова и снова новые боевые группы, состоящие из 20–30 и более еврейских собратьев в возрасте от 18 до 25 лет, в сопровождении соответствующего числа женщин разожгли новое сопротивление. Этим боевым группировкам было приказано оказать последнему вооруженное сопротивление и при необходимости избежать ареста, совершив самоубийство. Одной из таких боевых групп удалось смонтировать грузовик, поднявшись из канализации в так называемой Просте, и сбежать вместе с ней (от 30 до 35 бандитов). Один бандит, который прибыл с этим грузовиком, взорвал две ручные гранаты, что было согласованным сигналом для бандитов, ожидающих в канализации, чтобы выбраться из него. Бандиты и евреи - среди этих банд были польские бандиты, вооруженные карабинами, стрелковым оружием и, в одном случае, легким пулеметом, взобрались на грузовик и уехали в неизвестном направлении. Последний член этой банды, который был на страже в канализационной трубе и был детализирован, чтобы закрыть крышку канализационной ямы, был захвачен. Именно он дал вышеуказанную информацию. Поиски грузовика были, к сожалению, безрезультатны.

Во время этого вооруженного сопротивления женщины, принадлежавшие к боевым группам, были экипированы так же, как и мужчины; некоторые были членами движения халуцим. Нередко эти женщины стреляли из пистолетов обеими руками. Неоднократно случалось, что у этих женщин были пистолеты или ручные гранаты (польские «ананасовые» ручные гранаты), спрятанные в их шароварах до последнего момента, чтобы использовать против мужчин из Ваффен СС, полиции или вермахта».

На этом участие Z.O.B.a 8 мая 1943 г. в восстании было завершено.

Цивия Любеткин в своей книге «Восстание в варшавском гетто» пишет:

«Так пало около сотни повстанцев и среди них Мордехай Анелевич, самый лучший, самый мудрый, самый благородный из всех, сохранявший в самые страшные моменты спокойствие и улыбку».

В своих воспоминаниях Цукерман пишет, что в связи с изменением обстановки Z.O.B. решил оставшимися силами защитить мирных жителей:

«Два отряда ZOB (Хохберга и Шнайдемил) перевели, середь бела дня, несколько сотен человек из разрушенных укрытий в дома 37 и 7 по улице Мила. Больше недели не подпускали бойцы фашистов к последним убежищам тысяч людей.

Пылающему гетто пришел конец. В нем просто не оставалось жилых кварталов и, что еще страшнее, не было воды. Бойцы сопротивления прятались в подвалах вместе с жителями.

Вооруженные столкновения происходили теперь, главным образом, ночью. Днем гетто вымирало. Немцы и патрули ЖОБ сталкивались на улицах в кромешной тьме. Выигрывал тот, кто первым открывал огонь. Наши патрули распространили свою деятельность на все районы гетто. Огромные потери несли каждую ночь обе стороны. Немцы и

украинцы начали патрулировать улицы большими группами и устраивали на наших людей засады».

«То, что мы пережили, превзошло самые смелые наши надежды... Главное — осуществилась мечта моей жизни: я дожил до того дня, когда евреи гетто встали на свою защиту и повели борьбу во всём её величии и славе» Ария Вильнер — один из участников восстания:

«Мы не собираемся спасать себя. Из нас никто не выживет. Мы хотим спасти честь народа»

Польский историк Бен Марк писал:

«Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежала печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей Варшавского гетто, который разгорелся на могиле их близких, без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу».

И.Каценельсон

*«И было сто тысяч евреев на улице Мила — и вот пустыня сейчас —
У каждого сверток, сумка, там — рубаша, белья смена,
И среди всего этого ребенок, слаб он и чахл,
Бледен, как полотно, сух, как корка хлеба, черств, как камни в стенах.*

*Не помогли уловки! Всех нашли! Охотились хищно за ними,
Выволакивали с чердаков, из подвалов, из мусорных куч — за ноги
Из щели любой! Считанные остались живыми.
Одних убили на месте, других погнали на смерть по дороге*

*.
В лагеря. Считанные вернулись в мастерские, на Новолипье,
Крутил я ткацкий станок, единственный сын уцелевший рядом застыл как немой.
Евреи, голодные, нищие, к мастерским этим липли...
Гетто — там гибель, хаос, запустенье... Ни души живой!*

*Баки мусорные были жильем. Люди, тело с трудом волоча,
Из домов своих убегали: там гибель, там крысы рыщут...
Еда была не еда. Одежда — с чужого плеча,
Кровать казалась чужой и в горло не лезла пища!*

*Я часто ускользал из мастерской в пустынное гетто, с риском
Вглядывался в эту жизнь, в бедствие это и прах.
Зачем? Для чего — Ведь в живых не остался никто из друзей и близких!
Вбегал впопыхах я в гетто и оттуда бежал впопыхах.*

Где друзья мои, писатели, музыканты, художники — не осталось от них и тени!

Гилеля Цейтлина в талесе вывели на площадь. Другие погибли в колонне — Варшавские! Давидовичи! Жак Леви! Осташега! — еврейские головы, гении! Израэль Штерн, Гильберт — жемчужины в национальной короне!

*В конце недели опять проскользну я в гетто...
Там Цукерман, там Цивья — нет лучше людей на земле!
Халуцы! Кто это сказал, что все потеряно, что больше их нету?
Они — опора моя! Я не плачу, просто лицо мое взмокло во мгле.
Ицхак Цукерман принес мне дар: халуц Лабан рассказал ему
Сколько убито эсэсовцев. Жизнь за жизнь!
Вдруг: "Руки вверх!" Лабан в офицерской шинели арестован. Канув во тьму.
Ицхак ковыляет, ранен в ногу, сапог полон крови! Ицхак, ложись!*

*В тот день, 17-го января, сорок третьего, у него заночую.
День встает — о, если б солнце не вошло в тот день на просторы небес!
Хотел пройти на Заменгоф и в Новолипье — гетто закрыли! Чую —
Эсэсовцы нас окружают, повсюду жандармы с ружьями наперевес.*

*Опять они! Что еще будет!? И так до предела худо!
Я возвращаюсь к сыну. Они уже знают: мы попали в кольцо...
Цивья, Ицхак уже на ногах... Надо бежать отсюда,
А сапог еще полон крови, белее мела лицо...*

*Ты бел, как мел, Ицхак! — подумал, но не сказал. Молчу...
"Во дворе есть бункер. Отведи их туда", — говорит Ицхак, вижу: ему еще хуже.
"Слушай, Ицхак! Никуда не пойду. Я с вами остаться хочу".
А сын твой, Цви?! Тоже хочет остаться... Пришел халуц, раздал оружие.*

*Пусть мне ничего не досталось — было все у меня! Хоть и поздно...
Нет, не поздно! Последний еврей, фашиста убив, народ свой спасет! Быть не может
иначе!
Даже если можно спасти убитый народ — спасайте! Поддержу в час грозный
Словом — их дух, себя самого — им пожелаю удачи!*

*Халуцы позиции заняли — у входа, в комнатах, на ступенях.
Я — у окошка замер, весь обратившись в слух.
Из окошка видна улица... Вот ведут их, немых: опущены головы в унижение —
О, евреи мои, последние, почему я не слеп? Почему я не глух?*

*Два жандарма убегают вдоль улицы, и вот возвращаются строем.
Дом поджигают... Поджигатель — поляк нелюдимый
Обращается к немцам по-польски: здесь прячутся трое...
Их находят... Обагрился кровью девственный снег, на морозе плывут клубы дыма.*

*Приближаются к нам! Вижу немца плечо, слышу шаг.
В плечо никто не стреляет. Пуля прямо в грудь — наповал!*

Еще один падает — "Евреи стреляют!" — кричат удивленно. Стреляют, да еще как! Ты, Захария, Гутман, Элиезер. Немцы в панике. Такого палач еще не знал.»

«Растиражированная в Израиле история Анелевича, как руководителя восстания, весьма раздута. Судите сами: Z.O.W. - группа Мордехая Анелевича, которая до сих пор официально считается ядром восстания, а её бойцы - главными героями, была сформирована лишь 28 июля 1942-го года (!), т.е. через неделю после начала "Большой" акции, а 15 октября к ним присоединились члены "Бунда".

Как за 8,5 месяцев могла быть создана, вооружена и обучена разношерстная группа людей, среди которых не было ни одного офицера Войска Польского (пусть даже не кадрового, а запаса)? Людей, умеющих владеть оружием там тоже было мало. Сам Анелевич к моменту апрельского восстания был 23-х летним юношей, не только никогда не служившим в армии, но даже никогда не проходившим военные сборы. Какую стратегию, какой тактический опыт мог этот мальчик использовать в восстании? Он всегда был политическим активистом, но судя по его поступкам обладал совестью...Энтузиазм и порыв - это хорошо, но выкрикивание лозунгов не помогает освоить устройство пистолета или обрести опыт обращения с гранатой...

В противовес им, уже в ноябре 1939 года (!) в Варшаве была создана подпольная боевая организация поляков еврейского происхождения - "Еврейский Боевой Союз" — "Żydowski Związek Wojskowy (Jewish Military Union)". Она стала составной частью польского подполья. Спустя почти месяц, 39 евреев (и мужчин и женщин) присягнули на верность польскому правительству в изгнании и получили по пистолету "Вис" с тремя обоймами. 30 января 1940-го генерал Сикорский получил в Лондоне секретное донесение, что Z.Z.W. стал составной частью польского Сопротивления, таким образом в Польской армии появился свой "Еврейский Легион". Ещё не было Варшавского гетто, ещё не уходили эшелоны с обречёнными в Освенцим, "ещё не осыпался каперс желания и не порвался серебряный шнур".

Алик Гомельский (Канада)

Куда более продолжительным и эффективным было сопротивление бойцов Z.Z.W., подготовленных и вооруженных гораздо лучше, чем бойцы **Z.O.B.a.** Из Википедии следует, что зоной обороны Z.Z.W. были окрестности Мурановской площади, находящиеся между Мурановской улицей и улицей Налевки (ныне большая часть старой улицы Налевки является улицей Героев гетто). **Центром противостояния нацистам стала Мурановская площадь, где в доме номер 7 находился штаб Z.Z.W.** В подвал дома номер 7 выходил туннель, по которому Z.Z.W. получал из города от Армии Крайовой оружие и боеприпасы. На чердаке дома номер 17 был установлен тяжелый пулемет, сыгравший важную роль в отражении атак нацистов. 19 апреля на крыше дома № 7 на Мурановской площади Яцек Эйсер и его подруга Галина установили два флага: бело-красный польский и бело-голубой флаг ЕВС. Эти флаги были хорошо видны на улицах гетто и Варшавы.

Флаги восстания в течение четырех дней высились над домом. Только после многих боёв немцы смогли взять дом и убрать с него флаги.

Защиту Мурановской площади вели: рота Павла Френкеля, в центре площади, защищавшая штаб Z.Z.W., рота Лейб Родаля занимала позиции вокруг площади. Ротой, численностью в 40 человек, командовал Мордехай Апфельбаум, Рота размещалась в здании на улице Милой; Рота численностью в 50 человек, которой командовал Руди Вайншток, защищала улицу Францишканскую. Улицы Налевка и Милая защищала группа бойцов, численностью в 20 человек. Этой группой командовал Давид Берлински. Еще ряд мест защищали группы, которыми командовали Лейзер Станевич, Ян Пика и Роман Вапйншток. В промышленной зоне за пределами гетто размещались три группы, которыми командовал Шмуэль Лофт. Еще две группы повстанцев размещались к северу от гетто на улице Ставского. Роты Павла Френкеля, Лейба Родаля и Мордехая Апфельбаума были вооружены автоматами, винтовками, пистолетами, гранатами, бутылками с зажигательной смесью, ручными пулеметами и одним тяжелым пулеметом.

Остальные группы бойцов были вооружены значительно хуже. В их распоряжении имелись только гранаты, брикеты взрывчатки, пистолеты.

После подавления сил Z.O.B.a, нацисты сосредоточили свои главные силы на подступах к Мурановской площади. Эта площадь и стала главной ареной сражения, длившейся с 19 по 27 апреля 1943 года.

Бои в зоне, которую контролировал Z.Z.W

Первое вооруженное столкновение с нацистами имело место утром 19 апреля, когда немецкие отряды подошли к площади со стороны улицы Налевки. Их встретили интенсивным автоматным и ружейным огнём. Бой продолжался почти до полудня, после чего немцы отступили. В тот же день два командира Z.Z.W. Павел Френкель и Леон Родаль, переодевшись в форму офицеров СС, подошли к группе украинских полицейских неподалёку от площади, и, открыв огонь, уничтожили большую часть этой группы. Эта акция помогла прорвать окружение площади и восстановить связь с другими группами восставших.

Ночью с 19 на 20 апреля состоялось совещание командного состава Ż.Z.W., на котором обсуждалась возможность раздать всё оружие из арсенала восставшим, чтобы оно не попало в руки немцев, в случае если те займут площадь. 20 апреля продолжались тяжёлые бои за площадь, которую атаковали большие силы нацистов. Немцы стали поджигать дома с помощью огнемётов. Восставшие, пользуясь хорошими знаниями местности, перемещались проходами между домами и атаковали немцев из засад. В последний день боёв за площадь к обороняющимся группам пробилась группа бойцов с фабрики щёток на улице Швентоерской. По воспоминаниям Вдовиньского, ещё 24 числа на доме № 7 продолжал развеиваться флаг, а восставшие вели огонь по немцам из окон.

Другие отряды Ż.Z.W., потерявшие связь с командованием, также продолжали бой. 21 апреля ещё сражался отряд на улицах Францишканьской и Милой. Часть бойцов в этот день сумела выбраться из гетто и, прибегнув к помощи подпольной организации «Меч и плуг», созданной в 1939 году национально-христианскими активистами, пыталась пробраться в леса в окрестностях Отвоцка. Однако как оказалось, эта организация была подставной организацией, заключившей в 1943 году соглашение о сотрудничестве с гестапо. Выданные немцам, бойцы погибли на дороге в Отвоцк. Часть отрядов, остававшихся в гетто, продолжала бои до 2 мая 1943. Но и они были выданы немцам и погибли. В числе погибших на Гжыбовской улице был и Павел Френкель.

Помочь бойцам Ż.Z.W. попытались боевики Армии Крайова под командованием поручика Юзефа Пшенного. В их намерения входила акция создания брешы в стене, ограждавшей гетто на улице Бонифратерской. Они изготовили самодельное взрывное устройство в виде дверной рамы, обвешенной взрывчаткой. Если бы им удалось закрепить и взорвать это устройство на стене, то возможно часть стены удалось бы разрушить. Через образовавшуюся брешь можно было бы доставлять повстанцам оружие; брешь могла послужить и для оперативной эвакуации. Акция, к сожалению, не удалась. Немцы обнаружили подпольщиков, и им пришлось взорвать раму на расстоянии нескольких метров от стены. Эффект от взрыва был нулевым. В этой акции подпольщики понесли потери: два человека погибли, пятеро получили ранения.

22 апреля, газета «Нью-Йорк таймс» писала:

«21 апреля тайное польское радио обратилось за помощью сегодня вечером в радиопередаче из Польши, а затем станция внезапно заглохла. Передача, как здесь сказано, гласила: «Последние 35 000 евреев в гетто в Варшаве были приговорены к казни. Варшава снова перекликается с орудийными залпами. Люди убиты. Женщины и дети защищают себя голыми руками. Спаси нас».

27 апреля на помощь повстанцам в гетто через туннель прошел отряд майора Генрика Иваньского. Отряд Иваньского усилил позиции повстанцев на Мурановской площади. Когда потери нацистов возросли, они были вынуждены вызвать подкрепление. В этой ситуации продолжать сражение с нацистами означало гибель для повстанцев и поляков из отряда Иваньского. Апфельбауму было предложено покинуть Мурановскую площадь. Давид Апфельбаум отказался выходить. Вышли лишь 34 человека, чтобы вынести раненых. Бойцы из группы Генрика Иваньского несколько часов прикрывали отход бойцов, раненных и довольно большой группы гражданских лиц. Группа Генрика Иваньского понесла большие потери. Был ранен Иваньский, погибли его сын Роман и брат Эдуард. Но большие потери понесли и немцы. В этих же боях 27 апреля был тяжело ранен и Давид Апфельбаум. 28 апреля он скончался. В последующие дни Армия Крайова совершила серию атак на немецкие посты, известную как Операция Гетто. В связи с продолжающимся сопротивлением повстанцев и потерями, которые несли немцы, Штрооп решил предать огню все здания гетто, все бункеры и подвалы. 25 апреля все гетто было охвачено огнем. 20 из 26 улиц гетто били в огне. Это, однако, не смогло сломить решимость повстанцев сражаться до конца. Огонь и дым вынуждал сражавшихся бойцов выбираться из бункеров и подвалов, попадая при этом под пули фашистов. Оставшиеся в живых повстанцы отказались от обороны зданий, в которых еще находились

гражданские лица, и уходили в каналы и в остававшиеся несгоревшими бункеры. Но ночью они поднимались наверх, чтобы продолжить сопротивление. В огне и дыме погибло много гражданских лиц. В сражениях за площадь немцы потеряли более сотни солдат и еще один танк.

Утверждения Иваньского и Зайдлера подтвердил также и связник между Ż.Z.W. и Армией Крайовой полковник Тадеуш Беднарчик. Также об участии «польских бандитов» в бою пишет в своём рапорте Юрген Штрооп.

Мемориальная доска Ż.Z.W. (ул. Мурановская 1)

«Восстание угасало постепенно и трудно установить точный момент его окончания.» - пишет историк Б. Марк.

«26 апреля бои в гетто достигли наивысшего напряжения. «На ожесточенное и упорное сопротивление наткнулись почти все штурмовые группы, посланные в гетто», — отметил в рапорте Штрооп.

Фашисты снова прибегли к поджогу домов и к взрывам подземных укрытий — *«единственному и решающему средству вынудить эти отбросы, этих недочеловеков выйти на поверхность»*, как говорил Штрооп.

В этот день гитлеровцы смогли схватить и вывезти из гетто всего 30 человек. 362 еврея, согласно рапорту Штроопа, были убиты в бою. В дополнение к этому, озверевшие нацисты расстреляли 1330 евреев сразу же после пленения. В это число не вошли погибшие внутри сгоревших домов и взорванных бункеров. Командование Гвардии Людовой на «арийской стороне» получило в этот день последнее донесение штаба Анелевича. В нем говорилось о колоссальных потерях, о том, что для защитников гетто наступили последние дни.

Люди не выдерживали многодневного пребывания под землей, жары, дыма, оглушающих взрывов. Во многих бункерах кончались запасы продовольствия.

«Почти ни в одном из бункеров, в которых находятся наши товарищи, нельзя ночью зажечь свечу: нет воздуха», — писал Анелевич. «Каждую ночь евреи, вышедшие из своих темных душных убежищ в поисках родных и друзей, бродили по улицам, — вспоминает Цивия Любеткин.

Немецкие солдаты прятались по ночам в развалинах и прислушивались. Немецкие патрули, обмотав по примеру евреев ноги тряпьем, неотступно преследовали вышедших из укрытий. За ночь они убивали от тридцати до пятидесяти человек. В этих стычках несли потери и гитлеровцы.

27 апреля огнем были охвачены двадцать из двадцати шести улиц гетто. 320 гитлеровцев проводили «очистку» домов по улице Низкой в северной части гетто. Повстанцы ожесточенно отстреливались, а когда огонь, охвативший здание, не оставлял более другого выхода, они, как

пишет Штрооп, с проклятиями в адрес Германии, фюрера и немецких солдат прыгали подчас с высоты пятого этажа. На балконе одного из горящих домов появилась молодая женщина с ребенком. Она обратилась к находившемуся неподалеку Штроопу: *«Я не прошу у вас пощады, но помните: вас не минет наказание за все, что сейчас делается с нами».*

Когда пламя подобралось к балкону, она взяла ребенка на руки и бросилась на мостовую. Не лучше обстояло дело в подземных бункерах.

Очевидец этих событий Исаак Гитлер писал своему брату:

«Было так жарко, что все разделись до рубах и кальсон. Здесь же в углу находилась параша. Спички гасли в спертom воздухе. Боевики приносили пищу и поддерживали порядок. Каждую ночь они выходили на партизанские вылазки. Возвращалось их все меньше и меньше. Сверху то и дело слышались шаги немцев. К концу пятых суток последняя пятерка боевиков не вернулась с вылазки. Еще двое суток люди в подземелье лежали, тесно прижавшись друг к другу, утратив силы и надежду. При приближении немцев закрывали детям и кашляющим рот подушками. В соседнем убежище мать задушила своего плакавшего ребенка».

28 апреля Штрооп, считавший, что с бойцами сопротивления в гетто уже покончено, писал:

«Сегодня мы снова встретили и сломили во многих местах очень сильное сопротивление. Становится все яснее и яснее, ввиду затяжки операции, что нам теперь противостоят настоящие террористы и активисты».

Часть спасшихся бойцов Z.Z.W. продолжали воевать в составе партизанских отрядов, часть - на территории гетто, скрываясь в сохранившихся бункерах и канализационных каналах. Военные действия на территории гетто велись и в мае месяце. В этих действиях участвовали и разрозненные группы уголовников. Действовали подпольные группы поляков, часть которых представляли бойцы Армии Крайовой. Восставшим евреям они помогали, в основном, передачей бойцам Z.Z.W. оружия, хотя инструкция генерального штаба Армии Крайовой запрещала участие польских отрядов в боях в гетто. В неоднородном польском подполье существовала такая организация, как «Народовые силы збройне», в которой царил антисемитизм, и которая, воюя с немцами, одновременно убивала и евреев

4 мая главные силы Штроопа снова «прочесали» «производственное гетто». Некоторые из схваченных фашистами евреев, сломленные и павшие духом, ранее сотрудничавшие с немцами, показывали врагу расположение подземных бункеров. Но подавляющее большинство захваченных гитлеровцами евреев, по признанию Штроопа, отказывались служить врагу проводниками.

Время от времени немцы обнаруживали не замеченные до того бункеры.

13 мая Штрооп в своем донесении отмечал:

«Ныне стало ясно, что попадающие теперь в наши руки евреи и бандиты являются членами так называемых боевых групп. Это все молодые парни и женщины от 18 до 25 лет». При захвате одного бункера произошла схватка, во время которой евреи не только стреляли из пистолетов калибра 0,8 и польских пистолетов «Вис», но и бросали в эсэсовцев польские гранаты «апельсины». После того, как часть из находившихся в бункере евреев была схвачена, и начался обыск, одна из женщин — что случилось и ранее, — молниеносно сунула руку за пазуху и, вытащив ручную гранату, сдернула предохранитель, бросила гранату в обыскивавших ее немцев и быстро прыгнула в укрытие. Только благодаря присутствию духа удалось избежать жертв».

Это была Сара Розенблюм, член ZOB. После этого, добавляет Штрооп, саперы уничтожили бункер с оставшимися там евреями, подложив более крупный, чем обычно, заряд взрывчатки. На следующий день немцы пустили газ сразу в 183 люка. Прятавшиеся в канализационных трубах,

чтобы спастись от отравления, вынуждены были выйти в центре гетто, где их уже поджидали гитлеровцы.

Официально считается, что восстание варшавского гетто закончилось 16 мая, когда немцы взорвали варшавскую синагогу. Вместе с тем одиночные акции сопротивления продолжались до 28 июня 1943 года. В течение мая были обнаружены и ликвидированы почти все оставшиеся подземные укрытия. 16 мая, в день официального окончания «большой акции», гитлеровцы обнаружили большой бункер в доме 38 на Свентоерской улице и, пустив газ, заставили выйти 60 укрывавшихся там евреев.

13 мая губернатор Варшавы Людвиг Фишер оповестил горожан о разрушении гетто — «гнезда большевизма и бандитизма». Он призвал население выполнить свой «долг» и выдавать властям находящихся еще на свободе «евреев и коммунистических агентов». 15 мая немцы разрушили на территории гетто последние дома, за исключением восьми зданий — немецких казарм, госпиталя и тюрьмы «Павяк». 16 мая Штрооп официально объявил об окончании «большой акции» и начал отвод своих сил. «Еврейского гетто в Варшаве больше не существует», — рапортовал он. 18 июня 1943 г. Штрооп за свои подвиги в гетто был награжден железным крестом первого класса, а 29 июня Гиммлер утвердил его в должности начальника СС и полиции Варшавы. Ежедневные рапорты Штроопа, запечатлевшие деяния гиммлеровского воинства в Варшавском гетто с 19 апреля по 16 мая 1943 г., были собраны вместе и в роскошных переплетах вручены самому рейхсфюреру СС и начальнику СС и полиции «Ост» Крюгеру. Один экземпляр на память о свершениях на поле брани Штрооп оставил себе.

«Восемнадцатилетнему Киршенбауму, пишет Соломон Пинский, - полумертвому, с гангреной ног, отказавшемуся выдать другие известные ему бункеры, немцы прострелили руку. Он продолжал упорствовать, и ему выстрелили в ногу».

Столкновения с разрозненными кучками повстанцев происходили еще в июне и июле. Полковник охранной полиции Харинг отмечал впоследствии, что *«ввиду ставшего известным противнику уменьшения сил, отдельные банды пытались возобновить свою деятельность. Во время все новых и новых схваток с бандами, имевшими хорошее вооружение и руководство, приходилось в жесточайших подчас боях подавлять отдельные гнезда сопротивления, оборудованные в развалинах, подвалах, канализационных колодцах».*

В этих боях в начале июня погибли последний командир группы Z.Z.W. в гетто Янек Пика и член штаба ZOB Захария Артштейн, которому удалось было сколотить из обломков боевых групп значительный отряд. К этому времени евреи настолько ослабели от голода и перенапряжения, что не могли даже добросить до врага ручную гранату.

Московский поэт Александр Аронов писал:

*«Когда горело гетто, когда горело гетто,
Варшава изумлялась четыре дня подряд.
И было столько треска, и было столько света,
И люди говорили: «Клопы горят».
А через четверть века два мудрых человека
Сидели за бутылкой хорошего вина.
И говорил мне Януш, мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей есть своя вина.
Зачем вы в сорок пятом стояли перед Вислой?
Варшава погибает! Кто даст ей жить?
А я ему: — Сначала силенок было мало,
И выходило, с помощью нельзя спешить».*

— *Варшавское восстание подавлено и смято,
Варшавское восстание потоплено в крови.
Пусть лучше я погибну, чем дам погибнуть брату,
— С отличной дрожью в голосе сказал мой визави.
А я ему на это: — Когда горело гетто,
Когда горело гетто, четыре дня подряд,
И было столько треска, и было столько света,
И все вы говорили: «Клопы горят».*

«Столкновения с разрозненными кучками повстанцев происходили еще в июне и июле. Полковник охранной полиции Харинг отмечал впоследствии, что «ввиду ставшего известным противнику уменьшения сил отдельные банды пытались возобновить свою деятельность. Во время все новых и новых схваток с бандами, имевшими хорошее вооружение и руководство, приходилось в жестоких подчас боях подавлять отдельные гнезда сопротивления, оборудованные в развалинах, подвалах, канализационных колодцах». В этих боях в начале июня погибли последний командир группы ЖЗВ в гетто Янек Пика и член штаба ЖОБ Захария Артштейн, которому удалось было сколотить из обломков боевых групп значительный отряд. К этому времени евреи настолько ослабели от голода и перенапряжения, что не могли даже добросить до врага ручную гранату». — пишет Соломон Пинский

18 июня 1943 г. губернатор Фишер, принимая у себя во дворце Ганса Франка, с гордостью показал ему на развалины гетто. От Гиммлера пришло предписание сровнять территорию бывшего гетто с землей, засыпать все подвалы и канализацию, покрыть весь район слоем чернозема и разбить там большой парк. В середине июля немцы принялись систематически взрывать развалины в гетто, однако кучки вооруженных евреев снова прокрадывались в уже, казалось, очищенную зону. Поэтому осенью немцы, прочесывая бывшее гетто, снова (еще раз) стали взрывать развалины. Но и в конце 1943 г. они натывались на вооруженные группки евреев, оказывавших сопротивление. Подобные случаи имели место даже летом 1944 г., спустя год после подавления восстания в гетто!

Хроника восстание Варшавского гетто.

1939, ноябрь — создано ядро Еврейского военного союза (организации сионистов-ревизионистов Бейтар)

1940, 3 октября — Начало насильственного переселения евреев Варшавы в гетто. Гетто делилось на три почти изолированные части: Центральное, район заводов Тоббенса-Шульца, район щеточных мастерских

1940, 15 ноября — Выход евреям из гетто Варшавы запрещён

«Шёл дождь, но было тепло. Улицы кишели людьми с белыми повязками на руках. Все возбуждённо бегали туда-сюда, как звери в клетке, не успевшие к ней привыкнуть. У стен домов на грудах промокших, забрызганных грязью перин были женщины с детьми, которые тоже заходились от крика. Это были еврейские семьи, брошенные в гетто в последний момент и не имевшие ни малейшего шанса получить хоть какую-то крышу над головой. На территории и так уже переселённого района, где могло разместиться от силы 100000 человек, теперь должно было проживать более полумиллиона. На фоне тёмной улицы в свете фар выделялся свежесобранное деревом квадрат ворот, отрезавших гетто от мира свободных людей» (В. Шпильман «Пианист»)

1941, 31 августа — фашистами разрешено открывать в гетто начальные и воскресные школы, запретив преподавать в них историю и географию

1942, 18 апреля — В Варшавском гетто убиты 52 человека. Событие известно под названием «Кровавая пятница»

1942, 5 мая — Учителя Варшавского гетто учредили специальный день для детей, посвящённый играм, театру и угощениям

1942, 20 января — Гитлером утверждена концепция «окончательного решения еврейского вопроса»

1942, июнь — в Варшавском гетто — около 450000 человек

1942, 22 июля — начало уничтожения Варшавского гетто, до 12 сентября в лагерь смерти Трешлинку отправлено около 265 тыс. евреев; около 25 тыс. евреев были убиты на улицах города

1942, 28 июля — попытка активистов различных партий Варшавского гетто создать общую боевую организацию не удалась

1942, 2 декабря — Подписан устав «Еврейской боевой организации», принадлежавшей социалистическому Антифашистскому блоку, идейному противнику Бейтара. Руководитель организации М. Анелевича

1943, 18 января — попытка второй массовой депортации в Трешлинку сорвалась из-за вооруженного сопротивления. Бои продолжались 4 дня. Фашистам удалось отправить в Трешлинку только 6 тысяч человек

1943, 19 апреля — Массированное наступление фашистов на центральное гетто. Официальное начало его восстания

К 16 часам 19 апреля, прорвав оборону, немцы вышли к Мурановской площади. Здесь-то и завязался единственный за все восстание длительный позиционный бой. Мурановская площадь была центром «Еврейского военного союза» Z.Z.W. В доме номер 7 находился главный штаб организации. В подвал дома номер 7 выходил туннель, по которому бойцы Z.Z.W. получали из города оружие и боеприпасы. (Всего у Z.Z.W. было 6 туннелей в разных частях гетто. Один из них, правда, был обнаружен немцами еще до восстания) Именно по этому туннелю был доставлен связным АК Юзефом Лейбским в ночь 18-19 апреля тот тяжелый пулемет, который был установлен на чердаке дома номер 17 и значительно усилил позицию восставших. В боях 19 апреля на Мурановской площади немцы потеряли танк и более сотни солдат. Но взять позицию не смогли. Позиция на Мурановской площади (с флагами восстания) была захвачена немцами только 22 апреля

1943, 20 апреля — Наступление немцев районе щеточных мастерских. Повстанцы взорвали мину под воротами в гетто; фашисты, потеряв несколько десятков человек убитыми, отступили

1943, 24 апреля — Погиб раввин Менахем Земба — духовный лидер Варшавского гетто. Накануне восстания католическая церковь предложила спасти трех оставшихся в живых варшавских раввинов, но Земба отказался уходить

Понеся значительные потери, нацисты решили сжечь центральное гетто. Оно было подожжено сначала авиабомбами, а затем специальными группами поджигателей. Многие бойцы и обитатели гетто погибли в огне, другие укрылись в бункерах, где страдали от страшной скученности, нехватки воды и продовольствия. Днем повстанцы находились в бункерах, а ночью, переодевшись в немецкую форму, устраивали засады. Постепенно немцы обнаруживали бункеры и забрасывали их газовыми шашками.

Штрооп отмечал, что для разрушения домов взрывами требуется много времени и огромное количество взрывчатки. «Самым лучшим способом уничтожения евреев остается поэтому поджог... Недочеловеки, бандиты и террористы по-прежнему укрываются в бункерах, где жара из-за пожаров стала невыносимой. Теперь эти твари слишком хорошо поняли, что перед ними встал выбор: или до последней возможности оставаться в укрытиях, или выйти на поверхность и попытаться убить или ранить людей из СС, полиции и вермахта, которые не прекращают натиска... В течение первых шести дней бой против евреев и бандитов был тяжел, но только теперь, как оказывается, в наши руки попадают евреи и еврейки, которые командовали в те дни. Каждый раз при обнаружении бункера находящиеся внутри евреи оказывают сопротивление, используя все имеющееся в их распоряжении оружие».

1943, 27 апреля — На помощь восставшим подземным ходом прибыл отряд польской Армии Крайовой под командованием майора Генрика Иваньского. Целью отряда была организация вывода части восставших из гетто. Поляки дали серьезный бой фашистам, прикрывая отступающих, среди которых было много раненых. Иваньский был ранен, его сын Роман и брат Эдуард погибли. Немцы потеряли около 100 человек убитыми и ещё один танк

1943, 27 апреля командир польского отряда Генрик Иваньский предложил Давиду Апфельбауму оставить гетто, тот отказался, так как отсутствовала связь со многими группами Z.Z.W, находившимися в других местах, а выходить, бросив своих бойцов, Апфельбаум считал невозможным. 27 апреля он был тяжело ранен.

1943. 28 апреля. Скончался Давид Апфельбаум.

1943, 29 апреля — Из рапортов бригаденфюрера СС Йоргена Штроопа: «Ход большой операции»:

«29.04.43. ...Всего было обнаружено 36 бункеров, предназначенных для жилья. Из этих и других убежищ было извлечено 2359 евреев, среди них 106 погибло в бою...»

1943, 29 апреля. Оставшиеся бойцы бригаденфюрера, потеряв к тому времени всех своих командиров, по Мурановскому туннелю покинули гетто и были дислоцированы в Михалинских лесах

1943, 2 мая — Из рапортов бригаденфюрера СС Йоргена Штроопа: «Ход большой операции»:

«2.05.43. Найдено 27 бункеров... Среди раненых — 4 немецких полицейских, 4 польских полицейских»

1943, 5 мая — небольшая группа бойцов еврейской боевой организации проникла в гетто с арийской стороны и выводила в город гражданских евреев. Прикрывая их отход, 6 мая почти вся группа погибла.

1943, 6 мая — Из рапортов бригаденфюрера СС Йоргена Штроопа: «Ход большой операции»:

«6.05.43... Был ранен унтершарфюрер СС... Всего было уничтожено 47 бункеров. 2 человека из заградительного отряда были ранены»

1943, 8 мая — Немцами окружён бункер одного из руководителей вооружённой борьбы Мордехая Анелевича, все пять входов в него блокированы. Применение газов сделало положение повстанцев безнадежным. Многие еврейские бойцы, включая М. Анелевича, покончили жизнь самоубийством

1943, 16 мая — Отчёт бригаденфюрера СС Ю. Штроопа:

«Еврейский квартал Варшавы больше не существует, уничтожено 56065 евреев»

1943, 5 июня — Последняя вооруженная стычка с немцами восставших. На Мурановской площади бой с немцами вела группа евреев из преступного мира.

Члены варшавской организации GL организовали тайную эвакуацию из гетто нескольких десятков евреев, в том числе детей.

- так, в ночь на 29 апреля 1943 года коммунисты В. Гаик и Ф. Ленчицкий вывели через подземные каналы 40 членов Z.O.B., которые были переправлены в леса
- 8 мая 1943 года В.Гаик и К. Ратайзер начали вторую операцию по эвакуации, которая продолжалась более 30 часов. В результате, 10 мая 1943 года были выведены ещё 34 повстанца Z.O.B. (в том числе — член штаба ZOB Цивья Любеткин
- 10 мая 1943 года началась третья операция, однако она была неудачной: погибли коммунисты Р. Мусельман и Ю. Золотов, которые вернулись в гетто, чтобы вывести через подземные коммуникации ещё одну группу повстанцев.

Глава 7

Герои восстания в Варшавском гетто

Мордехай Анелевич (1919-1943) — один из командиров Еврейской боевой организации (принадлежала социалистическому Антифашистскому блоку, идейному противнику Бейтара)

Исраэл Канал (1920–43) — один из командиров Еврейской боевой организации

Элиэзер Геллер (1918–43) — один из командиров Еврейской боевой организации

Марек Эдельман (1922–2009) — один из командиров Еврейской боевой организации

Ханох Гутман (1921–43) — один из командиров Еврейской боевой организации

Павел Френкель (1920-1943) — командир подразделения.

Ицхак Цукерман (1915-1981) — один из командиров повстанцев, участвовал в Варшавском восстании 1944 года

Зхарьях Артштейн (1923–43) — один из командиров повстанцев, его отряд продолжал борьбу все лето 1943 года

Михаэль Клепфиш (1913–43) — закрыл грудью амбразуру пулемета

Цивья Любеткин (1914-1978)

Леон Родадь (1913-1943)

Давид Апфельбаум (?-28 апреля 1943) — один из основателей и командир Еврейского военного союза

Давид Вдовиньский (1895-1970) — один командиров Еврейского военного союза

Калмен Мендельсон (1902-1985) — один командиров Еврейского военного союза

Иосиф Цельмайстер (1901-1968) — один командиров Еврейского военного союза

Генрик Иवानьски (1902-1978) — майор Войска Польского, командир группы поддержки восстания в Варшавском гетто

Источник: <http://chtooznachaet.ru/vosstanie-v-varshavskom-getto-kratko.html>

Штрооп вел ежедневный учет числа убитых и раненных немцев, число убитых и захваченных евреев и «бандитов». Под «бандитами» следует понимать бойцов сопротивления, под понятием евреев — мирных узников гетто.

Ежедневные показатели Штроопа в отчетах

- 19 апреля: 1 убит, 24 ранены; 580 захвачены;
- 20 апреля: 3 убитых, 10 раненых; 533 захвачены;
- 21 апреля: 0 погибли, 5 ранены; +5200 захвачены;

- 22 апреля: 3 погибли, 1 ранен; 6580 захвачен; 203 «евреев и бандитов» убиты; 35 поляков, убитых за пределами гетто;
- 23 апреля: 0 погибли, 3 ранены; 4,100 захвачены; 200 «евреев и бандитов» убитых; 3 евреи захвачены вне Ghetto.Total из 19,450 евреев;
- 24 апреля: 0 погибли, 3 ранены; 1660 захвачены; 1811 «вышли из землянки, около 330 застрелены»;
- 25 апреля: 0 убитых, 4 раненых; +1690 захвачены; 274 застрелены; «Очень большая часть бандитов ... захвачены». Всего 27,464 евреев пойманы;
- 26 апреля: 0 убитых, 0 раненых; +1722 захвачены; 1330 «разрушен»; 362 евреев расстреляны. 30 евреев «перемещенные лица». Всего 29,186 евреев взяты в плен;
- 27 апреля: 0 убитых, 4 раненых; 2560 захвачены, из которых 547 застрелены; 24 польских «бандитов убиты в бою»; 52 польских «бандитов» арестованы. Всего 31,746 евреев пойманы;
- 28 апреля: 0 погибли, 3 ранены; 1655 захвачены, из которых 110 погибли; 10 «бандитов» убиты и 9 «арестованы». Всего 33,401 евреев пойманы;
- 29 апреля: 0 убитых, 0 раненых; 2359 захвачены из которых 106 погибли;
- 30 апреля: 0 убитых, 0 раненых; 1599 захвачены из которых 179 погибли. Всего 37,359 евреев пойманы;
- 1 мая: 2 погибли, 2 ранены; 1026 захватили из которых 245 погибли. Всего 38,385 евреев пойманных; 150 убито за пределами гетто
- 2 мая: 0 погибли, 7 получили ранения; 1852 захвачены и 235 погибли. Всего 40,237 евреев пойманы;
- 3 мая: 0 погибли, 3 ранены; 1569 взяты в плен и 95 погибли. Всего 41,806 евреев пойманы;
- 4 мая: 0 убили, 0 раненых; 2238 захвачен, из которых 204 выстрела. Всего 44,089 евреев пойманы;
- 5 мая: 0 убитых, 2 раненых; 2250 захвачены;
- 6 мая: 2 погибли, 1 ранен; 1 553 захвачены; 356 расстреляны;
- 7 мая: 0 убит, 1 ранен; 1109 захвачены; 255 расстреляны. Всего 45,342 евреев пойманы;
- 8 мая: 3 погибли, 3 ранены; Тысячу девяносто-один захвачены и убиты; 60 «тяжело вооруженные бандиты» пойманы.
- 9 мая: 0 убит, 0 ранен; 1037 «евреи и бандиты» пойманы и 319 «бандитов и евреи» выстрел. Всего 51,313 евреев пойманных; 254 «евреи и бандиты» уничтоженных вне гетто;
- 10 мая: 0 убит, 4 раненых; 1183 пойманы и 187 «бандиты и евреи» расстреляны. Всего 52,693 евреев пойманы;
- 11 мая: 1 погиб, 2 ранены; 931 «евреи и бандиты» пойманы и 53 «Бандитов» расстреляны. Всего 53,667 евреев пойманы;
- 12 мая: 0 убит, 1 ранен; 663 пойманы и 133 выстрела. Всего 54,463 евреев пойманы;
- 13 мая: 2 погибли, 4 ранены; 561 пойманы и 155 выстрела. Всего 55,179 евреев пойманы;
- 14 мая: 0 погибли, 5 ранены; 398 пойманы и 154 «евреи и бандиты» расстреляны. Всего 55,731 евреев пойманы;
- 15 мая: 0 убит, 1 ранен; 87 пойманы и 67 «бандиты и евреи» расстреляны. Всего 56,885 евреев пойманы;
- 16 мая: 0 убит, 0 раненых; 180 «евреи, бандиты и недочеловеков уничтожены». Всего 57,065 евреев либо захвачены, или убиты

По подсчетам Штроопа, во время боев в Варшавском гетто с 19 апреля по 16 мая было убито около 7000 евреев, кроме того, около 5000—6000 погибли внутри зданий и бункеров от огня и взрывов. 56 065 человек, согласно рапорту Штроопа, были схвачены и вывезены из Варшавы. Многие из них выскакивали на ходу из поездов, получая увечья или погибая под пулями охраны. Группа евреев пыталась выскочить из вагона ночью во время стоянки поезда на Гданьском вокзале. Немцы

открыли огонь и перебили 36 человек. Перенося трупы, еврейские рабочие, работавшие на вокзале, обнаружили, что одна женщина еще жива. С помощью железнодорожника-поляка ее удалось переправить в рабочую казарму; немец-инспектор, которому сказали всю правду, разрешил ей остаться.

До нас дошло чудом сохранившееся завещание узника Варшавского гетто Йосефа Раковера. Завещание датируется 28 апреля 1943 года. В нем написано:

«Варшавское гетто погибает с боем, с выстрелами, в пламени, но без воплей. Евреи не кричат от ужаса».

Штрооп оставил в догорающем гетто батальон немецкой полиции. Полицейские прочесывали местность, перерезали последние водопроводные трубы, отравляли все обнаруженные резервуары и источники воды, забрасывали колодцы полусгнившими трупами, обливали керосином найденные остатки пищи, взрывали и заваливали дороги. Ежедневно они засыпали все люки, но евреи, намеревавшиеся бежать из гетто по канализационным трубам, по ночам раскапывали их. Столкновения с разрозненными группами повстанцев происходили еще в июне и июле. В середине июля немцы принялись систематически взрывать развалины в гетто, однако группы вооруженных евреев снова прокрадывались в уже, казалось, очищенную зону. Поэтому осенью немцы, прочесывая бывшее гетто, повторно взрывали развалины.

Руины Варшавы после подавления восстания.

Из обращения к полицейскому руководству в Берлине жительницы Варшавы, немки по национальности **28 июля 1943 г:**

«СС обещало очистить гетто за 3 — 4 дня, а между тем бои длятся уже 5 недель».

Когда в **1944** году вспыхнуло восстание в Варшаве, некоторые из оставшихся в живых повстанцев варшавского гетто присоединились к этому восстанию. Среди них были Марек Эдельман и Симха Ротем.

Генерал Штрооп в своем рапорте дает немецкую версию подавления восстания. Раппорт выглядел как подарочный альбом для Гиммлера и содержал пятьдесят две чёрно-белые фотографии с места событий. Согласно рапорту, в период восстания (с 19 апреля по 16 мая) в польском гетто были убиты тринадцать тысяч жителей, в том числе около шести тысяч погибших в огне подожжённых домов и в ходе артиллерийского обстрела и бомбардировки. Пятьдесят тысяч человек были схвачены и вывезены в Треблинку и Майданек.

Один из рапортов Штроопа:

«Ход большой операции 29.04.43. ... Всего было обнаружено 36 бункеров, предназначенных для жилья. Из этих и других убежищ было извлечено 2359 евреев, среди них 106 погибли в бою... Силы: как вчера; потери: нет». «Ход операции 2.05.43... Найдено 27 бункеров... Среди раненых – 4 немецких полицейских, 4 польских полицейских.». «6.05.43... Был ранен унтершарфюрер СС... Всего было уничтожено 47 бункеров. 2 человека из заградительного отряда были ранены.» Как мы видим, при уничтожении бункеров (всего был уничтожен 631 бункер), немцы несли некоторые потери. Но потери эти совершенно несравнимы с потерями первых дней».

Штрооп писал: *«Надо учесть, что в большинстве случаев нам не удавалось захватить оружие потому, что евреи и бандиты, прежде чем попасть в плен, выбрасывали его в такие бункеры и укрытия, которые мы не могли обнаружить. Выкуривание бункеров также мешало нашим людям обнаруживать и собирать оружие. С тех пор как нам пришлось взрывать бункеры, мы уже не могли искать оружие».*

Во время боев в Варшавском гетто с 19 апреля по 16 мая было убито около 15 тысяч евреев. Около 40 тысяч человек были схвачены и вывезены в лагеря смерти. Спастись из Варшавского гетто во время, и после восстания смогли около 3000 человек. Немецкие потери в Варшавском гетто оцениваются по-разному. Подпольная пресса Варшавы писала о 120, 300, 400, даже о 1000 убитых. Немецкие потери по оценкам подпольной прессы оцениваются до 1000 человек. Штрооп отчитывался о 16 убитых и 90 раненных. Можно предположить, что в своем отчете Штрооп не учитывал потери украинцев и литовцев, принимавших участие в подавлении восстания. Если принять во внимание факт многонедельных боев в гетто, применение немцами артиллерии, танков, бронированных автомобилей, тяжелых пулеметов, огнеметов и газов против горстки плохо вооруженных повстанцев, большая часть которых не была обучена владению оружием, немецкие потери должны были быть многократно большими.

Следует, однако, принять во внимание не только чудовищное неравенство сил. Отсутствовали условия и для сколько-нибудь эффективной партизанской борьбы. Опыт истории учит, что партизанская война может вестись с успехом в тылу врага там, где благоприятны условия местности, где есть возможность избегать боя с главными силами противника, нападать врасплох, атаковать тыловые части и разрозненные группы. Еврейским же повстанцам приходилось вести непрерывную борьбу на территории, ограниченной несколькими улицами, где маневр сводился к передвижению на сотню-других метров. В такой обстановке обороняющиеся не могли избежать больших потерь, им было крайне трудно, почти невозможно, оторваться от противника при отходе, избежать окружения, а то и полного уничтожения своих сил.

Среди командиров повстанцев не было кадровых офицеров, не было людей с военным образованием. Они могли воспользоваться опытом лишь нескольких бывших солдат и унтер-офицеров, служивших ранее в польской армии и участвовавших в сентябрьской кампании 1939 г. Подавляющее большинство боевиков, составляли юноши и девушки 18–25 лет, не бравшие в руки оружия до вступления в боевую организацию.

Для партизан, действующих «в обычных для них условиях», решающее значение имеет поддержка населения, конечно, если противник хоть сколько-нибудь заинтересован в нормальной хозяйственной жизни в районе партизанских действий. В Варшавском же гетто главной целью врага было как раз уничтожение гражданского населения, которое не только не могло ничем помочь партизанам, но и само нуждалось в их поддержке.

Следует признать, что повстанцы не были поддержаны населением. Это еще в большей степени усиливает представление о повстанцах как о героях, мужественно сражавшихся с нацистами. Они опровергли миф о том, что евреи не способны на сопротивление.

Из отчета генерала Штроопа:

«Польское население по большей части одобрило меры, принятые против евреев. Незадолго до окончания крупномасштабной операции губернатор издал специальное заявление, которое он представил нижеподписавшимся для утверждения перед публикацией польскому населению; в нем он сообщил им о причине разрушения бывшего еврейского гетто, упомянув убийства, совершенные в последнее время в районе Варшавы, и братские могилы, найденные в Катыни; в то же время их попросили помочь нам в нашей борьбе против коммунистических агентов и евреев»

Юрген Штрооп и его подручные

Однако, несмотря на то, что все руководители восстания погибли в первые дни противостояния, бои с малочисленными еврейскими группами проходили почти до конца лета.

«Затянувшиеся бои в гетто ослабили престиж немецкого оружия в глазах населения польской части Варшавы, которое стало говорить о «немецко-еврейской войне», о «третьем фронте» и т. п. Всезнающее гестапо позволило застигнуть себя врасплох, а вермахт и СС долго не могли сломить сопротивление евреев» - пишет Соломон Пинский.

Александр Донат, оставшийся в живых в Варшавском гетто, пишет, в частности, в «Наши последние дни в Варшавском гетто», в комментарии Журнал в мае 1963 года:

«Люди сопротивления находились под командованием Павла Френкеля и Леона Родала и были лучшими вооруженными и наиболее подготовленными бойцами в гетто».

Взгляд из Берлина на боевые действия в Варшавском гетто в записи дневника Йозефа Геббельса за 1 мая 1943 года:

«В сообщениях с оккупированных территорий нет ничего сенсационного. Единственное, что заслуживает внимания, это исключительно острые бои в Варшаве между нашей полицией, а отчасти даже вермахтом и еврейскими повстанцами. Евреям действительно удалось привести гетто в состояние самообороны. Там происходят некоторые очень тяжелые битвы, которые зашли настолько далеко, что высшее руководство евреев публикует ежедневные военные отчеты. Конечно, эта шутка, вероятно, не продлится долго. Но это показывает, чего можно ожидать от евреев, если у них есть оружие. К сожалению, у них также есть хорошее немецкое оружие, в частности, пулеметы. Небеса знают только, как они их заполучили».

Дж. Геббельс, *Геббельс Tagebuecher aus den Jahren 1942–1943*, Цюрих, 1948, с. 318.

Донесение Штроопа от 11 мая 1943 года. Обратите внимание на дату **11 мая 1943** года!

«Ход крупномасштабной операции 11 мая 1943 года, начало в 09:30.

Разведчики, разсланные вчера вечером, снова сообщили, что в землянках все еще должно быть несколько евреев, поскольку некоторых евреев видели на разрушенных улицах. Скаутские отряды расстреляли 12 евреев. На основании этих сообщений сегодня я снова сформировал рейд-отряды, которые в ходе операций по обнаружению обнаружили, захватили и уничтожили в общей сложности 47 блиндажей. Сегодня мы снова поймали нескольких евреев, которые нашли убежище в руинах, которые все еще были защищены крышей. Евреи и бандиты все еще ищут это новое убежище, потому что пребывание в землянках стало невыносимым. Была обнаружена одна землянка, в которой находилось около 12 комнат, оборудованных сантехникой, водопроводом и отдельными ванными комнатами для мужчин и женщин. Значительное количество пищи было захвачено. Всего было поймано 931 еврей и бандита. 53 бандита были расстреляны. Многие из них погибли, когда были взорваны землянки и когда пожар уничтожил небольшой блок зданий. Общее число евреев, отловленных на сегодняшний день, возросло до 53 667 человек. Мы захватили несколько пистолетов, ручных гранат и боеприпасов.

Мы не смогли систематически выкурить канализационные трубы, потому что у нас не хватает дымовых свечей. «ОФК» готов предоставить новые дымовые свечи.»

После войны польскими историками на месте боев апреля 1943 года было найдено прощальное письмо одного из защитников варшавского гетто. Это документ, не часто упоминающийся исследователями, несмотря на его уникальность, свидетельствует о смелости и самоотверженности уверенного в себе, но страдающего человека:

"Варшава, 28 апреля 1943 года. Я, Иосель, сын Иоселя Раковера из Матернополя, пишу эти строки в тот час, когда Варшавское гетто пылает, а дом, в котором я нахожусь теперь, — один из последних, еще не объятых огнем. Уже в течение нескольких часов мы подвергаемся обстрелу, и стены вокруг меня рушатся. Еще немного — и дом, в котором я нахожусь, превратится в могилу для своих защитников и жильцов, как и все наши дома в гетто. Огненно-красные острые лучи солнца, проникающие через маленькое окошко моей комнаты, из которого мы дни и ночи стреляли по врагу, говорят мне, что теперь вечер, сумерки заката. Солнце, конечно, не знает, насколько не жаль мне, что больше не увижу его...

Когда я с женой и детьми — их было шестеро — скрывался в лесах, ночь, только ночь укрывала нас; день же выдавал нас в руки преследователей. Разве забыть мне тот немецкий огненный град, падавший на головы тысяч беженцев по дороге из Гродно в Варшаву? С восходом солнца поднялись в воздух самолеты и в течение целого дня сеяли смерть. Там погибла моя жена с семимесячным птенцом на руках, а двое из оставшихся пятерых детей потерялись в тот день. Трое уцелевших детей погибли в Варшавском гетто. Теперь наступает мой час. Подобно Иову я мог бы сказать о себе: «Нагим я вышел из чрева матери моей, и нагим возвращусь я туда». И эти слова отозвались бы тысячеголосым эхом. Мне сорок лет, и, оглядываясь на прожитые годы, я утверждаюсь в уверенности (в той мере, в какой человек может быть уверенным в себе), что жил честно. Удача сопровождала меня в жизни, но я не кичился этим. Дом мой был открыт для всех нуждающихся, и я был рад делать людям добро... В нынешнем положении я, разумеется, не жду чудес и не прошу Б-га сжалиться надо мной. Я не буду пытаться спастись и бежать отсюда. У меня остались еще три бутылки с бензином после того, как несколько десятков бутылок израсходованы на врагов. Варшавское гетто погибает с боем, с выстрелами, с борьбой, в пламени, но без воплей. Евреи не кричат от ужаса. Они принимают смерть как избавление. У меня есть только три бутылки, и дороги они мне, как вино для пьяницы. Когда я вылью содержимое одной бутылки на себя, я положу в неё бумагу, на которой я пишу теперь, и спрячу между кирпичами... и прочтет, быть может, он поймет чувства еврея, И если когда-нибудь кто-нибудь найдет ее одного из миллионов, который умер. Две оставшиеся бутылки я разобью о головы нечестивцев, когда наступит последний миг. Я горжусь тем, что еврей, не назло миру, так относящемуся к нам, а именно из-за этого отношения. Я стыдился бы принадлежать к народам, которые произвели на свет и взлелеяли преступников, ответственных за то, что делают с нами. Я горжусь тем, что я еврей, потому что трудно быть евреем, о, как трудно. Не нужен героизм, чтобы быть англичанином, американцем или французом. Еврей — это герой, мученик, святой. Вы, ненавистники, говорите, что мы дурны, злы. Мы тоньше и лучше вас, — посмотрел бы я, как бы вы выглядели на моем месте. Я счастлив принадлежать к несчастнейшему из всех народов земли, чей Закон — представитель всего самого возвышенного и прекрасного в законах и этиках. Этот освященный Закон ныне оскверняют и топчут ненавистники Б-га, тем самым только увековечивая и освящая его Ты утверждаешь, что мы грешили. — Конечно, грешили. И поэтому мы наказаны? Я могу понять и это. Но скажи мне, есть ли на земле грех, заслуживающий такое наказание, которому подвергнуты мы? Ты утверждаешь, что воздашь ненавистникам по заслугам!

Я убежден, что будешь воздавать беспрестанно. Я не сомневаюсь в этом. Но скажи, есть ли на земле кара, способная искупить такое злодеяние? Хочу открыто сказать Тебе, что теперь мы унижены и притесняемы больше, чем когда-либо на нашем бесконечном пути страданий, и замученных, поправленных, задушенных, погребенных заживо и сожженных заживо среди нас больше, чем когда-либо, нас уничтожают миллионами. Если мои ненавистники столь темны и столь злы — кто я, как не носитель частицы Твоего света, Твоей доброты? Я не прошу Тебя покарать виновных. В конце концов, они сами покарают себя, — это заложено в самой природе ужасных событий, — потому что с нашей смертью умирает совесть мира, потому что весь мир погибает с убиением Израиля. Мир сам сожрет себя в своей порочности, он утонет в своей крови. Смерть не может больше ждать, и я вынужден закончить. С верхних этажей все реже доносятся выстрелы. Падают последние защитники нашей крепости, и вместе с ними рушится и погибает большая Варшава, прекрасная богобоязненная

еврейская Варшава. Солнце заходит, и я благодарю Б-га за то, что больше не увижу его. Я вижу багрянец пожаров и клочок неба, красный и беспокойный, как поток крови. Самое позднее через час я буду уже с моей женой, с моими детьми и с миллионами других сыновей моего народа в том лучшем мире, в котором нет больше сомнений и в котором Б-г — единственный властелин. Я умираю спокойный, но не удовлетворенный; изувеченный, но не отчаявшийся; веруя, но не прося пощады; любя Б-га, но не повторяя слепо «Амен»."

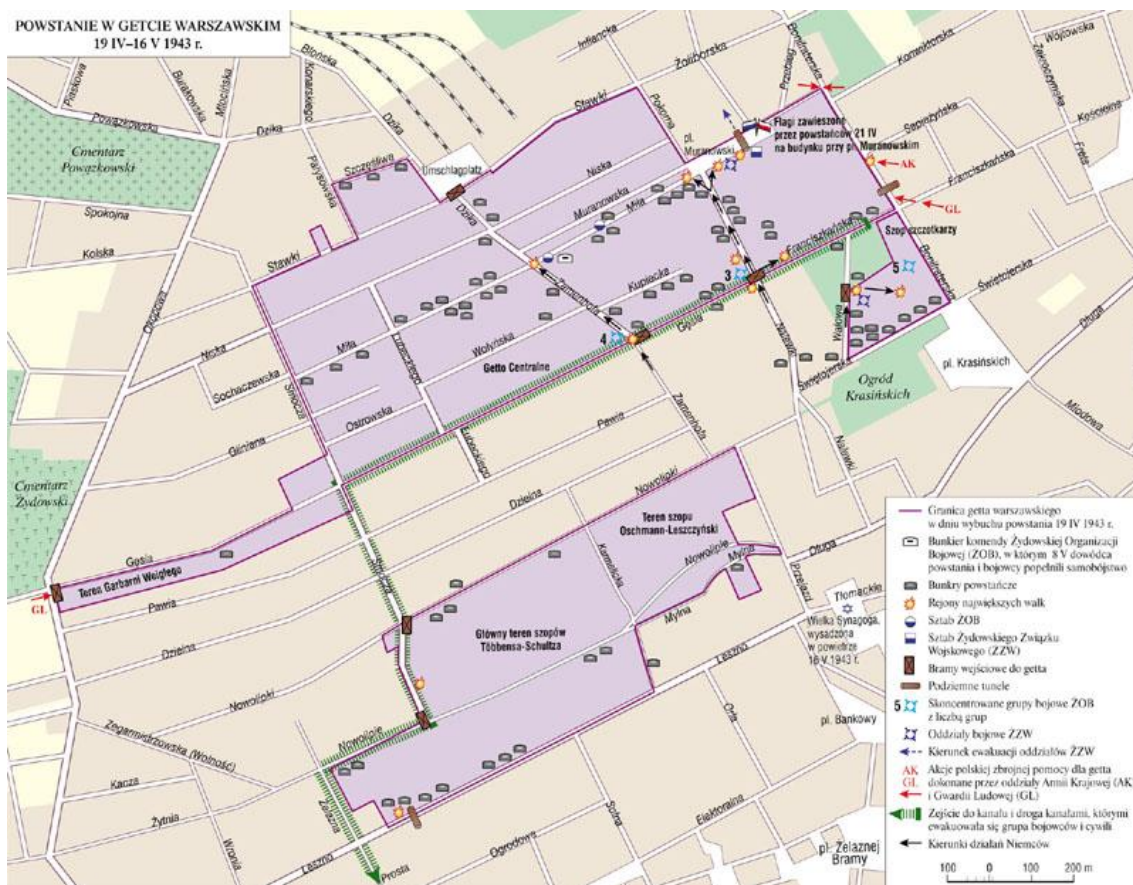
О последних днях сражения в гетто рассказывает Штрооп в книге Казимежа Мочарского «Разговоры с палачом»:

- «26 апреля 1943 я отправил на работы в «Werke Poniatowo GmbH» тридцать высококвалифицированных еврейских рабочих-металлистов. Мои люди застрелили 1700 евреев и евреек, из них около четырёхсот человек непосредственно в бою. Мы заняли 13 бункеров. – Во вторник 27 апреля я применил новую тактику. С 9 часов утра до 15 часов небольшие отряды прочёсывали «Рестгетто» и выловили около восьмисот евреев, при этом застрелили более сотни оказавших сопротивление. Причём часто вооружённое. А после 16 часов мы атаковали укреплённые дома на улице Низкой. Тут я должен обратить внимание читателя на то, что Штрооп очень редко употреблял названия улиц в гетто. Он упоминал только Низкую, Милую, Кармелитскую (Karmelitenstrasse), Мурановскую площадь, Бонифратерскую, Простую и Налевки, но и их не мог правильно расположить (за исключением Милой, Простой и Мурановской площади). – Для зачистки улицы Низкой я использовал около четырёхсот отборных эсэсовцев и весь подчинявшийся мне Вермахт. Мы бились до ночи, до 22:30. Методы, применявшиеся в «битве за улицу Низкую», те же, что и раньше. Марш на сближение. Затем первая перестрелка. Подтягиваем артиллерию. Короткое наступление. Когда у нас появляются первые раненые (в том числе один «аскарис») я выдвигаю вперёд расчёты огнемётов. Всё время строчат пулемёты. Огонь продвигается вперёд (поджигаем с подветренной стороны). Мы за огнём. Потихоньку, потихоньку. Ищем движущиеся мишени. Евреи прыгают из окон, с балконов, с чердаков, с крыш. Снайперы берут на мушку «парашютистов». Некоторые евреи, отчаявшиеся и подавленные, другие, наоборот – до последней секунды решительные и задиристые. Проклинают нас, ругаются последними словами. Некоторые поют польский гимн, другие – псалмы. – В это время специальные группы при поддержке сапёров начинают выискивать и взрывать бункеры в тех местах, которые уже немного остыли после пожара. Большинство бункеров сопротивляются и обороняются. Приходится бросать дымовые шашки, а иногда использовать огнемёт. Вытаскиваем из бункеров евреев. Потом разделение, ликвидация сопротивляющихся, и так далее и так далее... – И тут доктор Ганн мне докладывает, что сразу же за гетто с северо-восточной стороны собрались евреи и «арийцы», что у них «в малине» оружие, и что их довольно много. А может быть это какая-то частичная мобилизация польского *Widerstandsbewegung*? Быстро посылаю штурмовую группу под командованием забяки – обер-лейтенанта полиции Дилия. Наши вступают в бой. Но противник силен. Ганн посылает подкрепление. Доктор Каа советует действовать, не спеша: дотянуть до ночи, обложить кордонами, чтобы не раздражить поляков и не вынуждать их на отчаянные действия, потому что «пожар перекинется из гетто на всю Варшаву, и тогда могут быть большие хлопоты». Диль докладывает, что среди этой окружённой за гетто группы находятся солдаты Вермахта. Я думал, что Диль спятил. З Уведомляю обо всей этой истории Берлин. Я уже не думаю о гетто, об улице Низкой, которую мои эсэсовцы методично жгут и взрывают. В конце концов, генерал Крюгер поручает Ганну заняться группой, окружённой отрядом Дилия. Ганн и Каа решают этот вопрос, но не войсковыми методами, а с помощью полиции. Они работают целую ночь и до полудня следующего дня. В итоге ликвидировано около 75 процентов этих собравшихся под стенами гетто евреев и поляков. Остальным удалось уйти. Как говорил позже доктор Каа, там были и бойцы Еврейской боевой организации, и аковцы, и аловцы, и члены других мелких польских конспиративных групп, а также польские полицейские, так называемые «синие». Доктор Каа приказал этих полицейских сейчас же расстрелять. Ганн и Каа очень не

любили польских полицейских. Они говорили, что обязаны соблюдать решение центральных властей и генерал-губернатора Франка о формировании и поддержании польской криминальной полиции, но хорошо знают, что по крайней мере 40 процентов этих полицейских – это активные, и глубоко законспирированные агенты польского подполья и английской разведки. – В общей сложности в этот день было схвачено почти три тысячи евреев и несколько десятков «арийцев», а застрелили мы около тысячи человек. Хлопотным и нервным выдался этот вторник 27 апреля 1943 года... Следующие дни ликвидации гетто также причинили немало забот людям Юргена (Йозефа) Штроопа. – Это уже были не безвольные массы – рассказывал он – а сионистская элита. Эти люди знали, почему сражаются и за что сражаются. Они были твёрдыми. С характером. Обученные. Оснащённые. Выносливые и ловкие. И готовые к смерти.

– А вы не считаете, что повстанцы в гетто также знали, что самое важное это не смерть, а то, как умирать, что они защищали чувство собственного достоинства, честь и память будущих поколений? – спросил я однажды Штроопа. Тот сейчас же ответил мне выученным тоном и языком партийных брошюр НСДАП: Ведь еврей – это неполноценный человек. Евреи – это полулюди. У них другая кровь, другие кости, другие ткани и другие мысли, чем у нас – европейцев, а в особенности у нас – людей нордического типа. До 1 мая 1943 года бои в гетто носили, как рассказывал нам Штрооп, примерно такой же характер и не отличались напряжением. Это означало скрупулезный и педантичный осмотр уже захваченной территории гетто, захват новых домов. Перестрелки, бутылки с горючей смесью, самодельные гранаты еврейского производства, мины. Неустрашимая подвижность евреев. Всё более тяжёлые и продолжительные бои с гарнизонами укрепленных боевых бункеров, обнаружение подземных жилищ. – 28 апреля – продолжал свой отчёт Штрооп – мы, провозившись несколько дней, вскрыли, наконец, самый великолепный еврейский бункер из всех, которые я видел в жизни. На глубине двух этажей от поверхности земли, оснащённый тройной системой вентиляции, тремя источниками электрического питания, с кухнями, туалетами, несколькими душами, подводом городского водопровода и маленьким артезианским колодцем. Кроме того, бункер располагал складами топлива, запасами воды, вместительными кладовыми и холодильными камерами для провизии. Хитрая система. Бункер был чрезвычайно функционален. В нём было несколько выходов по длинным коридорам и бронированные двери между помещениями. Мы обнаружили его после предварительного осмотра территории в ночное время, а также при помощи служебных собак-ищеек и акустических зондов. В течение дня зонды ничего не могли показать из-за постоянного шума. Но ночью, когда наступала относительная тишина, зонды засекали звуки разговоров и шум электрических генераторов в бункерах. А служебные собаки (и один эсэсовец, нос у которого был на вес золота: он обладал феноменальным обонянием и до войны работал экспертом на парфюмерной фабрике) ночью, когда не было сильного ветра, чуял, откуда идёт запах кухонь. В замаскированном бункере можно было готовить только некоторые виды продуктов, которые при разогреве издавали сильный запах. – Из этого бункера мы извлекли около трёхсот евреев и евреек с детьми. Это были богатые и некогда очень влиятельные и обеспеченные люди. Они очень понравились нам своим бункером, но за то, что оказались такими ловкими и за то, что так нам понравились – получили они как следует. – С 28 апреля по 1 мая включительно мы ликвидировали более ста бункеров, захватили более шести тысяч евреев и убили в столкновениях около семисот пятидесяти боевиков. Среди них были и люди из штаба Еврейской Боевой Организации. Число всех, захваченных с 19 апреля евреев, возросло до 38 500. Все эти данные весьма относительные и неполные. Кстати, люди доктора Ганна застрелили за территорией гетто в «арийской» части Варшавы и в пригородах несколько сотен, а может быть даже тысячу евреев, бежавших из гетто. А это не пустяковые цифры. И поэтому Большая Акция так затягивалась. Действительное число евреев в гетто оказалось на 50-60 процентов больше того числа, на которое мы рассчитывали. И это было единственной причиной того, что Grossaktion продолжалась так долго».

<https://www.livelib.ru/quote/42627670-razgovory-s-palachom-kazimezh-mocharskij>

Карта-схема восстания, на которой лиловым цветом отмечена территория гетто, разделенного на два анклава, серыми значками - бункеры повстанцев, желтыми "вспышками" - места наиболее ожесточенных боев, черными стрелками - наступление немецких войск, а красными - атаки польских партизан, пришедших на помощь повстанцам.

Глава 8.

Как реагировали на боевые действия в гетто граждане Варшавы.

Реакция польского населения на гибель гетто не была однородной.

Подпольная пресса много писала о героизме евреев, называла оборону гетто «малым Сталинградом», «геттоградом», сравнивала бои в гетто с осадой Вестерплатте в 1939 г.

С энтузиазмом и восхищением передавались подробности о сражениях в гетто, часто преувеличенные сведения о неудачах немцев, об их потерях, о тысячах убитых эсэсовцев, о танках, якобы захваченных повстанцами. Утверждали, что видели «еврейскую Жанну Д'Арк» — восемнадцатилетнюю девушку в панцире, который не брали пули.

«Информационный бюллетень» Армии Крайовой писал, что, взявшись за оружие, еврейские граждане Польши стали намного роднее польским соотечественникам, чем тогда, когда они позволяли вести себя на бойню. Некоторые, связывая с боями в Варшавском гетто преувеличенные надежды, готовы были видеть в них начало общенационального восстания.

Советские военнопленные, работавшие в районе Восточного вокзала, послали «героическим евреям», «молодцам-ребятам» письменное поздравление

Определенной части польской буржуазии преследование гитлеровцами евреев принесло выгоду: она избавилась от долгов еврейским банкирам и купцам, овладела многочисленными еврейскими предприятиями, движимым и недвижимым имуществом, избавилась от еврейской конкуренции. В физическом истреблении евреев польские буржуа видели одну из гарантий прочности своих приобретений. Поэтому антисемиты и правая часть подполья откровенно радовались произошедшей с евреями катастрофе, тому, что Варшава стала наконец «юденфрай», что немцы взяли на себя грязную работу, которую так или иначе необходимо было выполнить. Радость омрачалась лишь опасением, что немцы, пожалуй, возьмутся и за поляков. Исторически в Польше были достаточно сильны антисемитские настроения, многие поляки рассматривали еврейских предпринимателей, торговцев и ремесленников как своих конкурентов. Эти настроения вновь разжигались нацистской пропагандой. Поляки часто присваивали имущество выселенных и убитых евреев, занимались шантажом и вымогательством. Часто, получив деньги от евреев, искавших укрытия на «арийской» стороне, поляки выдавали беглецов гестаповцам. Многие поляки наживались на контрабандных операциях в гетто. Однако постепенно в обществе нарастали и другие настроения. Осенью 1942 года группа католических деятелей — писательница Зофья Косак, Владислав Бартошевский и др. — создали Временный комитет помощи евреям, вскоре преобразованный в Совет помощи (организация «Жегота»). В «Жеготу», пользовавшейся поддержкой Лондонского эмигрантского правительства и Армией Крайовой, вошли ряд польских и еврейских общественных организаций. Сотрудники «Жеготы» подыскивали убежища, разыскивали родственников, собирали деньги, помогали евреям в концлагерях. Член «Жеготы», варшавская медсестра Ирена Сендлер организовала спасение из гетто более 2000 детей, устроив их в польские семьи и приюты. Одним из центров морального сопротивления стала католическая церковь. Многие священники тайком крестили евреев, а порой выписывали фальшивые документы о крещении, в католических приютах и детских домах нашли укрытие сотни еврейских детей. Тысячи поляков прятали евреев в своих домах, хотя за укрывательство смертная казнь грозила всем членам семьи. Руководители Армии Крайовой не одобряли антисемитизма, но долгое время скептически относились к сотрудничеству с еврейским подпольем и к возможности вооруженного сопротивления евреям. Поэтому неохотно передавали оружие в гетто, так как опасались, что оно пролежит там без дела. Многие были уверены, что евреи не способны сражаться. На «арийской» стороне раздавались голоса возмущения тем, что евреи в гетто не сопротивлялись акциям уничтожения и покорно шли на смерть. Только первые вооруженные акты сопротивления в гетто изменили эти настроения и заставили руководство АК пойти на более тесное сотрудничество.

По-разному реагировали на гибель гетто и жители Варшавы. Начало боев в гетто совпало с празднованием Пасхи. На одной из площадей возле гетто были установлены праздничные карусели, и толпы обывателей развлекались вместе с немецкими солдатами, словно не замечая

происходившей рядом трагедии. Другие толпы ротозеев собирались неподалеку от стен гетто посмотреть на диковинное зрелище: на горящие улицы, обуглившиеся тела, на живые факелы, мечущиеся по крышам. Немцы не отгоняли зевак, тем более, что некоторые из зевак указывали им на оставшихся в живых евреев. Раздавались и такие замечания: «Мало им, жидам!», «Это клопов жгут»; более «сердобольные» высказывались в стиле: «Даже кота жаль, а еврей все-таки человек, хотя и сосет нашу кровь». Однако многие смотрели на бойню с ужасом и состраданием. И если многие поляки говорили, что беда коснулась соседа, то были и те, кто понимал: несчастье случилось с самим польским народом, частью которого являются евреи.

Одна из подпольных газет писала в те дни:

«Истребляя еврейское население, истребляли часть польского общества, ослабляли нас, и не только численно. Каждый не отравленный ядом гитлеризма поляк без труда поймет, что ... в первую очередь уничтожены сотни тысяч рабочих рук, квалифицированных ремесленников, вырезаны десятки тысяч польских (хотя и еврейского происхождения) интеллигентов, тысячи выдающихся представителей польской науки и искусства...» Подпольная пресса писала о героизме евреев, выражая надежду на общенациональное восстание. Информационный бюллетень Армии Крайовой писал о том, что «польские евреи, взявшиеся за оружие, стали намного роднее польским соотечественникам, чем когда они разрешили вести себя на бойню».

О «симпатиях» к евреям поляков свидетельствуют многочисленные факты участия поляков в уничтожении евреев. Известны и факты выдачи поляками нацистам евреев, сумевших выбраться из гетто. Владельцы банков, страховых компаний и торговцев откровенно радовались уничтожению евреев, поскольку избавлялись от своих долговых обязательств и становились владельцами предприятий и недвижимости, принадлежащей евреям. Польские антисемиты радовались тому, что Польша раз и навсегда избавилась от «засилья евреев». Крайне правая польская пресса призывала поляков не поддаваться «ложному гуманизму» и не помогать евреям, которые заслужили такую судьбу.

Были еще и уличные разговоры, которые с документальной точностью приводит Рингельблюм.

Благочестивая бабушка:

“ Во время большой недели (имеется в виду пасхальная неделя) евреи пытали Христа. А теперь на большой неделе евреев пытаются немцы.”

70-летний священник:

“Хорошо то, что произошло. У евреев в гетто имелась большая военная сила. Если бы они не направили ее против немцев, то они использовали бы ее против нас”.

Разговор в трамвае:

“Маленьких еврейчиков сжигают, а большие владеют в Америке и после войны также будут владеть над нами”.

Домохозяйка:

“Страшно видеть, что происходит в гетто, ужасные вещи. А может хорошо, что так случилось, евреи сосут нашу кровь”.

Два коммерсанта.

Один сожалеет о том, что из-за пожаров в гетто будущая Польша много потеряла. Другой отвечает:

“Не печальтесь: гетто - вонючий район и хорошо, что его больше не будет. Мы построим рай без евреев.”

Старая дева, учительница:

“Человек жалеет кошку, но ведь еврей тоже человек, хотя он и еврей”.

Жена капитана, служащая почты:

“Перед войной евреи занимались шпионажем в пользу врагов, а теперь эти выродки требуют от нас помощи. Не за кого проливать кровь.”

Член Польской социалистической партии:

“Организация не подготовлена к вооруженному выступлению. Мы сочувствуем евреям в их трагическом положении. Надо им поставлять оружие, но активное сотрудничество невозможно. Во имя высшего дела, во имя борьбы за независимость надо все выстрадать. Партия должна избрать удобный для нее момент для борьбы и не считаться с сантиментами. Такую точку зрения разделяли и представители других политических течений польского подполья, в частности его объединенной боевой организации - Армии Крайовой..

Немцы напрасно боялись, что восстание перекинется на арийскую часть Варшавы, а то и полыхнет дальше, и тогда уж точно придется снимать с фронта войсковые соединения. Один из командиров АК заявлял Цукерману:

«Скажу вам откровенно: мы не верим вам. Мы верим, что гетто - не более, чем база Советской России. Существует план, и мы, поляки, знаем о нем: восстание в Варшавском гетто готовили русские, и у вас больше оружия, чем вы говорите. Я уверен, что 1 мая они высадят десант в Варшавское гетто».

На просьбу Еврейской боевой организации о помощи генерал Армии Крайовой Хрущицель предложил обучить группу боевиков и отправить их в партизанские отряды, действующие за сотни километров от Варшавы, на Волыни, хотя и оккупированной немцами, но попавшей после сентября 1939 года в советскую зону.

Смысл такого ответа был ясен: «Отправляйтесь к своим большевикам». Тем не менее, как вспоминал Хрущицель после войны, уже находясь в США, после начала восстания он предложил командующему АК генералу Коморовскому провести акции помощи восставшим.

Было бы несправедливо не отдать должное многим тысячам поляков, которые с риском для жизни спасали евреев, усыновляли еврейских детей и брали на себя заботу об их существовании. Нередко евреи находили убежище и у крестьян. Немалую поддержку евреям оказывали и некоторые служители церкви.

Знали ли руководители государств антигитлеровской коалиции о том, что происходит в Варшаве?

Ян Карский, бывший дипломат, ставший курьером польского подполья, решил довести до стран антигитлеровской коалиции свидетельства об уничтожении евреев Польши. Он с помощью подпольщиков дважды проникал в варшавское гетто, а затем в пересыльный лагерь Избица Любельская. Он видел, как живут евреи в гетто, видел обнаженные трупы людей на тротуарах гетто и худых, как скелеты, детей, просящих подаяние. Он был очевидцем продолжающегося геноцида евреев. Используя поддельные документы и преодолев многочисленные трудности, осуществив побег из рук Гестапо, где подвергся пыткам, он сумел добраться до Лондона. В Лондоне он подготовил подробный доклад для польского правительства в изгнании, находившегося в Лондоне. Еще один доклад он подготовил для министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена. Из Лондона он был направлен в Вашингтон, где у него состоялась часовая беседа с президентом Рузвельтом. Он призывал и английского министра иностранных дел Идена, и президента Рузвельта остановить геноцид евреев Польши.

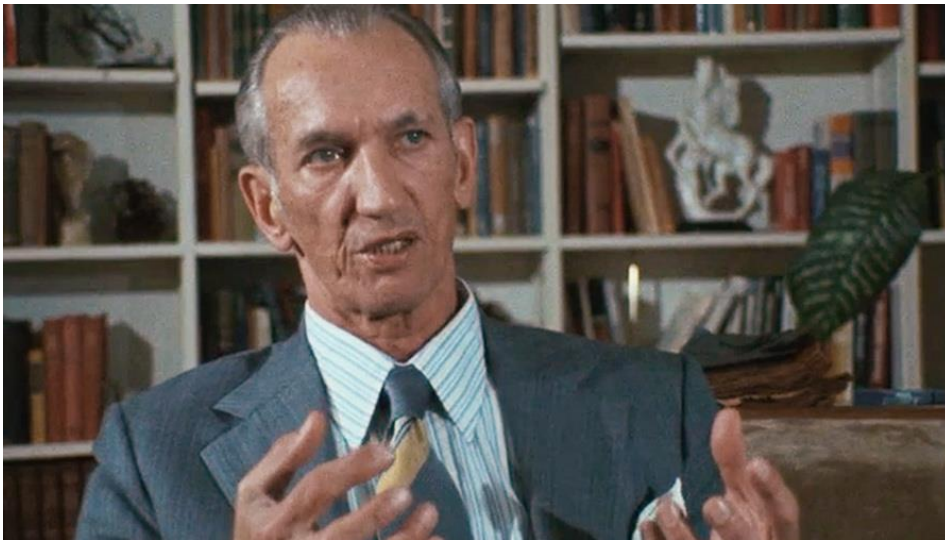
У политиков, однако, были иные заботы. Они формально осудили политику Германии, однако практические действия союзников не были предприняты.

Член Польского национального Совета польского правительства в изгнании Шмуэль Зигельбойм, спустя несколько месяцев после встречи с Яном Карским в Лондоне, покончил жизнь самоубийством в знак протеста против бездействия союзников в вопросе судьбы польских евреев. В предсмертном письме он написал: «Смертью своей я выражаю гневный протест против апатии мировой общественности, равнодушно взирающей на трагедию еврейского народа»

На международной конференции в 1981 году Ян Карский произнес эти страшные слова:

«Господь отвел мне важную роль во время войны: я должен был говорить и писать. И тогда мне казалось, что это могло помочь. Но это не помогло. Когда война подошла к концу, я понял, что ни правительства, ни их руководители, ни ученые, ни писатели не знали о том, что происходило с евреями. Они были удивлены. Убийство шести миллионов ни в чем не повинных людей, было тайной, «страшной тайной». Затем я стал евреем. Но я – еврей христианин. Я практикующий католик. Моя вера говорит мне, что человечество совершило второй первородный грех - по наущению или по упущению, в силу умышленного невежества или равнодушия, корыстных интересов, лицемерия или безжалостного рационализма. Этот грех будет преследовать человечество до конца времен. Он преследует и меня. И я хочу, чтоб так было.»

Ян Карский в Израиле был признан праведником мира.

Как сложилась судьба фашистов, руководивших подавлением восстания.

Большая часть участников подавления восстания, как руководителей, так и среднего состава либо погибли, либо были осуждены после войны.

Генерал Юрген Штрооп после подавления восстания был повышен в должности и стал руководителем СС и полиции в Греции, а затем в Рейне. После войны он был пойман, приговорён американцами к смертной казни за расстрелы в Греции, после чего передан Польше. Польский суд за преступления в Варшаве также приговорил его к смерти. Штрооп был повешен в тюрьме Мокотув в марте 1952 года.

Командовавший в первый день восстания подразделением СС и полицией Фердинанд фон Заммерн, бежавший вместе с своими солдатами с поля сражения и снятый в связи с этим со своего поста, был переведён в Хорватию, где командовал полицейскими силами. В сентябре 1944 года он погиб в столкновении с югославскими партизанами.

Командующий полицией безопасности в Варшаве Людвиг Ганн, принимавший активное участие в подавлении восстания, сумел после окончания войны избежать судебного преследования, и, более того, устроился в ФРГ на работу адвокатом. В 60-е годы его несколько раз арестовывали, и каждый раз отпускали. В 1975 году он был наконец привлечен к уголовной ответственности, осуждён на пожизненное заключение, но в 1983 году отпущен по состоянию здоровья и вскоре умер от рака.

Многие участники подавления восстания среднего звена, включая полицейских, так же не избежали осуждения.

Какова же была цель этого восстания?

Совершенно очевидно, что **шансов на победу у малочисленных и плохо вооруженных групп повстанцев не было. Предотвратить** депортацию евреев гетто также было нереально. Возможность покинуть гетто была лишь у единиц.

Есть мнение, что восстание в варшавском гетто было своего рода реакцией на **безразличие** антигитлеровской коалиции к судьбе евреев Польши, криком души отчаявшихся людей, предпочевших умереть достойно, с честью, с оружием в руках, а не в газовой камере.

Повстанцы имели, вероятно, своей главной целью пробудить у еврейского населения гетто понимание того, что исторически евреи никогда не были трусами, что нельзя идти на заклятие покорно, как стадо скота, что нужно сопротивляться намерениям фашистов очистить Варшаву от евреев.

Последнее представляется мне наиболее правдоподобным.

Вернемся к теме «О чем не принято говорить» в контексте современного взгляда на восстание в варшавском гетто.

«Современная историография породила **миф о том, что ядром восстания была группа Z.O.B. – группа Мордехая Анелевича – молодого 23 летнего юноши, не служившего в армии и не имевшего опыта обращения с оружием. В этой группе не было ни одного офицера, было очень мало людей, державших в своей жизни оружие в руках. Группа была малочисленной и слабо вооруженной. Эта группа, которая, хотя и показала пример мужества и героизма, не могла стать ядром восстания.**

«Какую стратегию, какой тактический опыт мог этот мальчик использовать в восстании? Он всегда был политическим активистом, но судя по его поступкам, обладал совестью.» – **писал публицист, писатель и блогер Алик Гомельский в мае 2015 года.**

Реальным ядром восстания стала группа Z.ZW группа Апфельбаума, состоящая из офицеров, служивших в польской армии, группа, в которой действовала воинская дисциплина, имевшая свой штаб и свою стратегию. Группа хорошо вооруженная и более многочисленная, чем группа Анелевича, она имела свою структуру, в которой эффективно действовали 11 отделов. Эта группа в течение длительного времени противостояла значительно превосходящим ей силам нацистов,

наносил им немалые потери. По существу группа **стала** составной частью польского подполья. Работа штаба полностью соответствовала армейским нормам: принимались рапорты от боевых групп, пересылались приказы в разные концы гетто. Апфельбаум сумел создать организованную оборону, которая сумела дать полноценный отпор.

Имя Апфельбаума упоминается в воспоминаниях Давида Вдовинского в книге "And we are not saved" ("И мы не спасены") (Нью-Йорк 1963) как одного из основателей Z.Z.W.

Ирония истории заключается в том, что вырытые бойцами Z.Z.W. туннели в канализационной системе, знаменитый ход на арийскую сторону под Мурановской улицей помог уйти из гетто Казиму, Эдельману, Любеткин и десяткам их товарищей из ZOB. Почти ничего не известно об Z.Z.W., кроме имен руководителей – Павла Френкеля, Лиона Родаля и Давида Апфельбаума. Их имена найдены в архивах Эммануэля Рингельблюма – историка, члена левой по тем временам сионистской организации Поалей Цион.

Тем не менее, некоторые из числа оставшихся в живых повстанцев **Z.O.B.а говорили о повстанцах** как о бандитах. Презрительное отношение к Z.ZW продолжает оставаться частью идеологии «левых». Очень жаль, что в отличие от ZOWa, чье руководство, за исключением Анелевича, смогло остаться в живых, никто из руководства Z.ZW. не выжил. А архивные материалы, которые могли бы пролить свет на историю этих героических людей, отсутствуют.

При коммунистическом режиме в Польше замалчивалось также сотрудничество Генрика Иваського с еврейским движением сопротивления и его участие в восстании в гетто. Они стали запретной темой, в основном из-за того, что Z.Z.W. был правой организацией в отличие от левой Z.O.B., поэтому коммунистические власти Польши пропагандировали память об этой организации.

Аналогичная ситуация имела место в отношении Армии Крайовой. Польские коммунистической власти замалчивали, преуменьшали или полностью маргинализировали участие и достижения некоммунистических подпольщиков и преувеличивали роль в польском движении сопротивления левых организаций: Польской Народной армии, Армии Людовой или ПСРП.

(Материал из EJWiki.org - Академической Вики-энциклопедии по еврейским и израильским темам) Александр Свищев в своей книге «Восстание в Варшавском гетто. Мифы и действительность» пишет:

*«Из всего изложенного видно, что основную борьбу с немцами вели не «пацифисты» **Z.O.B.а**, а «милитаристы» **Z.ZW.** Из 1300 убитых и раненных немцев на долю **Z.O.B.а** вряд ли придется больше сотни. Соответственно и настоящим руководителем восстания следует признать не Мордехая Анелевича, а поручика Давида Апфельбаума. Правда, во главе штаба **Z.Z.W.** стоял не один Апфельбаум, а тройка Апфельбаум, Павел Френкель и Лион Родаль. Параллельно военному штабу существовало и политическое (ревизионистское) руководство в составе того же Лиона Родаля, Михаэля Стриховского и Давида Вдовинского (Вдовинский – один из руководителей **Z.ZW.**, оставшийся в живых.*

Следует признать клеветническими утверждения и выживших руководителей **Z.O.B.** (а они все, кроме Анелевича, остались в живых) и польских коммунистов об отказе Армии Крайовой помочь борющемуся гетто. Конечно, полумиллионная Армия Крайова могла бы оказать и большую помощь. Но можно ли ее за это винить. Как известно, Армия Крайова «ждала с оружием у ноги». Евреи же, в отличие от поляков, ждать не могли.

Кстати, в Армии Крайовой было очень много евреев, но часть из них скрывала свою идентичность, другие считали себя поляками, а не евреями. Это было не лишне, поскольку в Армии Крайовой было немало антисемитов.

Таким образом, резюмируя все сказанное и написанное, смею утверждать, что, вопреки распространенному мнению о том, что восстание в варшавском гетто подготовила и осуществила группа **Z.O.W.a**, основной вклад в противостоянии нацистам в гетто внесла группа **Z.ZW**. Группа незаслуженно обойдена молчанием.

Но об этом не принято говорить.

Мифом является и утверждение, что все поляки были антисемитами и добровольно помогали немцам уничтожать евреев.

Да, среди поляков были и такие, и их было немало. Но фактом является и то, что очень многие поляки помогали евреям выживать в труднейших условиях гетто, помогали укрываться, помогали с риском для жизни выводить евреев из гетто, прятать детей. Достаточно упомянуть, что израильский Яд Вашем по состоянию на 1 января 2019 года присвоил звание праведников мира 6992 полякам. В Википедии приводятся данные о числе спасенных поляками евреев. Эта цифра составляет 120 тысяч человек. Весь мир знает о подвиге Ирены Сандлер, вывезшей из гетто 2500 детей. Около 5000 поляков были казнены за помощь евреям

Современная официальная Польша и ее историки, в ответ на обвинения в сотрудничестве поляков с немцами и в уничтожении евреев в период Холокоста, отвергают эти обвинения, утверждая, что в Варшаве действовал нацистский лагерь смерти, который якобы был специально создан для уничтожения поляков. Называется даже количество уничтоженных в нем поляков. В Википедии утверждается, что там было уничтожено 200 тысяч человек. Однако, достоверно установлено, что такого лагеря, где содержались бы поляки, никогда не было. Поляки ввели в использование такой термин, как «Полокост». После уничтожения варшавского гетто, оставшиеся в живых евреи, были размещены в концлагере, и использовались в качестве рабочей силы для разборки руин на территории гетто. В Польше все имущество, принадлежавшее

евреям, было реквизировано государством либо присвоено поляками. Реквизиция мотивировалась необходимостью аккумулирования средств для восстановления страны. Подписанный президентом США Дональдом Трампом в мае 2018 года «Билль 447» о компенсации жертвам Холокоста стоимости утраченного имущества, было воспринято польским руководством как требование возврата стоимости присвоенного Польшей имущества, принадлежавшего до войны евреям. Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий в мае 2019 года заявил: поляки ничего не станут выплачивать за Холокост, поскольку, дескать, сами являются жертвами нацистов. Отсюда и появление пресловутого «Полокоста»! Признание мировой общественностью «Полокоста», позволило бы Польше решить две задачи: узаконить отказ компенсировать жертвам Холокоста стоимости присвоенного Польшей еврейского имущества, а также узаконить требование Польши к Германии выплатить ей репарации за ущерб, нанесенный нацистами Польше в период второй мировой войны.

Это еще один пример того, как в Польше делаются попытки переписать историю.

Еще одним примером такой переоценки являются попытки расценить существование антисемитизма в Польше в период второй мировой войны и в послевоенное время, как клевету на польское общество. Так же расцениваются споры об уместности извинений, принесенных в 2001 году президентом Польши Александром Квасневским за расправу поляков над евреями в Едвабне. Эти споры продолжаются до сих пор. В этот спор вовлечены высокопоставленные лица в польском правительстве.

Глава 9.

Как оценить восстание в варшавском гетто, и какие уроки можно было бы извлечь из этого восстания.

Эксперт научного отдела Российского военно-исторического общества – **Константин Пахалюк так отвечает на этот вопрос.**

"Восстание в Варшавском гетто во время Второй Мировой войны является одним из ключевых событий истории Холокоста, которое символизирует еврейское сопротивление. Оно стало первым еврейским восстанием в 1943 году на территории оккупированной Польши. Вслед за ним 2 августа произошло восстание в лагере смерти Трешлинке, в середине августа - в Белостокском гетто, а 14 октября - в Собиборе. С точки зрения исторической памяти эти события важны тем, что ярко демонстрируют: евреи не были безвольными жертвами, они оказывали сопротивление. Именно поэтому в Израиле восстанию в Варшаве придается так много значения».

Писатель Александр Кабаков:

«Восстание в Варшавском гетто является одним из ключевых событий в истории Холокоста».

Анатолий Кардаш – ученый, историк. Яд Вашем.

Русско-еврейский журнал «Новый век» №2(4) Москва, 2003 г.

«Горстка евреев, последние из оставшихся в живых, из общины, насчитывавшей 500 тысяч человек, восстали против самой сильной армии в Европе... 60 лет прошло со времени восстания в Варшавском гетто, но чувство боли и гордости охватывает нас всегда, когда мы думаем о трагических событиях тех дней. Не получая ни от кого помощи, без специальной подготовки, без военного опыта, они развязали войну, которую будущие поколения будут помнить, как войну, заставившую врага отступить, пусть на короткий миг. Все другие подпольные движения в оккупированной Европе получали поддержку из Лондона, Вашингтона и Москвы. Были налажены связи, специальные самолеты сбрасывали современное оружие и радиопередатчики, разведчики перебирались через границу и доставляли деньги и необходимую информацию. И только еврейские подпольщики оставались в полной изоляции. Эти героические воины были брошенными на произвол судьбы жертвами в самой бесчеловечной из войн. Правда заключается в том, что они были совершенно забыты. Когда об этом рассказывают теперешним студентам, они не верят. Ведь союзники потратили огромные суммы и приложили чрезвычайные усилия, организуя и финансируя вооруженное сопротивление. Почему же игнорировались еврейские группы, даже с чисто прагматической точки зрения? Может быть, их предали с самого начала? Или никто не доверял их военной мощи, храбрости, даже их лояльности? Возможно ли, что союзникам просто не было до них дела?»

«Еврейский народ своим сопротивлением поражает мир... Героические повстанцы варшавского гетто войдут в историю освободительных войн как пример неустрашимого мужества и отваги»,

Нелегальная газета «Гвардеец». Май 1943 года,

Польско-еврейский историк Бен Марк

«Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежали печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей варшавского гетто, который разгорелся на могиле, их близких без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу, под лозунгом «Если умирать, то с честью, в борьбе». ...Восстание учит, как можно и нужно даже в наиболее трагическом и отчаянном положении найти все же выход путем преодоления страха и покорности, путем активного сопротивления могущественному врагу»

Один из командиров повстанцев **Ицхак Цукерман** в 1985 году по случаю 25 летия восстания:

«Я не думаю, что есть какая-либо реальная необходимость анализировать восстание в военном плане. Это была война менее тысячи человек против могучей армии, и никто не сомневался в том, что, скорее всего, получится. Это не является предметом для изучения в военной школе. Если есть школа для изучения человеческого духа, то это должно быть основным предметом. Важные вещи были присущи в силе, показанное еврейской молодежью после многих лет деградации, восстать против своих разрушителей, и определить, что такая смерть, они бы выбрали: Треблинку или восстание».

Владислав Гомулка - лидер польских коммунистов 1947 г.:

«Последний арьергард нескольких миллионов евреев, замученных и отравленных газом в различных лагерях смерти, героически погибал в вооруженной борьбе со своими убийцами, воздвигая себе нерушимый памятник славы...».

Свидетельствует поэт **И.Каценельсон**, погибший в Треблинке.

Они и представить себе не могли — "Евреи стреляют!" — Тут не до смеха,

Крик убийцы, вопль, изумление, ужас: сотрясается твердь!

"Евреи стреляют! Евреи стреляют!" — То не был голос один, а эхо

Голосов народа убийц, миллионов: евреи стреляют — немцам несут смерть!

Мы тоже умеем, мы тоже знаем, как убивать, как защищаться, но воочью

Сила наша в том, что вам, палачам, не познать и в веках,

Знающим лишь убивать беззащитный народ, вздымающий к небу очи,

Убийцам от сотворенья, чей язык — оружие в руках.

Мы знали вас! От праотцов, от пророков это знание.

В июле, в начале резни, в Варшаве нам нечего было волянить.

Сразу надо было призвать к борьбе, бросить народу воззвание —
"Умри, душа моя, с филистимлянами!" — и не повторилась бы трагедия Литвы, Украины, Волыни.

Знаю, не помогло бы... И не только потому, что не было у нас оружия,
Ведь топор — из железа. Нож. И есть еще ногти. Но шёпот был слышен
Евреев Америки и Эрец-Исраэль, ливших слезы, впадавших в ужас:
Ой, не раздражайте немцев. Будет хуже! Это излишне!

Еще в декабре сидел я с евреями — шефами мастерских, еще в начале
Резни. Говорили они по-польски, гневно бороды теребя:
"Народ, который идет на убой, как скот!" — и головами качали, —
"Горе народу, обреченному на гибель и не умеющему постоять за себя!"

Но восемнадцатого я увидел пять тысяч на убой ведомых евреев
Под конвоем всего двух немцев, из двенадцати убийц, шнырявших меж домов,
Когда раздались выстрелы, ужас охватил вооруженных трусов, и они побежали, дуря:
"Евреи стреляют!" Не будут уже по двое. Набегут стаей волков.

Мы шли по заснеженным крышам, с дома на дом, в высоте,
От Заменгоф, 58, до Мурановской, 44. Спустились с крыши.
Я с товарищами остался на чердаке. Часть сошла на одну их стен
И убила еще двух бандитов! Я не видел — лишь выстрелы слышал.

Вечером вышли на улицу Мила, 61, пистолет у меня и винтовка — клад щедрот!
Разделились назавтра. Я — на чердаке: в тесноте и стуже тело заледенело.
Рядом закашлялась женщина. Еврей по-кошачьи прыгнул, хотел зажать ей рот,
Чтоб ни единого звука она издать не посмела.

К концу недели вернулся на Новолипье. Увели оттуда евреев.
Также и с улицы Леш. В мастерских нас собрали чуть свет!
На Новолипье стояли насмерть, друг друга мужеством грея,
Многих убийц, палачей отправили на тот свет.

Никто не умирает естественной смертью, но день ото дня редуют наши ряды.
Кому — пуля на улице, кого на Желязной, 103 пытаются.
Конец! Что делать?! Бежать по улицам, навстречу смерти, вопить от беды?!
Но есть и радость: достают оружие! Многие в лес убегают.

О лесе мечтает Цви. Осталась нас горстка... И предатели есть — Альфред Носиг,
Полицейские, что продались немцам... Но они уже осуждены.
Убиваем их, как собак... Как только земля их носит?
Но есть еще богачи-евреи! С них — деньги — на нужды войны.

С чердака на чердак, с Леш на Новолипье, с крыши во двор. Ни зги.
Улица Смоча. Отсюда — направо, в расщелину, пистолет, согревая рукой
В гетто. Наткнулся на немца — иди! Не замедляй шагов, не беги —
Он боится пули. Что еще тебе надо, друг дорогой?!

А может погибнуть тут же, на месте, уложив эту пададь огнем?
Мастерские переводят в Люблин, в лагерь рабочий, при свете дня,
Последнюю горстку евреев. Но я остаюсь, хоть здесь нет бункера, да одни арийцы кругом.
Иные получают бумаги на выезд. Вдруг кто-либо вспомнит меня?!

Я уже мертв... Но умереть мне не в пору.
Суждено быть убитым. Новолипье сжигают. Слабо коптилка светит
В доме знакомого. Сидит ешиботник бледный, Мессия! Шел через горы
И польские городки — ни одного еврея не встретил.

В канун пасхального седера вздремнул я на улице Леш
В тайнике. День и ночь гремели орудья, метались всполохи света.
Огонь гулял по гетто, сжигал дома, последних евреев, метался меж
Стен. Небеса пылали... То был конец нашего гетто.

Горе мне, все завершилось. Был народ и нет его. Все истреблены!
Началось все давно, когда от рук Амалека тысячи погибли.
Страшней Амалека — немец. О, земля необъятная, небеса над простором страны —
Не вяжите единый узел, истребляя злодеев, пусть сами себя сотрут с лица земли!

Источник: ПЕСНЬ ОБ УБИЕННОМ ЕВРЕЙСКОМ НАРОДЕ в переводе Эфраима Бауха.

Не может не вызывать возмущение тот факт, что современные политологи пытаются поставить знак равенства между восстанием в варшавском гетто и реакцией Израиля на обстрелы из сектора Газа.

Майкл Ротберг - профессор английской и сравнительной литературы, профессор Холокоста Общества 1939 года им Самюэля Гетца, в Калифорнийском университете (Лос-Анжелес), в своем эссе «От Газы до Варшавы: Картографирование многовекторной памяти» пишет о полемике, вспыхнувшая после того как радикальный американский профессор социологии разослал своим студентам электронное письмо, в котором заявил, что «Газа — это израильская Варшава», и сопроводил его фоторепортажем с «параллельными изображениями нацистов и израильтян».

Фото-эссе Финкельштейна сопоставляет широко известную фотографию мальчика из Варшавского гетто с поднятыми руками, возможно являющуюся главным символом Холокоста, с двумя

фотографиями палестинских мальчиков, противостоящих израильским солдатам. В работе Шехнера эти фотографии не просто сопоставляются, но приводятся в действие. На экране фотография из Варшавы увеличивается, чтобы показать, что мальчик, вопреки оригинальному изображению из отчета Струпа, держит в руке фотографию. Когда эта фотография приближается, становится видно, что на ней изображен задержанный израильскими солдатами палестинский мальчик, который с перепугу обмочил штаны. Когда камера увеличивает и эту фотографию оказывается, что палестинский мальчик держит в руке фотографию варшавского мальчика

Фото-эссе озаглавлено "Deutschland Uber Alles" (Германия превыше всего) и сопровождается разъясняющим подзаголовком *«внуки выживших жертв Холокоста ведут себя в отношении палестинцев точно также как действовали по отношению к ним германские нацисты в годы Второй мировой войны».*

Другой пример такого приравнивания можно обнаружить в комментарии Пэт Ланкастер (Pat Lancaster), редактора британского журнала «Ближний Восток»: *«Назовите меня злонамеренной, если хотите, но представьте малое пространство, где люди вынуждены жить в тесноте и антисанитарных условиях в окружении непроходимых укрепленных изгородей, их передвижения ограничены вооруженными людьми, они вынуждены заниматься контрабандой через подземные ходы, их дома бомбят и сжигают, вам это ничего не напоминает? Я легко могу описать в этих выражениях Газу января 2009, также как Варшаву более шестидесяти пяти лет тому назад».*

Подобного рода аналогии являются не чем иным, как язык вражды и ненависти.

Глава 10.

Эммануэль Рингельблюм и «Онег Шабат»

Эммануэль Рингельблюм (2 ноября 1900, Бучач, Австро-Венгрия — 10 марта 1944, Варшава, Польша) — польский историк, педагог, общественный деятель еврейского происхождения. Создатель архива варшавского гетто и организатор подпольной группы Онег Шабат.

Эммануэль Рингельблюм родился 2 ноября 1900 года в городе Бучач (сегодня — Тернопольская область Украины) в семье учителя. Во время Первой мировой войны семья Эммануэля Рингельблюма переехала в Новы-Сонь, где весной 1919 года он окончил гимназию. Осенью 1919 года семья Рингельблюмов переехала в Варшаву, где Эммануэль планировал учиться в Варшавском университете на медицинском факультете. Однако из-за действующего в Варшавском университете правила «*numerus clausus*» (закрытое число) он не смог поступить на медицинский факультет и в 1922 году поступил на гуманитарное отделение университета. Главным наставником Эммануэля Рингельблюма во время обучения стал профессор Игнаций Шипер. В 1927 году Эммануэль Рингельблюм защитил диссертацию по истории средневековой варшавской еврейской общины и ему была присвоена научная степень доктора философии. В предвоенное время он занимался изучением еврейской жизни в средневековой Польше. С 1930 года принимал участие в издании «*Encyclopedia Judaica*», которая публиковалась в Берлине. В это время Эммануэль Рингельблюм написал около 130 работ о польской еврейской общине. Свои сочинения он писал на идише и польском языке. Будучи сторонником сионизма, он выступал за сохранение еврейских традиций. В 1928 году Эммануэль Рингельблюм сдал государственный экзамен на право заниматься преподавательской деятельностью, после чего до 1938 года преподавал в средних школах для еврейской молодёжи. В 1938 году он подал в отставку и стал заниматься общественной деятельностью. С осени 1938 года Эммануэль Рингельблюм участвовал в работе «Джойнта», помогая евреям, бежавшим из Германии от нацистского преследования, в том числе жертвам Збонцинского выдворения. Во время нападения Германии на Польшу осенью 1939 года Эммануэль Рингельблюм находился в Женеве, где участвовал в сионистском конгрессе. Вернувшись в Польшу через Италию и Венгрию, Эммануэль Рингельблюм присоединился к работе «Джойнта» по оказанию помощи еврейским беженцам. Осенью 1940 года вместе с родными был переселён немецкими властями в Варшавское гетто. В Варшавском гетто Эммануэль Рингельблюм участвовал в работе Центрального комитета помощи (позднее — Координационный комитет), который координировал благотворительную помощь различных еврейских организаций. После создания организации «Еврейская взаимопомощь» он стал руководить её социальным отделом. С 1942 года он стал членом Антифашистского блока и участвовал в создании Еврейской боевой организации. С октября 1939 года Эммануэль Рингельблюм стал собирать письменные и печатные свидетельства о положении евреев в оккупированной Польше. Весной 1940 года организовал подпольную группу из еврейских историков, писателей и общественных деятелей из нескольких десятков человек, которая стала называться «Онег Шабат». Эта группа собирала различные документы о культурной, политической и общественной жизни в Варшавском гетто. Информация о преступлениях германских властей переправлялась на Запад через польские подпольные организации. После получения осенью 1941 года информации о ликвидации Варшавского гетто, архив, который был собран группой «Онег Шабат», был запечатан в молочных бидонах и спрятан в различных местах. С осени 1942 года он работал в немецкой столярной кампании «Hallmann». В конце февраля 1943 года Эммануэлю Рингельблюму вместе с женой и

сыном удалось выбраться из Варшавского гетто и укрыться в схроне на арийской стороне в так называемом бункере Крыся Накануне восстания в Варшавском гетто Эммануэль Рингельблюм перебрался в гетто, чтобы провести там Песах и спрятать последнюю часть архива группы «Онег Шабат».

в подвале дома № 81 по улице Груецкой. В гетто он был схвачен немцами и отправлен в концентрационный лагерь Травники. Усилиями польской подпольной организации «Жегота» Эммануэль Рингельблюм был тайно вывезен из концентрационного лагеря и спрятан в Варшаве. Первое время он прятался в доме № 2 по улице Радзиминской, потом перебрался в бункер Крыся, где встретился со своей семьёй. В бункере Крыся Эммануэль Рингельблюм продолжил работу по сбору документов. Вместе с Адольфом Берманом он написал работу о судьбе еврейских писателей в оккупированной Польше, которая была переправлена в Научный еврейский институт в Нью-Йорке. 7 марта 1944 года гестапо по доносу поляка-подростка раскрыло местоположение бункера Крыся и все прятавшиеся в бункере были отправлены в тюрьму Павяк. Через три дня все арестованные, включая семью Рингельблюма, были расстреляны на территории разрушенного Варшавского гетто. Про Эммануила Рингельблюма можно сказать, что он был типичным представителем еврейской интеллигенции Польши. Жизнь он провел в интеллектуальной элите польского еврейства, среди функционеров социалистических и сионистских партий, учителей, журналистов, выходцев из польско-украинских и литовских местечек. Уже после разгрома восстания, спасаясь на арийской стороне в бункере в предместье Варшавы, он с лихорадочной конспективностью составляет жизнеописание - коллективный некролог своего окружения. 80 биографий историков, писателей, педагогов, адвокатов... Рассказывая о близком друге, одном из директоров «Джойнта» Ицхаке Гитермане, застреленном на пороге дома, он пишет: «Во время своего последнего визита ко мне он рассматривал списки погибших и собственноручно вписал новые имена. Теперь он фигурирует в этом списке, как и его собственная подпись - Ицхак Гитерман. Моя рука дрожит при этих словах. Ибо, кто знает, не будет ли в списке будущих историков, просматривающих эти листы, и мое имя - Эммануил Рингельблюм. Что ж, мы привыкли к смерти, и она не производит на нас впечатления. Но если кто-нибудь из нас переживет войну, он будет ходить по свету, как человек с другой планеты. Если мы останемся, это будет чудо или ошибка.» Он родился в 1900-м в Галиции - юго-западном регионе Украины, где сейчас расположены Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области. Эти земли, всю свою историю переходившие из рук в руки - то в австрийские, то в польские, то в украинские - были одним из крупнейших центров восточно-европейского еврейства. Здесь все его религиозно-политические страсти - сионизм, хасидизм, социализм - кипели особенно бурно. В родном для Рингельблюма городке Бучаче, бывшем долгое время частным владением Потоцких, евреи составляли больше половины населения. Развивавшаяся в окружении польской, немецкой и украинской культуры и вместе с тем не порывавшая со своими национальными традициями, молодежь галицийских местечек, с переходом региона после Первой мировой войны из Австрии в Речь Посполитую, устремилась в польские города. И здесь волна юных революционно настроенных евреев хлынула в города с тем, чтобы разделить затем судьбу своего поколения - войны, лагеря, расставание на старости лет с иллюзиями молодости. Рингельблюм перебрался в Варшаву. Его учителями в университете были знаменитые еврейские и польские историки Меер Балабан, Ицхак Шипер, Марцелий Хандельсман. Автор «Всемирной истории евреев», инициатор национального движения духовной автономии восьмидесятилетний Шимон Дубнов, как гласит легенда, шел на смерть в колонне узников рижского гетто, проклиная смирение своего народа, веками соблюдавшего непротивленческую традицию. Основоположник еврейской историографии Меер Балабан умер от инфаркта в варшавском гетто. Блистательного Ицхака Шипера

- историка-экономиста и политического деятеля сионистского толка - расстреляли в Майданеке. Ректор варшавского университета Марцелий Хандельсман был, собственно, польским историком. Но, будучи председателем общества друзей Варшавы, содействовал выходу книги Рингельблюма по истории еврейской общины Варшавы, которая в начале тридцатых вызвала нападки антисемитской прессы. Его еврейское происхождение висело над ним как проклятье. Ни боевое прошлое (он воевал в польских легионах в Первую мировую), ни высочайший научный авторитет (он воспитал целое поколение польских историков) не спасали его от травли националистов.

Почти всю войну он скрывался на арийской стороне гетто, но в конце концов был раскрыт и погиб в концлагере. Он был сравнительно молод, специализировался в узкой области - истории варшавской общины, хотя периодически и выступал с научными статьями на другие темы, и к тому же слишком много времени отдавал общественной деятельности - входил в актив партии левых поалей-сионистов, редактировал кооперативные журналы, сотрудничал с «Джойнтом». Долгие годы он учительствовал ради хлеба насущного и только перед самой войной перешел на штатную работу. В начале 1939 года он возвращается из Женевы со Всемирного сионистского конгресса, пробирается в Польшу кружным путем через Италию, Югославию, Венгрию, взволнованный событиями, пророческой речью Вейцмана, полной ужаса за судьбу европейского еврейства. Он едет через клочущую Европу навстречу своему звездному часу. В гетто пишут все. Национальное свойство, выраженное в иронической российской поговорке: «Каждый еврей - прирожденный русский литератор» - проявилось там в огромной дневниковой, мемуарной литературе. Сказывалась и концентрация интеллигенции (одних журналистов 170), ранее рассеянной по Варшаве и другим окрестным городам, а теперь загнанной в гетто, оставшейся без привычных занятий и поставленной в экстремальные условия. Чувство самовыражения мощно прорывалось сквозь страхи, голод, физические и душевные страдания, усугублялось стремлением оставить для потомков след этих страданий, след общей трагедии народа и своей личной судьбы. Разумеется, все это началось не сразу. В первые месяцы страх парализовал все проявления духовной жизни. Боялись попавшей к немцам картотеки польской охранки, где имелись досье на еврейских общественных деятелей. В преддверии обыска жгли социалистическую литературу, в огонь попадали сочинения немецких писателей-эмигрантов - Фейхтвангера, Томаса и Генриха Маннов. Обыски действительно начались. Но искали не книги и записи, а золото и драгоценности. Аресты и расстрелы производились, но террор был направлен не на отдельные личности, а на целые социальные слои, арестовывали по спискам корпораций, без разбора, независимо от убеждений, политической ориентации и конкретной деятельности. Постепенно, особенно после создания закрытого гетто, возникало убеждение, что немцам в сущности безразлично, о чем евреи говорят в своей среде. И уж тут общественный темперамент нации начал брать свое. Каждый домовый комитет, каждая народная кухня превращались в клуб. Почти в открытую распространялись издания всевозможных политических партий. Дискуссии, прогнозы, публичные чтения. В этих условиях и был создан центр документации - «Онег Шабат». Рингельблюм вел дневник с первых дней оккупации. Его положение руководителя общества социальной взаимопомощи, ежедневное общение с десятками людей не только из Варшавы, но и из провинции создавали прекрасные возможности для наблюдения. Он, как никто, сознает значение этих записей. Постепенно вокруг него собирается несколько десятков таких же фанатиков документального отображения жизни. Их собрания уже не могут проходить незамеченными. И Рингельблюм легализует подпольный центр, регистрирует его в Юденрате как религиозное общество «Радость субботы» - «Ойнике шабес». Теперь уже подключается «Джойнт», финансовая основа деятельности которого подорвана изоляцией от США, но остатки средств

первое время еще есть. Выделяются денежные премии для проведения конкурса на лучшую исследовательскую работу. В результате появляются монографии о трудовых лагерях, о жизни семей, о еврейском театре. Разрабатывается план фундаментального исследования еврейской жизни за два с половиной года войны объемом в 100 печатных листов. Задача ставится грандиозная.

Серия монографий, посвященных разным реалиям действительности - коррупции и деморализации, школе, еврейско-польским отношениям, молодежному движению, положению женщин, беженцам... Эдакий монументальный памятник, энциклопедия гетто. Бог не отпустил им времени для реализации этого плана. Но с какой страстью они собирали материалы, с какой фанатической целеустремленностью, преодолевающей инстинкт самосохранения, искали рукописи, брали интервью, записывали последние слова умирающего от сыпного тифа, отдавали последний кусок хлеба голодному беженцу, прорывались сквозь полицейские блокады. Август 42-го. Казалось бы, конец всему. Массовая депортация. Рингельблюм бежит по пустынным улицам гетто. Вбегает в огромный двор многоэтажного дома, в этот городской колодец, обычно звенящий звуками жизни, а сейчас мертвенно тихий, глядящий пустыми окнами покинутых квартир. Все увезены в Трешлинку. В этой кричащей тишине он носится по подъездам, отыскивая нужную ему квартиру среди десятков других с распахнутыми дверями, с перевернутой мебелью и разбросанными вещами. Где-то в одной из комнат нужно найти тетрадь увезенного еврейского «Каждый из сотрудников «Ойнике шабес», писателя. Еще один документ для архива. - запишет он вечером в дневнике, - знает, что его страдания, усилия, риск, которому он подвергает себя, служат возвышенному идеалу. В дни, когда будет завоевана свобода, общество оценит его преданность.»

Какая трогательная вера в обязательность воздаяния, в поступательный ход истории! «Всесторонность - главный принцип нашей работы, - пишет он на другой странице, - объективность - второй принцип, которым мы руководствовались. Мы стремились, чтобы в наших работах была отражена вся правда, какой бы горькой она ни была. Они записывали редкие факты гуманного отношения немцев к евреям, старались не упустить ни одного проявления помощи польских семей. Они записывали показания умирающих и умирали сами, заразившись сыпным тифом. «С дрожащим сердцем мы стояли у постели больного мариупольского рассказчика, который после первого сеанса заболел тифом...» По специально разработанным вопросам писались истории местечек. В результате образовывались целые монографии, составленные из показаний разных авторов. С эпическим спокойствием повествовалось в них о жизни и гибели старинных еврейских поселений. То была последняя весть от ушедших в небытие миров.

Они предпринимали расследования тайн гетто. Историк и педагог Илья Гутков сумел проникнуть в среду валютчиков, день за днем фиксировал колебания курса доллара, узнал, что в гетто, на Павьей, под боком у гестаповской тюрьмы изготавливают золотые доллары и русские царские рубли. Вместе с тем, их интересовал микрокосм жизни обычного варшавского двора. Историю одного такого двора составил журналист Перес Опачинский. А была еще монография о еврейских семьях времен войны, написанная поэтессой Генриэттой Лазаверт. Как они сохранили все это? Как архив Рингельблюма дошел до наших дней? В августе 42-го, в разгар массовой депортации, когда стало ясно, что гибель гетто неотвратима, решили спрятать часть документов в подвале школы на Новолыпске 68. Другую часть зарыли несколько месяцев спустя на улице Свентоежской. В ноябре 46-го в хаосе битого кирпича, который представляла собой территория гетто, начались поиски архива. По едва уловимым признакам определяли местоположение домов, рыли глубокие колодцы. 19 ноября кирка зазвенела, наткнувшись на

металл. На поверхность были извлечены молочные бидоны, жестяные ящики. В одном из них нашли завещание людей, зарывавших архив. 19-летний рабочий Давид Грабер писал: «Соседняя улица уже захвачена. Мы готовимся к худшему, спешим. Только бы успеть. Мы уверены: все это кусок истории, и он будет стоять гораздо дороже, чем жизнь каждого из нас.» Сохранился портрет Рингельблюма. Строгие черты лица, холодно-отрешенный взгляд из-под широкого лба, черный костюм, рубашка с галстуком - типичный облик интеллигента тридцатых годов. Вот он описывает последнее собрание актива левых поалей-сионистов в марте 42-го, за три месяца до депортации. Собрались в помещении партийной кухни, где получали пайки, на улице Свободы 96. Расселись за длинными столами за скромной вечерней трапезой. Пытались шутить, вспоминали прошлое, стараясь не обращать внимания на выстрелы, что слышались у расположенной неподалеку стены гетто. Учителя, профсоюзные работники, журналисты, деятели молодежного движения и ветераны, они справляли свою тайную вечерю, не зная еще, что она последняя.

Из недр этой партии некогда вышли Бен-Гурион и Бен-Цви. Сочетание идей социализма и сионизма, социальной революции и национального единения на земле Сиона, положенные в основу партийной программы, рождало гремучую смесь, время от времени своими взрывами сотрясавшую еврейский мир. Одни поалей-сионисты, разделяя коммунистическую идеологию, уезжали в Россию, другие отправлялись в Палестину, третьи - в США. Эти оставались в Польше. Здесь им предстояло дожидаться своего конца, и это ожидание окрашивало собрание тайной горечью, маскируемой нарочитой жизнерадостностью. Громче всех смеялся и шутил их лидер Шахнэ Саган. Спустя три месяца этот высокий, плотный, громогласный человек, подходя к подъезду своего дома, увидит хвост уходящей на Умшлагплац колонны, в которой шла его семья. Он догонит колонну, встанет в строй, возьмет за руки детей и пойдет с ними на смерть. Рингельблюм дружил с ним всю жизнь.

Его близким другом был и Ицхак Гитерман, один из директоров польского отделения «Джойнт». Рассказано ли где-либо в российской литературе об этой организации, организации «Джойнт», которой, как ребенка буквой, пугали русский народ в эпоху дела врачей. А ведь она дала уникальный пример трансконтинентальной национальной взаимопомощи. «Джойнт» - по-английски - объединение. Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов - таково его полное название. Он вел огромную работу по социальному развитию нации и оживлению еврейской экономики в Восточной Европе в межвоенное двадцатилетие. Направляя туда ежегодно десятки миллионов долларов, «Джойнт» использовал для их распределения местные кадры. Польское отделение возглавляли Гитерман, Гузик, Нойштадт. Потеряв источники финансирования, они пытались одалживать деньги у богатых евреев с гарантией возврата в долларах после войны. У людей этой среды был дар превращать все, к чему бы они ни прикасались в объект общественного служения. Вера в необходимость консолидации, социальной взаимопомощи у них была равна разве лишь уважению к печатному слову, которое одно только и увековечивает наше существование, оставляет след для потомства. И то, и другое - типично еврейские черты, предопределившие главные занятия Рингельблюма в гетто - «Ойнике шабес» и общество социальной взаимопомощи. Рингельблюм всерьез сетовал в дневнике на эгоизм еврейских богачей, которые не хотят платить высокие налоги и пускать в свои квартиры беженцев. Саган верил в неизбежность прихода мировой революции. Вторая мировая война должна была, по его мнению, покончить с капиталистическим порядком, на руинах которого возникнет новый справедливый мир. Сколько поколений предков, лелеявших в своих душах мессианские чаяния, должны были стоять за такой необоримой верой в наступление социальной справедливости! Но если нельзя помочь всем, то вполне допустимо оберегать своих.

Отсюда - партийные кухни, пайки для актива, для представителей своего цеха - писателей, актеров, художников. Мотив такой: надо спасать прежде всего цвет нации, ценных людей. Рингельблюм бесстрашно ходит на Умшлагплац «отмазывая» от Треблинки таких людей. Характерно, что молодежь не разделяла стремления спасать избранных. Когда к еврейской боевой организации обратились за содействием для переброски на арийскую сторону группы общественных деятелей, Анелевич отказался принимать участие в этой акции. Черняков одно время пытался привлекать общественных деятелей к работе Юденрата с тем, чтобы хоть как-то очистить там атмосферу. Саган курировал отдел трудовых лагерей, журналист Аккерман возглавлял похоронную службу, адвокат Бойнберг - жилищный отдел. Но одни вскоре уходили, другие превращались в декоративные фигуры. Как проходили дни Рингельблюма в гетто? В сущности, также как и в довоенные времена - в научной работе, в общественных делах, в политических дискуссиях - только на ином градусе драматизма, в балансировании на краю пропасти. Возглавляемое им общество социальной взаимопомощи, расположившееся в здании института иудаики на Тломацкой, превращается в клуб интеллигенции. По субботам здесь читает свои сочинения писатель Гильберт. Здесь проходит чествование известного фольклориста Шмуэля Лемана. Долгие годы этот человек колесил по восточно-европейским местечкам, собирая идишистские поговорки, шутки, сказания, песни. Его собрание было подлинным кладом для целого поколения еврейских историков, писателей, педагогов. И вот весь цвет еврейской культуры - 500 человек - собрался в большом зале института, чтобы отметить 55-летие Лемана. Но здесь же собирався и актив молодежного подполья, те самые парни и девушки, которым весной 43-го суждено будет на баррикадах восстания отстаивать достоинство нации с оружием в руках. Рингельблюм пережил восстание, сумел с помощью друзей из польского подполья бежать из Майданека, куда его вывезли весной 43-го, около года укрывался в бункере, вырытом в саду в варшавском предместье, и в марте 44-го был раскрыт, отправлен в гестаповскую тюрьму Павиак и там расстрелян вместе с семьей. Его выводили из бункера 7 марта. В саду оседал, таял и чернел снег, сладко дул сырой весенний ветер. Ему было 44 года. Рядом шли жена и десятилетний сын. В дневнике, написанном, возможно, из конспиративных соображений в виде писем к отцу, друзьям, он иногда упоминает о себе в третьем лице - Муни. Муни - Эммануил - в переводе с библейского иврита - с нами Бог. Был ли с ним Бог тем мартовским днем и потом, когда он стоял в Павиаке под дулом автомата? С 1961 года одна из варшавских улиц носит имя Эммануэля Рингельблюма и с 2009 года его имя носит Еврейский исторический институт. Архив Рингельблюма: 8 фактов, которые надо знать. Что такое Архив Рингельблюма?

Как он уцелел во время Второй мировой войны, и почему так важно подчеркивать его значимость? «**Culture.pl**» делится главными фактами об одном из важнейших памятников человеческой стойкости перед лицом зла. Архив Рингельблюма состоит из материалов и документов, которые во время Второй мировой войны собрали ученые и интеллектуалы, участники группы «Онег Шабат» (альтернативное название — «Ойнег Шабос»), действовавшей в Варшавском гетто.

Сейчас архив, который насчитывает около 6 тысяч документов (около 35000 страниц) на польском языке и на идише, хранится в варшавском Еврейском историческом институте им. Эммануэля Рингельблюма. Архив входит в реестр программы ЮНЕСКО «Память мира».

Архив, который создавался в страшный для истории человечества период, до сих пор остается одним из самых поразительных исследовательских проектов всех времен.

Его авторы по кусочкам собирали образ мира, приговоренного к уничтожению, и сохранили голоса жертв Холокоста для будущих поколений, для истории Холокоста.

1.

«Ойнег Шабат» — подпольная организация в Варшавском гетто. Архив Рингельблюма — результат работы тайной исследовательской группы «Ойнег Шабат». Организацию основал весной 1940 года историк Эммануэль Рингельблюм, чтобы документировать жизнь еврейского населения во время нацистской оккупации. Всего в организации, действовавшей на территории Варшавского гетто, было 50-60 участников. Многие из них даже не знали о существовании друг друга: вся работа проводилась тайно. Исследования продолжались даже после операции «Рейнхард», во время которой сотни тысяч евреев были вывезены из гетто в Треблинку. Группа прекратила действовать лишь в апреле 1943 года, незадолго до восстания в Варшавском гетто. Большинство участников «Ойнег Шабат» не пережили войну.

2.

Архив создавался коллективными усилиями ученых, писателей и архивистов. Стараясь собрать как можно больше различных свидетельств о жизни польских евреев во время Второй мировой войны, Рингельблюм и участники его группы общались с обычными людьми. Чтобы жители гетто могли вести заметки о своей повседневной жизни, они раздавали им блокноты. Таким образом, архивы, которые должны были сохраниться для будущих поколений, создавали не историки, а обыкновенные люди. Рингельблюм считал, что историю надо записывать «изнутри»: он был уверен в том, что ранний период жизни в гетто на дальнейшем этапе развития событий может забыться.

3.

Группа «Онег Шабат» базировалась в Варшаве, однако ее участники собирали информацию и в других городах, отправляя туда своих тайных посланцев в надежде получить хоть какие-то сведения. Работа велась на всей территории оккупированной Польши. Архив Рингельблюма стал одним из важнейших источников документации Холокоста и сведений о 3,5 миллионах польских евреев.

4.

В Архив Рингельблюма вошли прежде всего письменные материалы: дневники, репортажи, а также исследования различных аспектов жизни в гетто, которые тайно проводили участники «Онег Шабат». Однако в архиве сохранились и некоторые артефакты той эпохи: газеты, письма, открытки, немецкие указы, приглашения на мероприятия, проходившие в гетто, а также листовки, театральные афиши и даже трамвайные билеты или обертки из-под сладостей. Эти настоящие обрывки жизни в гетто не сохранились бы, если бы не четко скоординированная работа группы.

5.

Произведения искусства, включая работы узников гетто и литературные работы, созданные в гетто. Помимо документов и артефактов, в архив вошли созданные в гетто произведения искусства и литературные работы, имевшие для Рингельблюма документальную ценность. В архиве сохранились стихотворения таких поэтов, как Ицхок Каценельсон, Владислав Шленгель, Йозеф Кирман, Густава Ярецкая и Кальман Лис (стихотворения в переводе на английский язык можно

прочитать здесь). В архиве содержится более 300 рисунков и акварелей: например, рисунки Гилы Секштайн и мрачные графические рисунки Розенфельда, который изобразил Холокост в духе модернизма.

6.

«Ойнег Шабат» - Центр гражданского сопротивления. Когда в начале 1942 года до Варшавы долетели первые слухи о массовых убийствах евреев, деятельность «Онег Шабат» изменилась. Вместо того чтобы просто собирать материалы для «обширной монографии» о жизни польских евреев, группа начала документировать разрушение еврейских общин и пытаться оповестить о ситуации более широкие круги. «Отчет Грояновского» — один из самых ранних отчетов о действиях нацистов, в которых рассказывалось об уничтожении польских евреев в лагере смерти в г. Хелмно, попал на Запад благодаря тайной деятельности участников «Онег Шабат». Это был один из первых документов такого рода, опубликованных в июне 1942 года.

7.

Материалы архива это неоценимые сокровища, спрятанные в руинах. Материалы Архива Рингельблюма хранились в 10 металлических коробках и двух бидонах из-под молока. Первая партия была спрятана в августе 1942 года, вторая — в феврале 1943 года, незадолго до восстания в Варшавском гетто. Первый тайник был обнаружен в сентябре 1946 года, второй — лишь в декабре 1950.

Глава 11.

Кто руководил восстанием варшавского гетто.

Историк Хава Дрейфус разделяет ту точку зрения, что **Мордехай Анелевич**, проявивший в ходе восстания личный героизм и мужество, и которого считают лидером восстания, на самом деле был лишь **одним из руководителей восстания**.

Менее известный, чем Анелевич», один из руководителей Еврейского воинского союза **Z.Z.W. Павел Френкель** в Израиле «**был выброшен из книг по истории**», писал бывший министр обороны Израиля Моше Аренс.

Известно, что Френкель возглавлял оборону главного штаба Еврейского воинского союза на Мурановской площади. Его отряд несколько раз отражал атаки.

Еще более странно, что имя командира Еврейского воинского союза **Давида Апфельбаума не упоминается даже в исследовании Моше Аренса**. Имя **Апфельбаума** в Израиле также выброшено из книг по истории.

Израильские документалисты Симон Шехтер и Юваль Хаимович сняли документальный фильм о восстании в варшавском гетто. Вот что они рассказывали в одном из интервью:

*«Восемь лет назад, когда мы работали над фильмом для Музея еврейского воина в Латруне, - рассказывает Симон Шехтер, - нужно было сделать короткий фильм, который расскажет историю Варшавского гетто. Мы уже начали писать сценарий, но нам в руки попала книга бывшего министра обороны Израиля Моше Аренса "Флаги над гетто", в которой автор утверждает, что главное сопротивление эсэсовцам было оказано организацией **Френкеля**, а группа Анелевича ее не поддержала. Анелевич и его товарищи даже в условиях гетто не смогли преодолеть политических предубеждений и отказались вступить в союз с ревизионистами».*

Симон Шехтер и Юваль Хаимович разыскали в доме для престарелых Жуту Гартман - одну из оставшихся в живых участников восстания. Она рассказала документалистам о группе Френкеля, которая была главной движущей силой восстания. Она сказала документалистам:

"Я столько лет носилась с этой правдой, и меня отовсюду гнали!"

В Израиле, вспоминает Жута, ее нигде не пускали, и твердили, что ни ее, ни вообще каких-то ее товарищей там не было. Гнали и правые, и левые, и даже ее семья».

Документалисты откровенно рассказали о том, что фонды, финансирующие кинематографию в Израиле, узнав об идее фильма, либо отказывали в финансировании, либо, выделяя бюджет, сразу ставили ограничительные условия. Фонды предупреждали, что если в фильме о восстании в варшавском гетто, изложение правды приведет к критике левых сил в Израиле и к критике Бен-Гуриона, причем, критика будет излишне жесткой, то и санкции могут быть жесткими. Боязнь участия в проекте, который может бросить тень на авторитет Бен-Гуриона, ограничивала возможность восстановить историческую справедливость.

Причем тут Бен Гурион? - спросите вы

В период Британского мандата в 1930 г. Бен-Гурион объединил две самые крупные левые рабочие партии «Аядут хаавода» и «Поалей ха Цаир» и создал партию «МАПАЙ». Бен-Гурион придерживался марксистских взглядов. Он был ярким противником Жаботинского, который

возглавлял ревизионистское движение. Бен-Гурион обвинял ревизионистское движение в воспитании молодежи в духе расизма и ненависти к трудящимся. В Польше организация Z.Z.W. придерживалась ревизионистских взглядов. Отсюда и страх руководителей фондов, которые, финансируя создания фильма, боялись положительной оценки ревизионистской организации сопротивления в варшавском восстании. Фильм был сделан, но в широком прокате не был.

Жута Гартман

В Израиле, если не считать Яд Вашем и экспозиции в нем, посвященной восстанию в варшавском гетто, имена Давида Апфельбаума и Павла Френкеля преданы забвению.

В одной из публикаций о Давиде Апфельбауме говорится даже как о «фиктивной фигуре», хотя в Википедии есть статья об этом мужественном человеке, как об одном из создателей и командире **Z.Z.W**

Почему?

Почему предается забвению тот факт, что именно **Z.Z.W** сыграл **главенствующую роль** в вооруженном восстании Варшавского гетто?

Почему на скульптурной композиции, посвященной памяти борцов Варшавского гетто, скульптор Натан Раппопорт, участник восстания Варшавского гетто, расположил в центре своей композиции фигуру Мордехая Анелевича? Почему на этой композиции отсутствуют Давид Апфельбаум и Павел Френкель?

Мне представляется, что ответ на этот вопрос кроется в истории создания и в идеологических пристрастиях этих организаций.

О каких организациях и их пристрастиях идет речь?

Еврейская боевая организация Z.O.B

Из Википедии следует, что Z.O.B. или **Еврейская боевая организация** (польск. *ŻOB*, *Żydowska Organizacja Bojowa*, идиш *ארגאניזאציע פאר קאמף*) — подпольная вооружённая организация польских евреев во время Второй мировой войны, **самая известная** еврейская военизированная организация еврейского Сопротивления, которая действовала в основном на территории Варшавского гетто.

Отряды Еврейской боевой организации ZOB были сформированы 28 июля 1942 года в Варшавском гетто членами Военной организации социалистического Антифашистского блока, сионистских организаций Ха-шомер ха-цаир, Цукунфт, Дрор, и молодёжной организации Бунда, которая присоединилась к Антифашистскому блоку 15 октября 1942 года. Иными словами, костяк Z.O.B составляли сионистские организации **лево-социалистической** ориентации.

Достаточно сказать, что организация Ха-шомер ха-цаир, являлась одной из всемирных молодежных организаций, исповедовавших принципы социалистического сионизма и социал-демократии. Некоторые группы этой организации придерживались даже марксистских взглядов. Членами этой организации были такие известные в Израиле люди, как: Менахем Бегин – бывший премьер-министр Израиля, Иссер Харель – руководитель «Мосада» в период 1952-1964; Меир Вильнер генеральный секретарь коммунистической партии Израиля: Леопольд Треппер – советский разведчик; Арик Эйнштейн – популярный певец

В 30 годы Ха-шомер ха-цаир была близка к израильской левой политической партии МАПАЙ и разделяла ее взгляды. Как известно партия МАПАЙ стояла у истоков создания государства Израиль. Более того, первые 6 созывов Кнессета партия МАПАЙ входила в правящую коалицию. Членами МАПАЙ были такие политические деятели как Бен-Гурион, Голда Меир, Моше Даян, Шимон Перес

Еврейский воинский союз Ż.Z.W.

Еврейский воинский союз, как следует из Википедии (польск. *Żydowski Związek Wojskowy*, *Ż.Z.W.*, идиш *מיליטערישער פֿאַרבאַנד*) — подпольная вооружённая организация польских евреев во время Второй Мировой войны. Союз состоял из бывшего военнослужащего Войска Польского и поддерживался еврейскими **правыми** организациями.

Большая часть членов этой организации были **сионистами-ревизионистами**.

Еврейский воинский союз под другим названием был создан по инициативе Зеева Жаботинского еще в 1933 году. В его состав входили такие организации, как «Бейтар», «Эцель». «Брит а-хаяль». («Бейтар» – Союз Иосифа Трумпельдора - молодежная ревизионистская международная организация; «Эцел» - Национальная военная организация; «Брит а-хаяль» – международный союз польских солдат и офицеров). Все эти организации были правой ориентации. С 1938 года организации, входившие в «Эцель», издавали две газеты (одна на идиш, другая на польском языке). «Эцель» создавала тренировочные лагеря и склады с оружием, готовилась к борьбе в еврейском ишуве Палестины. с англичанами. «Эцелем» в 1939 году были куплены и арендованы десятки судов, которые одновременно должны были выйти из разных портов Италии и, собравшись в одном месте, продолжить путь к Палестине и высадить на побережье 40 тысяч бойцов этой организации во главе с Жаботинским. Выход кораблей планировался на август 1939 года. Из-за ряда организационных проблем выход десанта затянулся, а начавшаяся война и оккупация Польши поставила крест на этих планах. Часть бойцов десанта, уже находившихся в Италии, сумела добраться до Палестины, часть вернулась в Польшу. В 1940 году руководство «Эцеля» переправила некоторое количество своих солдат и офицеров в польские части Франции и Англии. Организация «Бейтар» была наиболее военизированной, члены которой проходили военную подготовку.

Почему для этой цели была выбрана Италия? Есть неподтвержденные данные о поддержке этой акции со стороны правительства Муссолини.

Организация *Ż.Z.W.* в том виде и в том составе, которая сражалась в Варшавском гетто, была создана в октябре 1939 года. Как организация, она была оформлена на встрече в инфекционном стационаре им. Св. Станислава в одном из районов Варшавы Воля. Эта организация изначально входила в *Wojskowy Związek Walki Zbrojnej* (WZWW, Военный альянс за вооруженные силы). Эти объединения за короткое время прошли серьезную реорганизацию. В итоге возникла подпольная организация *Zbrojne Wyzwolenie* (ZW, Вооруженное освобождение), а впоследствии - КБ, Корпус безопасности. Именно в Корпусе безопасности группа еврейских офицеров сформировала *Ż.Z.W.* Основателями этой организации стали Давид Апфельбаум, Кальман Мендельсон, Генрик Липшиц-Липинский и Шимон Биалоскора. Руководитель Корпуса безопасности Генрик Иваньский снабдил эту группу оружием и документами. Возникшая организация ставила своей целью борьбу с нацистами. Благодаря связям с бывшими военными друзьями, были созданы две боевые группы: одна под командованием Тадеуша Боднарчука – в районе Уродмечья, вторая под командованием Здислава Носаржевского в районе Воля. В эту группу вошли врачи и персонал инфекционного стационара им. Святого Станислава.

Давид Апфельбаум, Давид Мечислав и доктор Ниемирский установили контакт с группой Носаржевского. В 1940 году *Ż.Z.W.* насчитывала уже 4 группы (4 взвода) и стала автономной организацией сопротивления евреев в рамках польского подполья, подчинявшегося генералу Сикорскому.

Командование группами осуществляли: [Давид] Мечислав Апфельбаум, Генрик Липшиц-Липинский, Леон Родал и Шимон Биалоскора.

По словам Мендельсона, к маю 1940 года Леон Родал, активный ревизионист, стал одним из ключевых членов группы, осуществлявшим связь со старшим офицером Бейтара в Варшаве Перецом Ласкером.

Z.O.B и *Ż.Z.W.* были, как некоторые считают, самостоятельными и независимыми организациями. Попытки объединить их не приводили к желаемому результату. На месте существовало лишь подобие их координации.

Аналогичная ситуация возникла и в период борьбы за независимость Израиля: конфликт между социалистами-ревизионистами Бейтара и организацией Ха-агана, поддерживающей лево-социалистический МАПАЙ, дошел, как известно, до прямого вооруженного противостояния.

Но почему, спросите вы, про Мордехая Анелевича и *Z.O.B.* знают многие, а имя Давида-Мордехая Апфельбаума, как и *Ż.Z.W.*, практически не известно? Ответ прост – история восстания в Варшавском гетто писалась под диктовку израильских социалистов, которым необходима была красивая легенда о социалистическом подполье в гетто. «Ревизионисты» в качестве героев мешали в Израиле победе МАПАЙа над правой оппозицией. Укреплению легенды способствовало то, что большая часть бойцов и практически все руководство *Ż.Z.W.* погибло, в то время как руководство *Z.O.B.* сумело покинуть гетто фактически основным составом...

Говоря о попытках пересмотра истории, нельзя не заметить, что замалчивается не только роль Еврейского воинского союза и его командиров Давида Апфельбаума и Павла Френкеля.

Об оккупированной Польше и восстании в Варшавском гетто написано очень много, проведены исследования историков, опубликованы воспоминания участников и свидетелей восстания, защищены десятки диссертаций. Восстанию в Варшавском гетто посвящена большая экспозиция в Яд Вашем. Неискушенный читатель, интересующийся историей восстания в Варшавском гетто, может быть обескуражен расхождениями в описаниях тех или иных эпизодов восстания, оценками

роли различных групп сопротивления, участвовавших в подготовке и в проведении восстания. По-разному оценивается поведение поляков, в той или иной мере причастных к событиям того времени. Исследователь Холокоста Профессор Хава Дрейфус в своей книге «Варшавское гетто – конец» пишет:

«Я чувствовала серьезные расхождения между описаниями повседневной жизни в источниках времен Холокоста и историей, к которой мы имеем отношение, - о депортации евреев или восстании».

Дрейфус пишет о том, что нельзя говорить о вооруженном восстании, как о единственной форме сопротивления нацистам. Нельзя забывать, что имели место и другие формы сопротивления, такие, например, как уклонение от депортации, отказ от выполнения распоряжений Юденрата и другие.

Одной из форм сопротивления, как писала 4 апреля 2003 года израильская газета «Хаарец», стал малоизвестный факт **создания подпольного общества архивистов**. С 1940 по январь 1943 года члены общества архивистов занимались ведением личных дневников, сбором свидетельств и других материалов, освещавших жизнь в гетто. Возглавлял это общество, которому дали название **«Ойнег Шабес»** («радость Шаббата»), историк Эммануэль Рингельблюм. Этот проект, который возглавлял местный историк Эмануил Рингельблюм, получил кодовое имя «Ойнег Шабес» («радость Шаббата») – по-видимому, потому, что его члены собирались в субботу. Его 60 или около того участников были отобраны Рингельблюмом, который в конечном счете избежал гетто, но не пережил войны.

Они представляли собой широкий срез польско-еврейского общества, включая врачей и раввинов, сионистов и бундовцев.

Из 60 членов этого общества только 3 человека выжили в Холокосте. В 1943 году перед разрушением гетто 10 оловянных ящиков и 2 молочных бидона с уникальными документами были захоронены, - часть под школьным зданием, часть в саду китайского посольства. Эти бесценные материалы, за исключением третьего захоронения, были в сентябре 1946 года случайно обнаружены польскими строителями. 35 тысяч страниц этих документов были архивированы в Еврейском историческом институте.

Многие источники восхваляют участников восстания, **умалчивая об огромных потерях и неудачах.**

Умалчивают об имевших место несогласованности действий военизированных групп, о жертвах среди узников гетто, об убийствах евреями евреев, о доносах евреями на евреев, прятаящихся от депортации и т.д.,

Современные **польские** исследователи и политики делают попытки фальсифицировать, **приуменьшить** значение этого восстания, умалчивать факты коллаборационизма поляков, помогавших вылавливать скрывавшихся евреев. Наряду с этим **преувеличивается** значение **польского**, (не еврейского) сопротивления нацистам. Замалчивается, что польские партизанские отряды, как и нацисты, убивали евреев. Вызывает недоумение тот факт, что Израиль в списках участников Варшавского восстания **не упоминает** бойцов Еврейской военной организации Z.Z.W, не упоминает и имена польских коммунистов, сражавшихся в составе Z.Z.W.

Да, их было мало, но они реально были, несмотря на то, что Польская компартия, имевшая свои отделения в большинстве городов страны, была разгромлена по указанию из Москвы после подписания пакта Риббентропа-Молотова. Однако, сохранившиеся единичные ячейки

коммунистов, перешли в подполье и сражались с немцами как самостоятельно, так и в составе групп сопротивления. В послевоенной истории о них **ни слова**. В то же время есть материалы об участии уголовных элементов гетто в сражениях с фашистами.

Вызывает недоумение, огорчение и неприятие факт умалчивания и фальсификации событий, имевших место в ходе восстания, и некоторыми оставшимися в живых участниками восстания.

Так, участники Варшавского восстания из Z.O.B. (Еврейской боевой организации), оставшиеся в живых, Ицхак Цукерман и Марек Эдельман в своих воспоминаниях говорили о Z.Z.W. с презрением и распространяли **ложь** о том, будто большинство активистов Z.Z.W. было арестовано еще до восстания. Историк Эммануэль Рингельблюм сионист левой ориентации после его визита в "центральный штаб организации «бейтар» пишет в своем рапорте: "Они вооружены до зубов и ничего не боятся". А заканчивает он свой рапорт следующими словами: **"Это была группа фашистов из итальянской школы."**

К сожалению, до нашего времени о восстании Варшавского гетто дошли только письменные свидетельства участников восстания из Z.O.B.

Первые публикации на эту тему увидели свет только в 1944 году, т.е. спустя год после восстания. Это был своеобразный отчет, записанный для передачи своим партийным товарищам в Палестине. Как говорится в одной из статей Еврейского политического обозрения номер 18 1-2 от 2006 года:

«Одним из важных видов деятельности Z.O.B.а была документация. Его лидеры имели сильное чувство истории и чувствовали, что они были последними оставшимися евреями. Следовательно, они взяли на себя ответственность сохранить и рассказать историю польского еврейства в дни разрушения и восстания». Многие свидетельства были написаны в квартире Z.O.B.а. Ицхак Цукерман, псевдоним «Анте́к», был жизненной силой группы, посвященной сбору свидетельств».

Генеральный секретарь Всемирного союза трудового сионистского движения Мелех Нойштадт, ссылаясь на отчет, полученный от Еврейского национального комитета в Польше в мае 1944 года, писал:

«Что касается ревизионистов, то из всех материалов, касающихся восстания в Варшавском гетто, имеется только одно упоминание об их участии, а именно в докладе от 22 июня 1943 года, который дошел до «Бунда» за рубежом только в начале 1944 года. В этом отчете говорится: «ревизионисты, которые основали свою небольшую организацию под названием «Некама» (Месть), прекратили свою деятельность через два дня»

В этой фразе что ни слово – ложь. Ревизионисты или члены организации Z.Z.W. (Еврейский Боевой Союз) не прекращали свою деятельность даже после окончания войны в 1945 году. Оставшиеся в живых бойцы Z.Z.W сражались с частями Красной Армии и отрядами НКВД в партизанских отрядах западной Белоруссии.

Эта «небольшая» организация к моменту восстания в Варшавском гетто насчитывала 1500 бойцов, тогда как численность Z.O.B.а к моменту начала восстания не превышала 300 бойцов.

В материалах о восстании в Варшавском гетто на протяжении многих лет, Z.O.B. изображался если не единственной, то главенствующей боевой организацией еврейского сопротивления. Подчеркивалось, что Z.O.B. объединял большинство разрозненных остатков различных еврейских молодежных организаций.

В некоторых из этих материалов есть единичные упоминания о том, что ревизионисты и их «малочисленное» молодежное движение «Бейтар» также участвовали в восстании в гетто отдельно от Z.O.B. В материалах о Z.Z.W. говорится, как о «небольшой» группе, которая играла только номинальную роль в реальных боях или просто бежала из гетто, когда бои начались.

Это утверждение, однако, опровергается немецкой документацией, в частности отчетами генерала СС Юргена Штроопа, которые указывают на то, что самая тяжелая и продолжительная битва восстания велась на Мурановской площади - именно в той части гетто, которая была зоной действия Z.Z.W.

По мнению большинства историков - независимо от того, как мало внимания они уделяли Z.Z.W. - ревизионистское подполье было наиболее вооруженным подразделением в гетто, которое контролировало туннель, соединяющий его штаб с «арийской» Варшавой. Более того, общепризнанно, что еврейские и польские флаги высились над штаб-квартирой Z.Z.W., вызывая гнев немцев и восхищение многих польских свидетелей – жителей Варшавы.

В декабре 1943 года, незадолго до своей смерти, историк и основатель Антифашистского блока в гетто Эммануэль Рингельблюм в переписке с Адольфом Берманом, лидером левой организации «Поалей Цион» писал:

«И почему в истории нет информации о ZZW. Они должны оставить отпечаток, даже если в наших глазах они не сочувствуют»

Рингельблюм описал свое посещение штаб-квартиры ZZW до начала восстания. На него произвели впечатление значительный арсенал группы и обеспечение бойцов немецкой униформой, «все из которых были использованы в полной мере в «апрельских акциях».

На эту публикацию никто не обратил внимание.

После окончания войны о Z.Z.W. были опубликованы весьма скудные материалы. Как известно, подавляющее количество бойцов ZZW, включая все ее руководство, погибли. Именно поэтому следовало воспользоваться информацией, которой владели немногочисленные оставшиеся в живых члены этой организации. По какой-то причине историки и журналисты избегали брать у них интервью. Наиболее объективными свидетельствами о роли Z.Z.W. в восстании Варшавского гетто являются воспоминания праведника народов мира Генрика Иवानьского и Тадеуша Боднарчика, опубликованные на западе.

Мачей Кледзик - журналист и историк, написал в консервативной варшавской ежедневной газете «Rzeczpospolita» материал, в значительной степени опиравшийся на показания Иवानьского, Беднарчика и других. Он призвал пересмотреть существующие свидетельства о восстании в гетто, чтобы уделить больше внимания ZZW.

Журналист и видный общественный деятель Хаим Лазар-Литаи опубликовал исследования истории восстания Варшавского гетто «Масада в Варшаве». В основу его исследования легли материалы, собранные в начале 60 годов Хаей Лазар – женой Хаима Лазара. Она отыскала в Польше материалы о Z.Z.W. и взяла интервью у людей, выживших в польском подполье. Одним из тех, кого она интервьюировала, был Кальман Мендельсон-Майндавски, который в структуре Z.Z.W. был руководителем отдела эвакуации, и который обеспечил вывод через туннель на «арийскую» часть Варшавы группы бойцов Z.Z.W. и гражданских лиц.

Вот что писал Хаим Лазар в своей книге:

«И почти всё написанное до сих пор – а ведь написано множество книг и статей о восстании варшавских евреев – это или коварная подделка тех, кто ищет собственную славу в забвении других, или ошибка из-за недостаточных знаний и доверчивого отношения к оставшимся в живых свидетелям, которые принесли свои рассказы и сокращённые версии, умаляющие других и, конечно же, приукрашающие себя».

К сожалению, эту книгу Хаима Лазара в Израиле не приняли всерьёз. Политики и официальные лица игнорировали ее; она не цитировалась израильскими учеными, возможно потому, что она стала обвинительным актом сионистскому истеблишменту, пытавшемуся скрыть правду о Z.Z.W.

В материале из Академической Вики-энциклопедии EJWiki о Кальмане Мендельсоне говорится, что до второй мировой войны он был членом «Бейтара» и связанном с ним «Союзом солдат». Члены этого Союза прошли в польской армии военную подготовку и офицерские курсы. Мендельсон в начале войны был призван в польскую армию в чине младшего лейтенанта (подхорунжий).

Мендельсон был одним из четырёх евреев, в первый раз встретившихся в ноябре 1939 года с офицером Корпуса безопасности Армии Крайовой Генриком Иваньским, получившим приказ создать группу для защиты евреев в Варшаве. Именно Иваньский дал Кальману Мендельсону псевдоним **«Казимеж Мадановский»**.

В 1940 году Мендельсон организовал в варшавском гетто подпольную группу численностью 12 человек, у которой были явочные квартиры в доме на Кармелийской улице и в доме на Налевках в Варшавском гетто. Вооружение группы составляло 4 пистолета, которые хранились в подвале дома на Кармелийской, 5. Кальман Мендельсон участвовал в бою на Мурановской площади и был ранен. Генрик Иваньский вывел его с семьёй из гетто на "арийскую" сторону и прятал у себя в квартире. Впоследствии его спрятали в польской деревне

В августе 1944 года Кальман вернулся в Варшаву и принял участие в восстании.

Получивший тяжелые ранения Кальман Мендельсон остаток своей жизни провел в госпиталях и санаториях.

Он считался единственным оставшимся в живых командиром Z.Z.W. Его свидетельство подтвердило рассказ Генрика Иваньского о Z.Z.W. и его

роли в еврейском сопротивлении. В статьях, которые Иваньский успел написать, было указано, сколько и какого оружия получил Z.Z.W. через поручика Армии Крайовой Бернаржа.

В 1959 году вышла книга Давида Вдовинского – члена политического отдела Z.Z.W., которому также посчастливилось спастись. Эта книга тоже хорошо согласуется с фактами, изложенными в статье Генрика Иваньского и исследованиями

Кальмана Мендельсона.

Немецко-еврейский историк Арно Люстижер, которого трудно обвинить в пристрастности, писал:

«После 1945 года был выпущено и издано много книг, документов, фильмов и радиопередач о восстании в Варшавском гетто. Почти во всех публикациях только одна организация

сопротивления изображена со славой и точностью - Z.O.B. Тот, кто знает огромное количество литературы, не понимает, что в Варшавском гетто существовала другая боевая организация – Z.Z.W. До сегодняшнего дня мало кто из историков рассматривал это в своих исследованиях. Также в Израиле почти все институты и архивы, которые занимаются Холокостом и сопротивлением, игнорируют его. Причина этого пробела в учебниках истории носит идеологический характер».

Мариан Апфельбаум - родственник Давида Апфельбаума, парижский врач польского происхождения посвящает целую главу «Лжи и их причинам», в которой он пишет о преднамеренной попытке вырезать Z.Z.W. из истории восстания в Варшавском гетто.

Книга была опубликована в польском переводе с одобрения Яд Вашем.

Действительно в первое десятилетие после войны политическая обстановка в Израиле, а это был период, когда у руководства страны стояла левая партия «Мапай», определялась теми, кто был ближе к Z.O.Bu. Именно «Мапай» использовал свои возможности для того, чтобы в израильские учебники истории попал только Z.O.B.

Так в Израиле уже в тот период пересмотру подверглась история восстания Варшавского гетто. И тогда, и сейчас, к сожалению, последователи Жаботинского не пытались и не пытаются восстановить историческую справедливость. К большому сожалению и сейчас в Израиле не принято говорить о Z.Z.W. и его определяющей роли в этом восстании.

В большой статье, появившейся в канун 60-летия восстания в варшавском гетто в крупнейшей израильской газете «Едиот ахронот» известный журналист Ноах Клиnger. повторил старый миф о том, что восстание совершили сионисты из левых организаций.

Несмотря на огромное количество публикаций по различным аспектам Холокоста, и в частности по Варшавскому гетто в последующие годы, Z.Z.W. были посвящены немногочисленные статьи, большая часть которой была написана не подготовленными историками, а журналистами и публицистами. Историки не спешили брать интервью у выживших членов Z.Z.W., большинство из которых были не командирами ревизионистского подполья, а в основном простыми повстанцами.

Израиль Гутман, один из ведущих израильских исследователей Холокоста, которого ревизионисты обвиняли в том, что он в своих исследованиях не уделял больше внимания Z.Z.W, признал это:

«Следует также подчеркнуть, что продолжающиеся политические и идеологические распри привели к несоответствиям в реконструкции исторической картины. Наиболее ярким примером является пренебрежение, почти до полного упущения, Еврейской военной организации (ZZW), основанной ревизионистами и членами Бейтара в Варшавском гетто, которая принимала активное участие в боевых действиях во время восстания ... , Это наиболее очевидный, но ни в коем случае не единственный случай, когда тенденциозные политические соображения привели к искажению истинной картины, пересмотру счетов и даже прибегали к фабрикации в попытке вычеркнуть соперничающие лагеря из истории, одновременно увеличивая вклад своего собственного»

Совершенно очевидно, что политические соображения являются причиной замалчивания Еврейского воинского союза и его командиров Давида Апфельбаума и Павла Френкеля.

Замалчивается не только роль Еврейского воинского союза и его командиров Давида Апфельбаума и Павла Френкеля. Ни в России, ни в Польше, ни в Израиле нет фундаментального исследования истории Польши в период 1939 - 1945 годов.

После войны тема положения евреев в Польше во время войны стала еще более болезненной после принятия Сеймом закона, по которому нельзя говорить ничего плохого о поляках во время войны. Закон о Холокосте обострил отношения между Польшей и Израилем?

Глава 12.

Казик

Источник фото: © Getty images/U. Sinai

Каким я помню Казика.

Государственный визит в Германию

25-го января 2010 г. Берлин по приглашению германского правительства для участия в церемониях по случаю 65-летия освобождения Освенцима и международного дня Холокоста прибыла израильская делегация во главе с Президентом Израиля Шимоном Пересом. В состав делегации вошли представители Центра, объединявшего более 50 общественных организаций узников концлагерей и гетто, а также беженцев Холокоста. Как вице-президент одной из таких организаций и член правления Центра, в состав этой делегации, был включен и я. В кафе аэропорта в ожидании посадки на самолет меня пригласили за столик, где несколько человек, среди которых Председатель правления Центра Ноах Флюг и еще два незнакомых мне человека, вели оживленную беседу. Одного из них я узнал по голосу. Это был известный журналист, работавший на радио Израиля «Решет бет», Яир Голан. Второй – невысокого роста, пожилой седой с грустными глазами человек представился: Симха Ротем. Ноах Флюг коротко представил меня: «Это Абраша. - член нашего правления». Я с интересом стал прислушиваться к их разговору. Время от времени собеседники обращались к Симхе, называя его Казиком. Слово Казик никак не вязалось со словом Симха. Я не выдержал и спросил у Ноаха, почему он называет Симху Казиком.

- Как ты не знаешь? - удивился Ноах. Весь Израиль знает, а ты нет!

- Оле хадаш! (новый репатриант) – отреагировал на это Яир Голан, как бы говоря - ну что ты от него хочешь. Он же новый репатриант.

Казик тоже посмотрел на меня с интересом и тут же снова включился в разговор. В самолете мы оказались в соседних креслах. Вначале Казик погрузился в молчание. Оживился он, когда после взлета в салоне появился президент Шимон Перес, переходивший от ряда к ряду, здороваясь с членами делегации. У нашего ряда президент задержался и перемолвился несколькими фразами с Казиком.

- Интересно, - помнится, подумал я. Почему это Перес из всех членов делегации выделил только Казика? Последовавшие в ходе визита встречи с официальными лицами германского правительства и членами Бундестага, также выявили их интерес к Казiku. Он оказался самым востребованным членом нашей делегации после президента Переса и Ноаха Флюга. Это при всем притом, что среди нас были очень интересные личности, такие, например, как Роман Ягель – бывший узник гетто, генерал, воевавший в составе красной, польской и израильской армий. В составе делегации была и Йона Лакс, пережившая опыты доктора Менгеле. Почти все время полета, Казик провел в самолете в полудреме. При подлете к Берлину Казик неожиданно толкнул меня в бок и показал в иллюминаторе самолета эскорт немецких истребителей, сопровождавших наш самолет.

- Меня еще так ни разу не встречали! – с улыбкой произнес Казик, нарушив молчание. С этого момента у нас завязался разговор. Как-то так получилось, что на протяжении всех дней пребывания в Берлине чаще всего удавалось беседовать, обмениваться впечатлениями с Казиком. Он явно симпатизировал мне. Мы много беседовали. Вот что сохранилось в моей памяти из рассказов Казика.

В 1939 году, когда началась война, он был подростком. Часть его семьи погибла во время бомбардировок Варшавы. Он сам едва уцелел, сумев выбраться из-под развалин дома и доползти к укрытию. В 1940 году его семья переселяется в гетто. 16-летний Симха, или как его в семье называли Шимек, работал в эсэсовской резиденции – доме, где жили офицеры СС со своими семьями. Там он трудился в саду, убирал и делал все, что приказывали.

Родители, боясь за его судьбу, отправили Симху к дальним родственникам в местечко под Радовым недалеко от Варшавы. Там не было немцев, и Шимек какое-то время работал пастухом у одного из местных поляков. В деревне он пересидел и лето 1942. Когда в 1942 году возникла угроза уничтожения евреев местечка, он вернулся в Варшаву, в гетто. Там в Радове, - рассказывал Казик, он впервые увидел, как расстреливают евреев. В гетто Симха вступил в ряды подпольщиков и стал бойцом отряда Марека Эдельмана.

«Я был 15-летним пареньком и выглядел, как чистокровный ариец, – написал он позже. – Мой польский был обычным – так говорили окружающие меня поляки. Не был это язык интеллигентов».

Хорошая, нееврейская, внешность и отсутствие еврейского акцента в польском языке стало его главным оружием. Командир батальона Ханок Гутман обратил внимание на то, что Симха Ратайзер совсем не похож на еврея, больше того – немцы нередко принимают его за своего. Тогда-то и было решено использовать юношу в качестве связного между батальоном и руководителями восстания Мордехаем Анелевичем и Ицхаком Цукерманом. Тогда же он и получил боевой псевдоним Казик.

Благодаря своей «арийской» внешности Казик довольно свободно передвигался по территории гетто и даже выходил за его пределы, не привлекая к себе внимания немцев. Широко известен его рассказ о том, как Казiku удалось вывести из переживавшего последние дни гетто около 30 повстанцев, у которых не было никаких шансов остаться в живых.

На «арийской» стороне он познакомился с двумя поляками, работавшими в Варшавской мэрии в качестве инженеров водопроводных сетей. Они рассказали ему, что через городскую канализацию можно выйти из центра на самую окраину Варшавы, а там уже и рукой подать до леса, который может стать надежным укрытием. Эту информацию Казик передал Цукерману и его невесте Цвие Любеткин. Было решено воспользоваться этой возможностью, когда ситуация в гетто потребует этого. Когда положение отряда Марека Эдельмана в пылающем гетто стало безнадежным, Казик обратился к своим знакомым инженерам и те согласились в обмен на огромные деньги вывести группу людей через канализационные ходы на окраину города. Однако, когда на пол пути к гетто они узнали, что речь идет о евреях, то заявили, что никуда не пойдут. В ответ Казик направил на них

пистолет и заявил, что если они не выполнят уговор, то у него не будет проблем выпустить в них пулю. Казик рассказывал мне об этом со смехом, хотя в тот момент он был готов действительно пустить в ход оружие. В назначенный час к канализационному люку на улице Болеслава Пруста подъехал захваченный повстанцами грузовик с 34 бойцами еврейского сопротивления, и они один за другим стали спускаться в канализацию. Казик рассказывал, что должна была подойти еще одна группа из нескольких десятков человек, и Цвия Любеткин отдала ему приказ дожидаться всех. Однако на месте стоянке грузовика стали собираться любопытствующие поляки, вот-вот могли появиться немцы, и Казик отдал приказ закрыть люк и начать движение, не дожидаясь опоздавших бойцов. В итоге все эти бойцы благополучно добрались до леса, где создали партизанский отряд.

Позже Цвия Любеткин обвинила Казика в том, что он бросил своих товарищей по борьбе на гибель. «Она сказала мне: «Мне хочется тебя расстрелять!» — рассказывал Казик. — и я ответил ей: «Стреляй! Но тогда и я буду вынужден стрелять в тебя, и кому будет легче от того, что мы оба умрем?!».

Гибель 15 опоздавших бойцов, доверительно говорил мне Казик, кровавым пятном лежало на его совести. Воспоминания об этом событии преследовали его всю жизнь. Известно, что вскоре после доставки этой группы в леса Казик тем же путем, через канализацию, вернулся в гетто, чтобы вывести оттуда оставшихся в живых товарищей, но к этому времени восстание было подавлено, и пустые улицы были усеяны трупами. В те минуты, говорил Казик, я почувствовал себя последним евреем Варшавы.

Спустя год, после начала Варшавского восстания, Симха Ротем оставил свой партизанский отряд, чтобы снова появиться в любимом городе и воевать на стороне восставших поляков. По окончании войны он присоединился к подпольной организации «а-Некема» («Возмездие»), которая расправлялась с поляками, замеченными в сотрудничестве с нацистами. Это — одна из самых темных страниц в биографии Казика, так как он отказывался отвечать на вопросы, касавшиеся этого периода его жизни.

В 1946 году Симха Ратайзер репатриировался в Израиль и принял участие в Войне за Независимость. Здесь он стал Симхой Ротемом, женился, родил двоих детей и сделал успешную карьеру — с 1962 по 1986 год был гендиректором сети супермаркетов «Кооп-Иерушалаим». Одновременно все эти годы Ротем активно участвовал в увековечивании памяти героев восстания Варшавского гетто, принадлежавших к организации «а-Шомер а-цаир», но при этом крайне неохотно и скупно давал интервью журналистам о своей роли в этом восстании. Большая часть вышеприведенных фактов известна также из рассказов других еврейских подпольщиков.

Он издал и отредактировал несколько книг воспоминаний о Варшавском гетто. С 1963 года он входил в комиссию музея «Яд Вашем» по выявлению и награждению Праведников народов мира. Был почетным директором Музея восстания в варшавском гетто в кибуце Яд-Мордехай, названного в честь руководителя восстания Мордехая Анелевича. В апреле 2008 года принял участие в праздновании 65-й годовщины восстания в Варшавском гетто.

Журналист Арье Голан в заметке памяти Симхи Ротема, опубликованной в газете «Маарив» рассказал, что в 2003 году Ротем принимал в своем иерусалимском доме Марка Эдельмана, который будучи противником сионизма, остался жить в Польше. Голану довелось присутствовать на этой встрече, и он все надеялся, что ему удастся узнать какие-то новые подробности о восстании в гетто, но, по его словам, во время встречи Ротем и Эдельман очень много пили и крайне мало говорили.

Но однажды, когда Голан вез Ротема на прием, устроенный посольством Польши, тот сказал ему: «Ни у кого из нас не было в те дни сомнений, что мы все рано или поздно погибнем. Поэтому единственное, чего мы хотели: это умереть с оружием в руках!».

По словам Арье Голана, и в Израиле, и в Польше Симхе Ротему было отдано немало почестей еще при жизни. Он был непременным участником всех государственных церемоний, связанных с Катастрофой; 19 апреля 2003 года, в честь 70-летия со дня начала восстания в Варшавском гетто президент Польши Бронислав Коморовский вручил ему орден Возрождения Польши (польск. Order Odrodzenia Polski, Polonia Restituta). На улице Пруста, на месте, где Казик руководил операцией по выводу евреев из Варшавского гетто, сейчас установлен памятник.

Симха (Казик) Ротем был похоронен на кладбище кибуца Арэль рядом со своей женой Гиной. В церемонии похорон, помимо одного из сыновей покойного и пяти внуков, приняли участие сотни людей, среди которых был и зам. посла Польши Петр Козловский. В день похорон Симхи Ротема по указанию министра просвещения Нафтали Беннета во всех школах страны были проведены специальные уроки его памяти.

Польские СМИ отметили, что с уходом из жизни Симхи Ротема окончательно закрылась страница, связанная с историей восстания в Варшавском гетто – очевидцев этого события не осталось. Теперь все в руках и на совести историков.

В Российском военно-историческом обществе 11 января 2019 года Симхе Ротему был посвящен материал под названием: «Какие мы герои», который я считаю уместным привести здесь.

Памяти повстанца варшавского гетто Казика Ратайзера

22 декабря в Иерусалиме умер последний из повстанцев Варшавского гетто – Симха Ротем (Шимон Ратайзер), псевдоним Казик. Ему было 94 года.

«Я делал сумасшедшие вещи», – говорил он в одном из интервью. История его жизни, действительно, читается как приключенческий роман – с неожиданными поворотами сюжета, чудесными спасениями, трагедиями и потерями. И самое главное – со счастливым финалом.

Варшавское детство

Он был обычным еврейским мальчишкой из района Варшавы, не отличавшегося хорошей репутацией, старшим братом среди четверых детей семьи Ратайзер. Назвали его Симха в честь кого-то из умерших предков, но звали по-польски Шимеком. Евреев в том районе было мало, дружил маленький Шимек в основном с польскими детьми.

Учиться он начал в хедере, но сбежал оттуда, поругавшись с учителем. Тот послал за ним других учеников, а Ратайзер натравил на них своих польских приятелей, которые прогнали еврейских мальчишек вон.

Родители отдали Шимона в обычную школу – да еще и в такую, где вместе учились мальчики и девочки. «Мне ужасно повезло, потому что все девочки жили далеко от школы, и я мог их провожать домой», – вспоминал Ратайзер позже. В 12 лет Шимон присоединился к сионистской организации Аноар Ациони, что определило его дальнейшие взгляды.

Сценарист Мири Р. Уилф, годами брала интервью у Ротема для художественного фильма, который еще не вышел. Мири Уилф поделилась эксклюзивными выдержками из сценария с «Джерузалем

пост», в котором Ротем рассказывает о том, как нацисты совершали пасхальную ночь в Варшавском гетто. решили сопротивляться до последнего человека.

Журналист Арье Голан в заметке памяти Симхи Ротема, опубликованной в газете «Маарив» рассказал, что в 2003 году Ротем принимал в своем иерусалимском доме Марка Эдельмана, который будучи противником сионизма, остался жить в Польше. Голану довелось присутствовать на этой встрече, и он все надеялся, что ему удастся узнать какие-то новые подробности о восстании в гетто, но, по его словам, во время встречи Ротем и Эдельман очень много пили и крайне мало говорили.

Издал и отредактировал несколько книг воспоминаний о Варшавском гетто, с 1963 года он входил в комиссию музея «Яд Вашем» по выявлению и награждению Праведников народов мира. Был почётным директором Музея восстания в варшавском гетто в кибуце Яд-Мордехай (названного в честь руководителя восстания Мордехая Анелевича).

В апреле 2008 года принял участие в праздновании 65-й годовщины восстания в Варшавском гетто.

Памяти Симхи (Казика) Ротайзер-Ротема

(из некролога, составленного д-ром Ицхаком Арадом «Только»)

Симха (Казик) Ротайзер-Ротем – один из выдающихся бойцов Еврейской боевой организации (ZOB), участник восстания в Варшавском гетто в апреле-мае 1943 года, сумевший вывести из гетто и спасти более тридцати своих товарищей. Впоследствии Казик принимал участие в Варшавском восстании в августе-сентябре 1944 года. В 1946-м он переехал в Палестину и способствовал созданию государства Израиль. Симха Ротем скончался и был похоронен 24 декабря 2018 года в кибуце Арель.

Казик,

От имени мемориала Катастрофы (Холокоста) и Героизма «Яд Вашем», от имени Музея еврейского воина Второй мировой войны, создающегося в Латруне, от моего имени, от имени моих друзей и знакомых, от имени последних борцов гетто и партизан, я пришел попрощаться с тобой как с последним повстанцем из Варшавского гетто. Я приветствую тебя как одного из самых смелых и выдающихся борцов гетто. Ты и твои товарищи, зная, что шансов на победу не было, тем не менее, сражались до конца. Вы доказали всему миру, что евреи умеют воевать и готовы доблестно умереть в бою. Когда восстание в гетто было практически подавлено – немцы начали массовые поджоги зданий, а гетто было охвачено огнем – тебе удалось, при помощи польских инженеров-водопроводчиков, вывести из гетто, проведя через канализационные ходы под Варшавой, десятки людей, в том числе и руководителей восстания Цвию Любеткин и Марка Эдельмана. Казик, ты выиграл этот бой – ты спас своих товарищей. Но и после этого ты не прекратил борьбу – в августе 1944 года участвовал в Варшавском восстании в составе еврейского отряда Армии людовой.

Ты выжил, и тебе выпала честь увидеть день Победы над фашистской Германией. С юности разделяя идеи сионизма, по окончании войны в 1946 году ты перебрался в Палестину, и все последующие годы активно участвовал в увековечивании памяти героев восстания Варшавского гетто и жертв Холокоста. Долек Либескинд, командир боевого подполья в Кракове, сказал: «Мы боремся за три строчки в истории... но за это мы готовы умереть!». Благодаря тебе и твоим друзьям, о восстании в Варшавском гетто будет написано не три строчки, а множество строк, множество книг, – ведь это целая глава славы в истории еврейского народа! Приведу небольшой отрывок из стихотворения Ханы Сенеш, написанного ею в партизанском отряде в Югославии. Эти строки можно отнести и к Казику, и к повстанцам из Варшавского гетто, поражающим наши сердца своим бесстрашием и героизмом:

Благословенна спичка, которая сгорела и зажгла пламя.

Благословенно пламя, горевшее в глубине сердец.

Благословенны сердца, знающие, как достойно остановиться.

Благословенна спичка, которая сгорела и зажгла пламя.

Казик, пока ты был с нами, восстание всё еще было частью нашей жизни, частью нашей истории. Когда вы, последние борцы Варшавского гетто, покидаете нас – восстание навсегда уходит в историю, став героической главой в долгой истории нашего народа. Но души Ваши будут жить вечно в бесконечной цепочке жизни.

Глава 13.

Рукопись, найденная в руинах Варшавского гетто

Б.Гольдман

«75 дней в горящем гетто»

Привожу этот потрясающий рассказ, представленный Михаилом Румером в его книге «Сошествие в ад. Жизнь и гибель Варшавского гетто».

«Потеряв во время массовой депортации семью (остался только брат), он, будучи инженером-архитектором по образованию, работает на фабрике (видимо, щеток), занимается ремонтом жилых домов, как сказали бы в России, служит начальником коммунального хозяйства. Должность престижная, дающая неплохой доход и пропуск за пределы фабричной территории. Но его мысль все время бьется в поисках выхода. Он ждет новой акции, думает о гибели, считает ее неминуемой. Что-то надо предпринимать. Вместе с группой таких же, как он, активных и достаточно молодых людей он роет подкоп, ведущий в подвал дома на арийской стороне. Они роют ночами, заканчивают работу в конце декабря 42-го, тщательно маскируют вход, запирают его - и что дальше? Успеют ли воспользоваться этим туннелем, а если успеют, как укрыться на арийской стороне? Оттуда идут вести об огромных поборах, о постоянном и мучительном чувстве опасности, с которым живут евреи. Тем не менее в ходе январской акции он уходит через подкоп из гетто и ранним утром пробирается по пустым улицам в Мокотов, где живут друзья. Через две недели он понимает: для дальнейшего пребывания у этих людей у него не хватает денег. В спешке он взял с собой небольшую сумму денег и чемоданчик с самым необходимым. Остальные его средства вложены в оборудование, которое так быстро не продашь. Приходится возвращаться. На фабрике анархия. Работа практически прекратилась. Врачи, учителя, богатые купцы, которые стояли за станками, полагая, что таким путем они спасутся от депортации, теперь окончательно разуверились в этом. Все думают только о том, как уйти под землю, пересидеть блокаду, а там, Бог даст, можно будет перебраться и на арийскую сторону. Люди рассчитывают, что их подземная жизнь будет измеряться месяцами и соответственно готовятся к такой жизни. Специалисты - строители, архитекторы - нарасхват. От имени группы богатых людей к нему обращается коллега, инженер Цедербаум с предложением построить бункер на 25-30 человек, в котором можно прятаться полгода. Гонорар за выполненную работу - места в укрытии для него и брата. Ах, что это был за замечательный бункер! Расположенный глубоко под поверхностью двора, просторный (64 квадратных метра), с трехметровой высоты потолком, спальнями, кухней, общей комнатой - назовем ее гостиной или клубом, - со своей динамо-машиной и трансформаторной подстанцией, с водяным насосом, электрической и угольной плитами на кухне, с продовольственным складом, набитым крупами, жирами, картофелем, сухарями и Бог знает, чем еще, наконец, со сложной, двухступенчатой системой маскировки. Войти в этот бункер, который впоследствии будет носить имя его организатора Цедербаума(все бункера в гетто носят имена своих создателей) можно только через подвал, а вход в подвал заслоняет двухтонного веса подвижная стена. Казалось, в таком убежище жить да жить. Пусть там, наверху бесчинствуют немцы, воюют боевики, идут колонны на Умшлагплац. Здесь, в комфортабельном подземелье двадцать пять человек, отмеченных судьбой, предусмотрительных избранных живут размеренной жизнью, слушают радио, приносящее вести из надземного мира, играют в шахматы в гостиной, читают книги и ждут, когда прекратится безумие, охватившее мир. Тогда они смогут выйти на божий свет не жалкими изгоями, а теми, кем они были всегда - уважаемыми, состоятельными людьми, охраняемыми

законом и всем цивилизованным правопорядком. Чем не сюжет для философско-исторической пьесы? Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Немцы вошли на территорию фабрики щеток 20-го. Все, кто имел убежища, попрятались с самого раннего утра. Во дворах остались лишь наблюдатели, по несколько человек от каждого бункера, расположившиеся на определенном расстоянии друг от друга с тем, чтобы сразу же по цепочке передать сигнал опасности. Гольдман входил в их число. В 10 утра раздалось: «Идут!» В ту же минуту он бросился в свое убежище. Что в нем творилось! Какое там спокойное, комфортное существование... Вместо 25 человек в бункер набилось, как минимум, 60. Нельзя было отказать в приюте старикам, детям, наконец, у каждого имелись бездомные родственники. В комнатах - духота, сырость, запах пота, а самое главное - плотная физически ощутимая атмосфера нервозности, страха, подогреваемая отзвуками событий, происходивших наверху. Бункер содрогнулся от взрыва (лишь впоследствии они узнали, что это взорвалась мина, заложенная боевиками), задрожали стены. посыпалась штукатурка, погас свет. В наступившей темноте слышались грохот снарядов, стрекот автоматных очередей. Эти звуки войны усиливались во мраке, детонировали, и, казалось, становились все ближе, ощутимее. Тишина настала лишь около восьми вечера. «Выходить или не выходить?» - думал Гольдман. Не исключено, что наверху ждет какая-то ловушка. Наконец из-за стены, отделявшей вход в подвал, раздался голос, окликавший Цедербаума. Этим посланцем надземного мира оказался местный дворник Закс. Вместе с семьей он укрылся в чулане на уровне первого этажа. Семья погибла, когда немцы начали обстреливать снарядами и забрасывать гранатами подвалы и нижние этажи. Люди выскакивали из пламени, охватившего их убежища, на середину двора. Закс чудом уцелел и теперь с обожженным лицом, вывихнутой ногой, в одном белье сидел в бункере Цедербаума и рассказывал его обитателям о событиях дня. Решили выходить. То, что они увидели на поверхности, было неопишимо. Двор, засыпанный битым стеклом, обломками полу сгоревших досок, оконных рам, карнизов, всевозможной домашней утвари.

Пламя, охватившее дома и превратившее ночь в день. Дым, застилавший небо. Среди развалин валялись обгоревшие трупы, в лужах крови стонали раненые. В середине двора, спасаясь от огня, сбившись в плотную кучу, сидели те, кто уцелел. В изорванной одежде, а то и в белье, с черными от копоти лицами, с застывшим в глазах страхом, они представляли собой ужасное зрелище. От них стали известны дальнейшие подробности дня. Немцы поджигали дома, даже и не оказывавшие никакого сопротивления. В конце концов, многие, не выдержав пожаров, взрывов и стрельбы, добровольно строились в колонну, отправляемую на Умшлагплац. Таких отчаявшихся людей набралось около 600 человек. Но что же делать остальным? Одни считали, что хуже уже не будет, через несколько дней все успокоится, и тогда может представиться okazия для ухода на арийскую сторону. Немцы не должны прийти снова в эти разоренные, сожженные дворы. Что им тут делать? Ведь своего они добились - колонну отправили. Другие говорили о печальной судьбе ранее уничтоженных гетто, где немцы не успокаивались, пока не ликвидировали всех евреев до последнего. Надо безотлагательно перебираться на арийскую сторону. Но как? Гольдман подумал о туннеле, на рытье которого было затрачено столько сил. Оказалось, однако, что подвал, откуда он начинался, залит водой. В бункер вернулись во втором часу ночи. Но и здесь не прекращались разговоры на тему «Что дальше?» Вспомнили о том, что по соседству в подвалах хранятся несколько десятков тонн угля. В любой момент он может загореться от жара. Тогда всем конец. Надо немедленно перебираться в бункер «семерки». Так называлось убежище, построенное седьмым цехом фабрики. Гольдман и Цедербаум считали, что серьезной опасности нет, в их бункере - двухметровой толщины стены, да и к тому же в подвалах, где хранится уголь, имеются отверстия. Так что самовозгорание

маловероятно. Тем не менее, большинство решило уходить, забрав свою часть продуктов и минимум вещей. Остались 14 человек. Гольдман с братом, Цедербаум с сыном и племянником, больной Закс и другие. Теперь бункер стал таким, каким он должен был быть. Тихо, просторно, не так душно. Послушав радио, они легли спать под утро, надеясь на лучшее. В 9 утра проснулись от немецких команд, раздававшихся наверху. Весь день солдаты ходили по двору над их головами, топая сапогами, крича, лязгая оружием. Лежали неподвижно, казалось, даже дыхание может выдать их. Вечером, поужинав горячим (в течение дня лишь сосали сухари), вышли на поверхность. Те, кто, не имея убежищ, прятались в развалинах, рассказали, что жандармские патрули отыскивали и увели с собой несколько десятков человек. Но главные события дня происходили, судя по канонаде, в других районах гетто. Вернувшись в бункер, слушали радио, предавались воспоминаниям об ушедшей, такой теперь далекой жизни и, размякнув от этих ностальгических разговоров, даже завели патефон. В другой такой же вечер, наслушавшись по радио сообщений об успешных военных действиях англичан в Африке, позволили себе выпить по рюмке коньяку за победу. Но этот относительный покой был недолог. Вскоре стало известно, что в «семерке», куда ушла большая часть бункера Цедербаума, жить стало невозможно. Вместо 50 человек, как предполагалось при строительстве убежища, там скопилось 250. Атмосфера тяжелая, продукты на исходе. Сначала появилась первая группа «возвращенцев», затем все остальные. Вернулись с повинной головой, готовые во всем слушаться Цедербаума, которого единогласно избрали руководителем бункера. Никто уже не жаловался на скудный рацион, нехватку воздуха, как вначале. В других убежищах было хуже. Между тем пребывание немцев во дворе становилось все более продолжительным. Приходилось по два-три часа лежать на топчанах, следить за тем, чтобы не заплакали дети, не поссорились женщины, которые то и дело в самый неподходящий момент бранились из-за кухни и туалета. Вечерние разговоры с надземными обитателями двора заставляли приходить к выводу: немцы настойчиво ищут убежища - пядь за пядью обследуют сгоревшие дома и подвалы, взрывают все, что кажется им подозрительным. И снова возникал все тот же вопрос: «Что делать? «Решили действовать в двух направлениях. С одной стороны, попытаться откопать туннель, вырытый с свое время Гольдманом и его товарищами, а с другой - вести подкоп из бункера Цедербаума на территорию соседнего дома. Прорыли шесть метров, дошли до недоступного снаружи подвала и на этом остановились - людей все больше охватывала апатия. 1 мая, готовясь около девяти часов к обычной вечерней вылазке на поверхность, они не услышали мирных шагов жителей двора, которые служили им сигналом к выходу. Характер шагов они научились различать, как слепые. Они и были слепыми. Здесь, во тьме бункера, ухо становилось главным органом, слух изощрялся до небывалой остроты, с его помощью они «видели» все, что происходит на поверхности.

И то, что на поверхности сейчас ничего не происходило, наполняло их тяжелыми предчувствиями. В ту ночь они не выходили, а ранним утром до них донесся отзвук каких-то работ, которые немцы вели неподалеку от их бункера. В полдень взрыв сотряс стены. Потом настала глухая тишина. Выйдя вечером наружу, они поняли, что произошло. Вход в «семерку» оказался в развалинах. В углу под стеной прятался единственный уцелевший обитатель этого бункера - сорокалетний рабочий Вассерман. Он рассказал, что немцы утром отыскивали бункер. Окружив вход, они забросали его гранатами, предварительно подпалив соседние подвалы. Когда люди вышли, а их было 200 человек, солдаты подожгли бункер изнутри и завалили обломками вход. Такая, видимо, у них теперь была разработана технология. Все говорило о том, что конец близок. С утра до вечера в убежище слышались отголоски немецкой речи и смеха, раздававшегося во дворе. Особенно тревожило непонятное бряцанье металла об

асфальт, стук ломов и кирок, с помощью которых проверялись подземные пустоты. С восьми утра до восьми вечера люди неподвижно лежали на постелях, не решаясь даже воспользоваться туалетом. Вентиляция после окрестных взрывов не работала. Вонь стояла ужасная. К тому же появились вши. 8 мая был открыт и сожжен находящийся по соседству бункер, где находилась вооруженная группа боевиков. Гольдман предлагает уходить. Но куда? Туннелем, ведущим на арийскую сторону, воспользоваться невозможно. Выход из него стал известен немцам, и одна группа беглецов уже попала к ним в руки. Значит, остается только прятаться среди развалин. Однако большинство полагает, что удастся отсидеться, да и жаль оставлять вещи, запасы продовольствия, пусть даже и скудные. Даже брат Гольдмана не хочет ему сопутствовать. Согласились с ним лишь двое - Израиль Бойм, боевик, сражавшийся во время восстания, и столяр Гершберг. Выползли из убежища на исходе ночи и по шатким полуразрушенным лестничным клеткам близлежащего обгорелого дома вскарабкались на четвертый этаж. Там на остатках пола нашли одеяло и всякие мелкие бытовые предметы, свидетельствовавшие о том, что кто-то прятался здесь до них. Гершберг сказал, что лучшего пристанища ему не надо, завернулся в одеяло и заснул. Но Гольдману что-то не нравилось здесь

Какое-то звериное чутье подсказывало опасность; то самое чутье, которое и впоследствии не раз спасало его в тех ситуациях, где другие погибали. С помощью припасенной веревки он забрался на самый верх стены, не без труда втащил туда Бойма. Разбуженный шумом Гершберг, категорически отказался следовать их примеру. Воздвигнув на стене небольшую баррикаду из кирпичей и обломков жести, так что теперь их никак нельзя было увидеть со стороны двора, они лежали, наслаждаясь забытыми радостями жизни - свежим ветром, утренним солнцем, синевой неба. В семь показался отряд эсэсовцев - человек шестьдесят. Они тянули за собой мелкокалиберный миномет. Катясь по мостовой, он издавал то самое бряцанье железа об асфальт, которое так пугало скрывавшихся в подземелье. Во дворе расставили посты, и вскоре на лестнице раздались тяжелые шаги. Они слышали, как допрашивали беднягу Гершберга, допытывались, есть кто еще в доме, и он отвечал, что нет. Слышали, как шаги удалялись. Тесно прижавшись к стене, вдавливаясь всем телом в нее - спасительницу, они благословляли свою предусмотрительность. Пальцы Бойма стиснули рукоятку пистолета. Осмотрев лестничные клетки и подвалы, немцы принялись за систематическое обследование территории. Простукивали стены и асфальт. Время от времени раздавались выстрелы из миномета и рушились стены домов. Поражала методичность работы. Солдаты измеряли стены, которые казались им подозрительными, не ленились копать рвы там, где они подозревали укрытия. Вот они вытаскивают из подвала группу евреев, допрашивают, есть ли деньги, отделяют мужчин от женщин и детей. Ну, а что же бункер Цедербаума? Кажется, вот-вот он будет открыт. Немцы копают уже в двух-трех метрах от входа. Но пока все обходится. Час проходит за часом. Солнце скрывается за крышами домов. Скоро четыре. Должна же когда-нибудь закончиться эта акция! Оглушительный взрыв и клубы дыма и пыли, вставшие над тем местом, где находился бункер Цедербаума, дал понять, что он раскрыт. Дальше все, как обычно: появление людей с поднятыми руками, допросы, женский и детский плач. Едва затих звук шагов удаляющейся колонны, как Гольдман с Боймом были внизу. Из дыры в перекрытии бункера вырывались дым и пламя. Вокруг ни души. Они бегут среди развалин, спускаются в подвалы. В одном из них находят кого-то из обитателей бункера. Где брат Гольдмана? Жив. Еще через минуту они сжимают друг друга в объятьях. Уцелели всего двенадцать человек. Кто отсиделся в залитой водой и прикрытой досками яме для насоса, кто успел протиснуться в неоконченный подкоп, ведущий в соседний подвал. Остальных, и в том числе Цедербаума, бывшего хозяина фабрики щеток Монхайма и других собственников убежища, увели. - "Так открыли бункер инженера Цедербаума, - эпически пишет Гольдман, - который стоил около 300 тысяч злотых и должен был укрывать людей в течение шести месяцев". Этот разоренный, ограбленный, горящий бункер тем не менее оставался на ту ночь единственным их убежищем. И потому они прежде всего принялись гасить огонь одеялами и перинами. Затем

собрались на кухне, поели горячего, осмотрели остатки своих чемоданов и начали обсуждать, как жить дальше. Очевидно, что утром немцы продолжают свою работу. Где прятаться - в развалинах, в старых бункерах, в подвалах? Решили - в развалинах, но разбившись на малые группы с тем, чтобы потом искать более надежное убежище. На рассвете Гольдман с братом и Боймом вскарабкались по железным балкам на площадку чердачного пятого этажа полуразрушенного здания, имея на троих один плащ, одеяло, спасенное из бункера, и по мешочку сухарей. К их изумлению на четвертом этаже они застали работника фабричной охраны Гроссмана с необычайно толстой женой. Как она смогла взгромоздиться на эту полуразрушенную площадку? Подлинно, страх удваивает силы. Весь день они отдыхали, отлеживаясь, нежась в тепле майского дня, а вечером сошлись со старыми товарищами, которые решили обосноваться в замаскированной комнатке разбитого бункера, где хозяйничал мало кому известный Герман с сестрой. Тройка Гольдмана осталась на своей площадке, спускаясь к Герману только по вечерам для совместной трапезы. Вечерами Гольдман приходил в один из близлежащих дворов, где все оставшиеся в живых сходились, обсуждая события дня, строя догадки и предположения о будущем. Судя по этим сборищам, на территории фабрики щеток к тому времени насчитывалось примерно пятьсот человек. Большинство из них остались без продуктов питания, без убежища, скрывались в развалинах, в разрушенных подвалах, постоянно меняя укрытия из страха перед доносом. Многие прятались в комплексе домов на Свентоежской, 36, 38, Воловой, 2, 4. В этих домах при том, что лестничные клетки оказались разрушенными, перекрытия на многих этажах каким-то чудом сохранились. Как-то в конце дня они слышали из своего укрытия на лестничной площадке голоса немцев. Судя по всему, какая-то комиссия проверяла территорию. В руководителе ее Гольдман узнал командира эсэсовского отряда, 10 мая, взорвавшего бункер Цедербаума. Из разговора он понял, что часть дома, в которой они укрывались, будет взорвана, вот-вот должны явиться солдаты с динамитом. Как только голоса комиссии начали затихать, они оказались внизу, в одном из близлежащих подвалов. Просидели там до вечера, но команда динамитчиков не явилась.

Вечером, на обычном сборище, называемом «биржей», они рассказали об услышанном, предостерегли остальных о том, что надо быть готовым в любой момент покинуть свое убежище. На рассвете сложными путями - по балкам, карнизам, проломам в стенах - добрались до дома на Свентоежской, 36, где у стены, граничащей с другим домом, уцелела часть чердака четвертого этажа. Разместились на чердаке. Под ними расположилась довольно многочисленная, знакомая Гольдману компания. Новичков угостили супом, дали одеяло. Особенно добросердечна была семья Шерманов. Это выглядело особенно трогательно теперь, когда повсюду шел счет каждый горсти крупы, каждой картофелины. Жизнь на чердаке оказалась наиболее приятным временем из всех семидесяти пяти дней, проведенных в пылающем гетто. На всех подходах к дому выставлялись наблюдательные посты из числа его обитателей. К тому же само их убежище было закрыто от взглядов и недоступно снизу. Только акробат мог забраться наверх по голым стенам. Дома, окружавшие двор, соединялись между собой разными тайными проходами, давая возможность быстрого ухода. Эти дома населяли довольно многочисленные и доброжелательные компании. Под ними - семья Шерманов, входившая в коллектив численностью в двадцать человек. По соседству находилось логово группы Кренского, состоявшей из десяти здоровых молодых парней. Чуть подальше жили семьи Привеса и Вислицкого из дирекции фабрик металлоизделий. За стеной, разделяющей дома 34 и 36 по Свентоежской, находилось убежище боевиков, возглавляемых Шмуэлем Мелоном (Шмуликом). Как люди опытные в этой звериной жизни, наши герои немедленно взялись за прокладывание коммуникаций, связывающих их укрытие с системой путей, уже проложенных в домах. Вскоре к ним перебралась группа Кренского, принесла с собой лежаки, одеяла, продукты. Днем выходили на «террасу» с видом на Огород Красиньских, лежали на солнце, били вшей, в изобилии водящихся в одежде, читали книжки, чистили оружие. Один из боевиков - Берек, - парикмахер по профессии, потерявший, как, впрочем, и многие другие, семью - жену и единственного ребенка, начистив пистолет, исчезал на день-два. Вернувшись, удовлетворенно говорил: «Ну, вот еще один.» Неотступной была все та же мысль: «Что дальше?»

Неужели так вот и ждать смерти от голода или немецкой пули? Гольдман жил теперь среди

молодых, активных, вооруженных людей, на помощь которых он мог рассчитывать в поисках выхода из гетто. Он предложил попробовать связаться с арийской стороной по телефону. Ему принесли аппарат. Начали искать кабель, к которому можно было его подключить, - не нашли. Кто-то вспомнил, что на углу Налевок и Францисканской имеется не разрушенный шкаф телефонной сети. Ночью отправились туда небольшой группой. Шли бесшумно, сняв обувь, с пальцем на курке пистолета. Накрыв шкаф одеялами, при зыбком огоньке свечи, Гольдман дрожащими от волнения пальцами манипулировал с клеммами. Связи не получалось. Самое впечатляющее в этой истории - рассказ о ночном гетто. О драках из-за оружия. О мужчинах, обросших, оборванных, бесшумными призраками появлявшихся с револьвером в руке. О женщинах с обликом ведьм, готовящих еду на костерках среди развалин для детей, превратившихся в зверят. Их спокойное существование на "террасе", залитой солнцем, было недолгим. Немцы снова начали появляться на углу Свентоежской и Валовой. Снова крики, выстрелы; евреи с поднятыми руками выходящие из руин. Только теперь их не угоняли на Умшлагплац, а расстреливали на месте, сжигая затем трупы. Они понимали, что рано или поздно откроют и их укрытие. Расчет был на то, что наблюдательные посты, весь день несущие вахту, сумеют предупредить своевременно, так что можно будет уйти по заранее подготовленным путям через проломы в стенах. Каким образом немцы сумели миновать наблюдателей и подкрасться незаметно, Гольдман так и не понял, но однажды утром на лестнице раздался шорох, и он с ужасом увидел, что солдаты уже на третьем этаже. Едва успели уйти в соседний дом, замаскировав проход в стене досками и всяким хламом. За стеной их ждала группа Шмулика. Все вместе укрылись в темной коморке и оттуда послали двух разведчиков. Те сообщили, что немцы повсюду, и один из постов как раз под ними, так что уходить некуда. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, двадцать два парня и три девушки - решив умирать с оружием в руках. У них было двадцать револьверов и две гранаты. Который раз Гольдман сидел в тесном укрытии, прижавшись к товарищам, в ожидании смерти. И также томительно тянулся час за часом на крохотном потаенном островке среди криков, выстрелов, плача, наполнявших весенний солнечный день. Вот-вот волна этого безумия захлестнет и их, но пока не захлестывала, миновала. Они просидели так одиннадцать часов до восьми вечера, пока солдаты, построившись, не ушли со двора. На лестничной клетке, где они прожили столько дней, из группы Шермана нашли лишь самого отца семейства. Ему удалось уцелеть, так как он находился на наблюдательном посту. Жену и сына забрали. 14-летняя дочка пыталась бежать, и ее застрелили. Из захваченной группы немцы выделили двух 16-летних девушек, видимо для того, чтобы использовать их на следующий день для поиска других людей, а остальных отвели на Мурановскую площадь и расстреляли. Поздней ночью с Мурановской пришли раненые жена и сын Шермана, они-то и рассказали подробности. А между тем на чердаке шли приготовления к перемещению в другое укрытие.

Группа Кренского решила вообще уйти с территории фабрики щеток, взяв с собой часть людей Шмулика. Куда? Это было тайной. Видимо, имелось заранее приготовленное запасное убежище. Другая часть банды Шмулика (Гольдман так и писал - банда) переместилась в укрытие Крамера на Валовой, 10, а кто-то рассеялся по территории. Только четверо остались в убежище, где накануне команда Шмулика пересиживала акцию. Трое погибли, одна девушка уцелела, спрятавшись в дымоходе.

От нее-то и узнали потом подробности утренней облавы. Одна из схваченных накануне девушек показала аскарам (в данном случае это были украинцы) проход в другой дом, через который убегали Гольдман и его товарищи. Двух из найденных там людей они отвели во двор и расстреляли. Третья - молодая девушка - умоляла, чтобы ее убили на месте. Ей объясняли, трупы оставлять на лестнице запрещено, а потом "сжалились" и застрелили. Три трупа сожгли во дворе. И снова убежища - лестничные площадки, бункера, подвалы или даже просто замаскированная яма, где лежали, словно звери в норе, весь день в темноте на сыром песке. Затишье на территории фабрики сменялось интенсивными облавами. И каждый раз Гольдман чудом, а вернее, благодаря своей необычайно изощрившейся предусмотрительности избегает гибели. Порой ему, босому, полуголому приходилось выскакивать из раскрытого бункера и бросаться в близлежащий подвал, слыша голоса преследующих их немцев. Он то и дело обретает «дом» и

припасы, а потом теряет их. На территории осталось не больше ста евреев. Они по-прежнему собираются на ночной «бирже», обмениваясь новостями, обсуждая, где взять еду и воду. Еды все меньше и почти совсем нет питьевой воды. Водопровод перекрыт, источники отравлены сероводородом или засыпаны. В некоторые родники брошены трупы, и в воде плавают толстые белые черви. Выручают дожди. Воду набирают в любую емкость, черпают из луж, меняют на еду - сто граммов за два килограмма каши. Уже шли двадцатые числа июня, два месяца продолжалась эта жизнь, а конца ей не было видно. Вместе с братом они решаются на самоубийственный поступок - перелезть ночью через стену по приставной лестнице, проскочить между постами жандармов, разбежаться в разные стороны и, отсидевшись в подъездах, сойтись в условленном месте. Сменили белье, одели «выходную», специально припасенную на этот случай одежду, но пока возились с лестницей, ждали момента, начал сереть рассвет и пришлось уходить обратно в укрытие, на площадку четвертого этажа. Только забрались туда, как раздались выстрелы, полетели осколки кирпичей. Спрятались в уборной. Сквозь щели были видны пятеро молодых немцев, которые со двора прицельно обстреливали дом. Оставалось только одно - пройти шесть метров над пропастью по балке перекрытия до стены, где есть проход в соседний дом. Когда немцы, услышав шум камешков, падающих из-под их ног, обстреливали балку, они были уже за стеной. Бежали по Свентоежской среди бела дня, слыша немецкую речь, играя в прятки со смертью. По газовым и водопроводным трубам, свисающим со стен, вскарабкались на четвертый этаж. Сидели там до вечера и только ночью на «бирже» узнали, как им повезло. В тот день акция охватила всю территорию. Пришлось отказаться от плана побега на арийскую сторону. У них не было теперь ни одежды, ни обуви. Все осталось в укрытии, и было сожжено немцами. Теперь они в очередной раз рыли подкоп, один из многих начатых и неоконченных туннелей... Это был замечательный туннель - 80 сантиметров ширины, метр двадцать - высоты, около пятнадцати метров длиной. Они превратились в земляных червей - рыли землю, спали, жили в ней. Только что не ели ее. Их продовольственный запас, который они берегли, насчитывал двадцать килограммов фасоли, немного жира, сухарей и запас воды. Временами они чувствовали себя в могиле. Земляная толща давила физически, начиналось сердцебиение, бил озноб, в груди и висках - тяжесть. Казалось, не выдержишь - умрешь, если не выйдешь. 2 июля они узнали на «бирже», что в предыдущую ночь на арийскую сторону ушел с семьей Шимек Кац, работник фабрики щеток, боевик, за которым пришли специально посланные люди. Гольдман слышал о том, что такая акция готовится и теперь рвал на себе волосы, что не держался поближе к Кацу, не использовал эту последнюю оказию. Ходили слухи, что сегодня отправится за стену другая группа людей. Но сколько таких слухов будоражило «биржу» каждую ночь! Надо было позаботиться о воде. За ней послали Гроссмана, который, потеряв жену, сопровождал Гольдмана и его брата в скитаниях последних дней. Уйдя с чайником и кастрюлей, он куда-то запропастился. Пришлось искать его. Отправились на Францисканскую и там, в тени сожженной синагоги обнаружили толпу оживленных людей. Подошли поближе и обомлели. В центре толпы стоял бывший фабричный охранник Шладковский, который вчера приходил за Кацем. При свете ручного фонарика он раздавал свежий хлеб. Люди, не видевшие его два с половиной месяца, грязными руками ломали буханки, запихивая куски в рот. Затем начался торг. За препровождение на арийскую сторону Шладковский запрашивал 15 тысяч злотых с человека. Гольдман отдал все, что у него было - 20 тысяч. Остальные деньги за брата и за себя доплатил Гроссман. Они боялись отойти от своего избавителя, чтобы добежать до укрытия, чтобы взять самое необходимое. Кто-то набросил Гольдману на плечи пиджак, он-то пришел сюда в одной рубашке. Резник Фильцман, у которого все равно не хватало до семидесяти тысяч, необходимых для вывода его семьи, подарил тысячу на карманные расходы. И вот они в последний раз идут по пустым ночным улицам гетто. В каком-то подвале Шладковский, раздвинув обломки камня, закричал в открытую яму: «Вацек, Вацек!» Не дождавшись ответа, спрыгнул вниз. Прыгнув за ним и оказавшись по колено в воде, Гольдман сообразил, что попал в уличный канал. Между тем фонарь его проводника стремительно удалялся, все слабее доносился его голос: «Вацек, ребята, где вы?» Пронзило сомнение, уж не афера ли? Но вскоре свет фонаря стал

приближаться. Шладковский шел с каким-то рабочим. Отдав наших героев на его попечение, он пошел назад за остальными. Всего в ту ночь он подрядился вывести десять человек. Вчетвером сидели в подвале. Оказалось, что неизвестно, кто кого опекает. При звуках канонады Вацек норовил удрать, и приходилось его удерживать. У него пытались выпросить, что происходит на белом свете, ведь до обитателей гетто так давно не доходило никаких новостей, Вацек ничего не знал. Прошел час. Наконец в отдалении показались фонари. Шкладковский вел целую вереницу людей. Сформировали колонну и побрели путем, которым хаживало столько евреев - по каналам, по колено, а то и по пояс в сточных водах, согнувшись, содрогаясь от омерзения и страха. Вышли на Привислянский откос. Бросились под стену ближайшего дома, присели отдохнуть. Доносился плеск реки, запах полей, свежей травы, листьев, столь сладостный для обоняния, привыкшего к тошнотворной вони разложившихся трупов и к спертому воздуху подвалов. Потом мылись, чистились, сушились в каком-то заброшенном фабричном здании. Шел пятый час утра. Пора было выходить в город. Обсудили с братом и Гроссманом дорогу к друзьям Гольдмана. Каждый должен был идти отдельно. Почистили пальто, поправили шапки. Вышли. На улицах Стара Мяста виднелись немногочисленные прохожие. Надо было идти так, чтобы никто не обращал внимания на твой болезненный желтый цвет лица, на не стриженные несколько месяцев волосы, на мятую одежду, а главное - на черты лица. За минувшие два с половиной месяца он научился бесшумно красться среди развалин, ориентироваться в ночи на разрушенных улицах, бегать по крышам и ходить по балкам на многометровой высоте, карабкаться по стенам. Его слух изощрился, зрение обострилось. Он мог, как зверь, убегать от погони и, как зверь, прятаться в норе. Теперь предстояло учиться другому - идти с гордо поднятой головой, энергично, уверенно, громко стуча каблуками, насвистывая уличную песенку и напоминать себе: «Ты выдержишь, ты должен выдержать. Осталось совсем немного». Жандармский патруль. Не гляди на него, иди, как ни в чем не бывало. Замковая площадь. Здесь надо сесть на трамвай, идущий в направлении Театральной площади. Там выйти и сесть на другой трамвай в направлении на юг. Около восьми он добрался до дома друзей. Живут ли они теперь в этом одноэтажном домике с палисадником? Хозяйка, выносившая обедки псу, увидев его, заплакала. Он тоже заплакал. В 10 пришел брат. В 12 - Гроссман. Спустя какое-то время он встретился со Шладковским. Тот сказал, что обратно за очередной партией ожидавших его людей он не пошел. Скрываясь на арийской стороне, Гольдман все старался узнать, что происходит в гетто. Ответ был один: «Выстрелы

Глава 14. Варшавское гетто в фотографиях

Немецкий ефрейтор Джо Гейдекер не раз нелегально с риском быть задержанным (посещение гетто даже немецкими военнослужащими было категорически запрещено) проникал на территорию гетто, чтобы сделать несколько фотоснимков.

Он хорошо знал Варшаву, где с довоенных времен жили его хорошие знакомые. Ему посчастливилось остаться в войне живым и невредимым. В 1945-м и 1946-м он вел радиорепортажи с нюрнбергского процесса.

Вторично он оказался в Варшаве в 1941 году, где была расквартирована его часть.

Он оставил нам пронзительные фотографии оккупированной Варшавы и Варшавского гетто.

Впоследствии он написал:

«Необходимо сказать, что я никогда не фотографировал по долгу службы, или по заданию. Я не был корреспондентом, я был техником в лаборатории. Я фотографировал по собственной инициативе, на свой страх и риск. И к счастью моё начальство ничего не знало об этом. Не думаю, что смогу передать, что именно я чувствовал тогда. Я разрывался между стыдом, ненавистью и беспомощностью. Я горячо желал скорейшего и полного поражения Германии и понимал, что до этого еще далеко. Мои фотографии я сделал для того, чтобы этот позор не был забыт, чтобы мир услышал этот крик. Больше мне нечего ответить. Я виноват: я стоял и фотографировал, вместо того, чтобы что-то делать. Даже тогда я понимал это. Спрашивать себя, а что я мог сделать – трусость. Что-нибудь. Проткнуть охранника штыком. Застрелить офицера. Дезертировать и перейти на другую сторону. Отказаться служить в армии. Саботировать. Не подчиниться приказу. Отдать свою жизнь. Я знаю сейчас, что оправдания нет».

«Зачем я это делал? – писал он. Не думаю, что смогу передать, что именно я чувствовал тогда. Я разрывался между стыдом, ненавистью и беспомощностью. Я горячо желал скорейшего и полного поражения Германии»

Стену вокруг него только что построили, и во многих местах она была еще недоделана. Немногие подъездные пути загораживала колючая проволока и патрули польской и немецкой полиции. Трамвайный маршрут проезжал сквозь гетто без остановок по узкому коридору. На нем часто катались любопытные – поглядеть, что происходит внутри. Другие любопытные каждый день стояли у ворот гетто. Там можно было наблюдать, как полиция обыскивает и избивает входящих евреев. В то время обитатели гетто еще могли – группами и по отдельности – выходить из гетто на работу. По возвращении с ними часто обходились бесчеловечно. Я уже рассказывал об этом по радио. К примеру, о том, как пристреливали детей, пытавшихся пронести в гетто буханку хлеба. Мужчин, даже стариков, били до крови. Толпа зевак поддерживала эти избиения».

В одно из таких посещений гетто он зашел в подъезд дома, где ему предстояло встретиться с одной семьёй. *«Я боялся взглянуть правде в лицо. Правде, окружавшей меня тысячами несчастных человеческих существ, сливавшихся в единую массу в тусклом свете улиц. Я был в центре страшной тайны немецкой силовой машины. Я боялся того, что ожидало меня на улице Дзельна. Но я хотел знать правду».* (На улице Дзельна жили знакомые Гейдекера, которых он хотел навестить). Далее он продолжал: *«Я ушел уверенный в том, что все эти несчастные люди*

приговорены, сознательно и преднамеренно приговорены, к смерти. Я не видел, что могло бы остановить этот беспредел, пока он не достиг высшей точки»

То, что он увидел в этом доме, потрясло его.

На входной двери не было ни замка, ни цепочки. «Все двери должны быть не заперты», сказали ему.

«Мы прошли по темному коридору и поднялись по деревянной лестнице. Коридор и лестница были заполнены людьми. Они лежали на полу, они сидели на ступеньках, завернутые в пальто, в одеяла, в тряпье. Женщины с закутанными детьми на коленях. Все прижимались к стене, давая мне пройти. Кто-то пытался встать, как они были обязаны в присутствии немца. Я неловко просил, чтобы на меня не обращали внимание. Хотя в комнате была теснота, всё равно было холодно. Мы сидели в пальто, и я был рад этому, потому что пальто закрывало свастику над грудным карманом моей гимнастерки. То, что я узнал из рассказов тех женщин – о постигнувших их несчастьях – о том, как они оказались в этой комнате, в этой душной темнице с заколоченными синими окнами, вычурным потолком, серым полом, изношенным паркетом и старой мебелью».

Далее он продолжал: *«Я ушел уверенный в том, что все эти несчастные люди приговорены, сознательно и преднамеренно приговорены, к смерти. Я не видел, что могло бы остановить этот беспредел, пока он не достиг высшей точки»*

Гейдекер раз за разом проникал на территорию гетто и делал там снимки.

Часть этих фотографий экспонируются в Иерусалимском музее Холокоста Яд Вашем.

У входа в гетто.

Дзельна – узкая и тихая улица. Дом справа от дома номер 27 лежал в руинах, покрытый снегом.

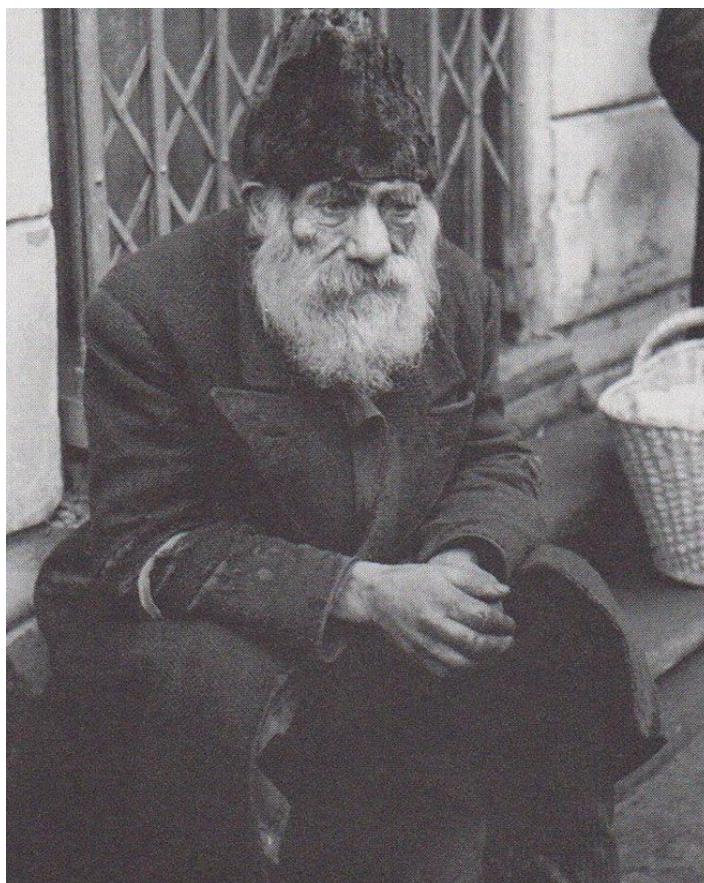

«Я присел рядом с нищим мальчишкой. Он сказал, что пел весь день. Я насчитал 26 грошей в его шапке – 13 немецких пфеннингов. Цены на продукты при этом были страшно высокими. В переводе на немецкие деньги батон хлеба стоил 200 марок».

Фотографии, сделанные немецкими хроникерами

Bundesarchiv, Bild 101I-134-0780-38
Foto: Cusian, Albert | 1941 Sommer

Барахолка

Bundesarchiv, Bild 101I-134-0778.27
Foto: Cusian, Albert I 1841 Sommer

Рикши в гетто.

В казино. 1941 г.

Когда еще работали театры.

Проверка документов

Первый год гетто. Они не знали, что их ждет.

Когда еще можно было получить порцию супа.

На принудительные работы.

Bundesarchiv, Bild 1011-134-0768-06
Foto: Knobloch, Ludwig | Mai 1941 ca.

На принудительных работах.

Bundesarchiv, Bild 1011-001-0251-38
Foto: Schulze | 1939 September - Oktober

Разбор завалов.

Слесарные работы на заводах Тоббенса

Пошив военной одежды

Bundesarchiv, Bild 1011-134-0782-24
Foto: Knobloch, Ludwig | Mai 1941 ca.

Рынок.

Детская торговля

Подростки на улицах гетто. 1943 г.

Голодающие дети в гетто.

За подаянием.

Нищета!

Проявление крайней нищеты.

Bundesarchiv, Bild 1011-134-0780-10
Foto: Cusian, Albert | 1941 Sommer

Еще один труп!

Тела умерших жителей гетто везут на кремирование.

Узник варшавского гетто держит в руках тело мертвого младенца. 1941г

Немецкий полицейский остригают бороды варшавским евреям. 10.1939г

Переход между большим и малым гетто.

Подаяние.

Движение в гетто.

Тюрьма Павиак

Фотографии из сайта «imgur EMERALD»

Уничтожение гетто.

— Ein Großkriegg. —

Рушат дома.

Огнемет в действии.

Горит гетто.

Спасаясь от огня.

Этих людей отправят в Трeблинку.

Повстанцы

Улица Заменгофа, входившая в гетто, после войны.

Фото: Музей Варшавского восстания / Stacja Muranów, muranoteka.pl

Муранов, 1945 год, по центру — костел св. Августина. *Фото: muranoteka.pl*

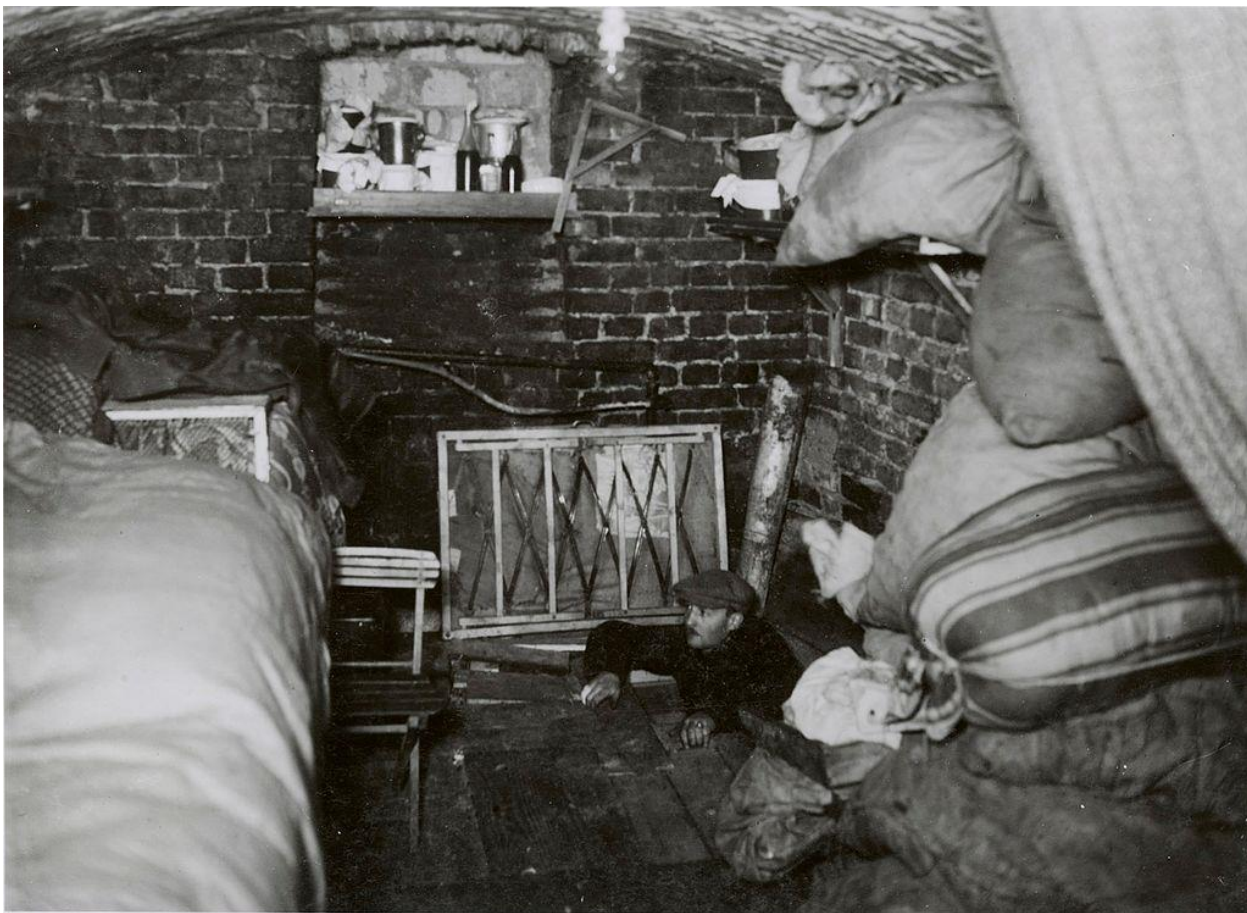

После зачистки гетто Варшавы было разрушено полностью

Narodowe Archiwum Cyfrowe, sygn. 37-347-2

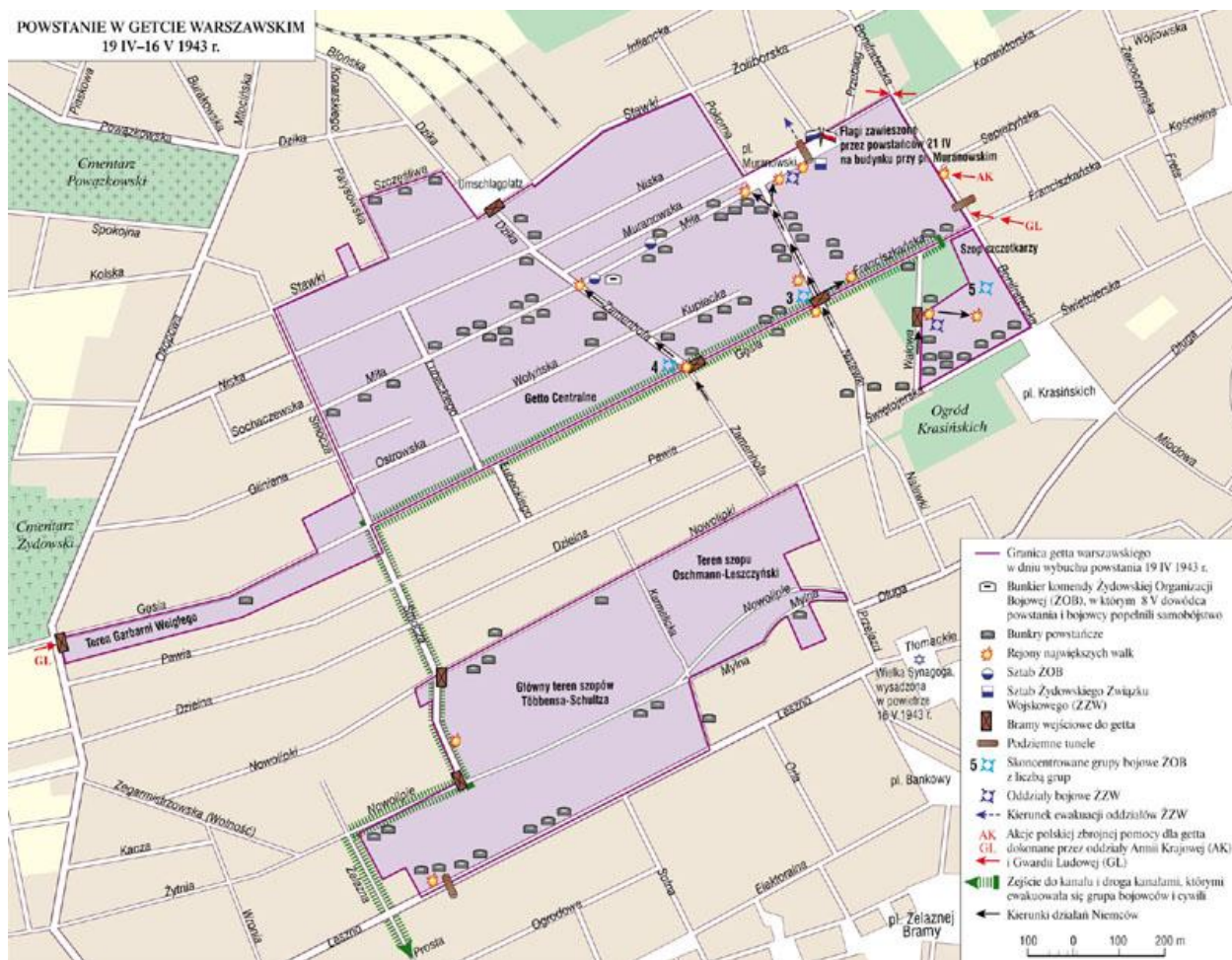
Из укрытия

Один из бункеров.

Гиммлер благодарит Штроопа

Строительство Муранова

Муранов после войны

Сохранившийся фрагмент стены гетто на улице Сенной.

- Аренс, Моше, «Flags Over Гетто»
 - Apfelbaum, Marian 2007, «Два флагов; Возвращение в Варшавском гетто», Gefen издательства. ISBN 978-965-229-356-5
 - Дэвид Wdowiński (1963). И мы не спасены. Нью - Йорк: Философская библиотека, 222. ISBN 0-8022-2486-5 .
 - Энтони Полонский, «Герои, торгоши и рассказчиков: Новая история еврейского военного союза (ZZW) в Варшавском гетто» Яд Вашем исследований, 41: 2 (2013)
 - Исраэль Гутман, Наама Галиль. Катастрофа и память о ней. Иерусалим: Яд Вашем, 2007
 - Катажина Zechenter, Марек Эдельман , [В:] Holocaust литературы. Энциклопедия писателей и их работа . Том 1, Routledge 2003, стр 288-90. ISBN 0-415-92983-0https
 - Moczarski, Казимеж (1984). Беседы с палачом. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. ISBN 978-0-300-09546-3. Оригинал на польском языке: PDF 1,86 Мб.
 - Эдельман, Марек (1990). Гетто Бои: Варшава, 1941-43. Лондон: Закладки Публикации. ISBN 0-906224-56-X .
 - Goldstein, Bernard (2005). Пять лет в Варшавском гетто . Oakland: AK Press. п. 256. ISBN 1-904859-05-4 .[2]
 - Meckl, Маркус. «Память в Варшавском гетто». Европейское Наследство 13,7 (2008): 815-824.
 - Paulsson, Gunnar S. (2002). Секретный Город: Скрытые евреи Варшавы, 1940-1945 . New Haven: Yale University Press. ISBN 0-13-171918-1 .Обзор
 - Chaim Lazar. Muranowska 7. The Warsaw Ghetto rising. — Masada: Tel Awiw, 1966.
-
- Jürgen Stroop. Es gibt keinen jüdischen Wohnbezirk in Warschau mehr!. — 1943.
 - Jürgen Stroop. Żydowska dzielnica mieszkaniowa w Warszawie już nie istnieje!. — Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2009. — ISBN 978-83-7629-065-2.
 - Wdowiński D. And We Are Not Saved.. — London: Allen, 1964.
 - Emanuel Ringelblum. «Kronika getta warszawskiego». — Warszawa: Czytelni, 1983. — Т. II.
 - Материал из Википедии
 - В.М.Алексеев "Варшавского гетто больше не существует...
 - Wdowiński D. And We Are Not Saved.
 - D. Libionka, L. Weinbaum. Bohaterowie, hochsztaplerzy, opisywacze. — Warszawa: Stowarzyszenie Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011. — ISBN 978-83-932202-8-1.
 - Владислав Шпильман «Пианист» Нью Йорк; Пикадор 1999
 - Владимир Тулин «Как поляки воевали за и как против Гитлера» Блог 29 марта 2020
 - reall.onliner.by
 - Еврейский обозреватель. Информационно-аналитическое издание еврейской конфедерации Украины.1 Н-р 04/304/ апрель 2018
 - Лазар Литви. Восстание Варшавского гетто. Еврейский мир.
 - Марек Эдельман «И была любовь в гетто»
 - Фотографии оккупированной Варшавы взяты из Бундес архива
 - Михаил Дорфман. «Еще раз о гетто»

•

.